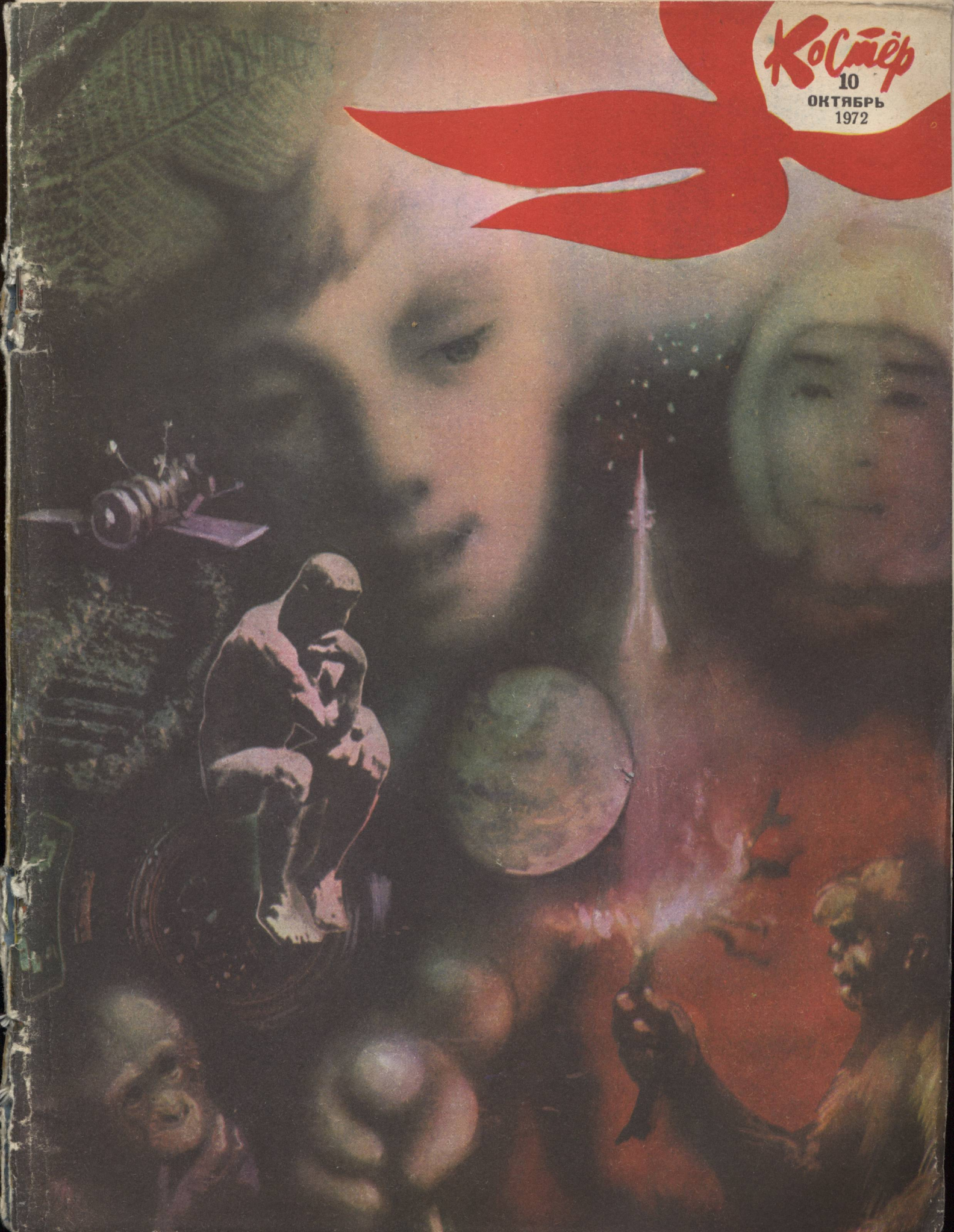

Космос

10
ОКТАБРЬ
1972

Колтёр

10

ОКТАБРЬ

1972

Ежемесячный журнал

ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР

*На четырех
колесах
по всему Союзу*

1

**У ПИОНЕРОВ
ЗАВОЛЖСКОГО ГОРОДА**

16

**ЗАДУМАЕМСЯ
НАД ЗАКОНАМИ
ПРИРОДЫ**

19

**ЖИВ ЕЩЕ ЭМИЛЬ
ИЗ ЛЁННЕБЕРГИ!**

34

На обложке рисунок
Б. Стародубцева
к главам из книги
„О Великих Законах“

На титуле
рисунок Г. Нижеева

Союз
нерушимый

РАФик — в самый раз

Ф. Нафтумьев

Фото О. Василевского

Решался вопрос о дальнейшей поездке.

— Автобус для вас слишком много, — объяснял в телефон начальник базы. — Вас только семеро. Газик хотите?

— Нет, — возражали мы, — не хотим газик. Нам целых семеро и, кроме того, оборудование, фотоаппараты, магнитофоны...

— Ладно, — сдался начальник. — Пришлю РАФ.

Так я снова оказался в РАФе.

Я люблю в нем ехать. Сидишь будто в уютной комнатке, в удобном кресле. Можешь дремать, можешь встать и сделать два-три шага к шоферской кабине, туда, где столик, и сыграть за этим столиком, например, в домино.

Впрочем, истинные путешественники в дороге не дремлют и в домино не играют. Они смотрят в окно во все глаза и любую подробность замечают — и как прекрасно лес зеленеет, и как великолепно озеро блестит, и кому это наш шофер только что просигналил.

А сигналил он часто — здоровался. Потому что каждая пятая или по крайней мере десятая из встречных и попутных машин была РАФом.

Вот промчался кремового цвета РАФ, с надписью на кузове: «Торты». А у следующего, голубого, надпись не такая вкусная: «Стиральные порошки».

Летели РАФы милицейские, с заунывной сиреной и желтой фарой на крыше, и РАФы медицинские, с тревожным красным крестом на дверцах.

Спешили РАФы с ленинградскими, московскими, украинскими, прибалтийскими номерами. У каждого был свой маршрут, свой груз и своя забота. Пешеходы с обочин шоссе на них не оглядывались — привыкли. И вспомнилось, с каким удивлением и восхищением узнал я пятнадцать лет назад о новом, пробной серией выпущенном автомобиле марки «Фестиваль».

В те дни Москва готовилась принять многие тысячи зарубежных гостей. Гости — делегаты всех континентов — были молоды и непоседливы. Кому не терпелось попасть на концерт, кому —

на выставку, кому — на стадион, и все это в разных концах Москвы, а Москва большая.

Тогда, очень кстати, и появились на столичных улицах юркие машинки, не то автобусы, не то такси, похожие на толстенных крутолобых бычков.

Они везде проникали и всюду успевали. Отлично помогали разбить общую праздничную реку на ручейки и опять собрать их воедино.

Фестиваль кончился, а бычки остались. Они быстро усвоили, где им теперь «пасться». Оказалось, что микрофургон нужен решительно всем.

Нужен врачам. Нужен милиционерам. Мебельщикам. Кондитерам. Портным. И нам, путешественникам.

Наш РАФ бежал охотно и резво. Чем дальше мы отъезжали от дома, тем веселее он становился. Наверно, потому, что магистраль вела на его родину, туда, где он явился на свет.

Назавтра мы приехали в Ригу.

Мы решили: не будем спрашивать, где Рижская автомобильная фабрика. Наверняка заметим сами еще издали: фабрика — это же трубы, это огромные, в два квартала длинной, корпуса, проходная с круглыми часами, — да что проходная, — две, три, пять проходных!

Однако ничего такого нам в нужном районе не попадалось. Никаких признаков. Вон универмаг, вон почтамт, вон у решетчатых ворот стайка автомобилей — то ли станция технического обслуживания, то ли бензоколонка; кстати, и нам пора заправиться.

Притормозили — и выяснилось, что здесь наш финиш.

Без труб. Без бетонно-стеклянных корпусов. С непарадной вывеской у входа.

Спустя полчаса директор фабрики Илья Иванович Позняк рассказывал:

— Приезжает народ, видит — машины выходят. «А где вы, — спрашивает, — их делаете?!»

Здесь размещался в свое время, не такое уж дальнее, цех авторемонтного завода. Скромный, почти что заштатный цех. Делали в нем понемножку кузова автобусов-«пазиков».

Но однажды работникам этого цеха пришла в голову некая мысль.

Когда рождается серьезная мысль, это уже само по себе восхитительно. Но не нужно считать, что этим все и кончается. Мысль еще нужно превратить в дело. И тут пути разные. Можно, к примеру, обивать пороги начальства: «Постройте мне авиационный за-

жиров, — и просил разрешения на эксперимент.

Министр разрешил.

В цеху не было ни сварочного аппарата, ни мало-мальски мощного пресса. Детали округлой формы выколачивали вручную. Вместо трех запланированных месяцев провозились шесть: каждый узел доставался многими потами.

Получился красавец «Фестиваль», но сейчас он уже кажется уродцем — столько новых, усовершенствованных моделей РАФов выпущено с тех пор.

Сейчас из ворот фабрики выезжает («Где вы их делаете?!») три тысячи восьмьсот ав-

вод, я придумал новую систему самолета». А можно, не дожидаясь завода, своими руками, в сарайчике, из бросовых материалов смастерить пробный экземпляр, и он полетит, и заявит о себе как следует, и любому тогда станет ясно: завод действительно нужен.

Этим путем и пошли рижские конструкторы.

Руководил ими талантливый инженер и известный в прошлом автогонщик Лаймон Рихардович Клеге.

Он написал министру, что намерен построить машину, каких в Союзе до того не выпускали, — скрестить легковушку с автобусом, специально для небольших групп пасса-

томобилей в год. Из тех самых ворот, которые и заметить с улицы трудно.

— Мы — маленький коллектив, — сказал директор Позняк, — но мы — это, как его, — все в тельняшках.

Эдуард Пилацис, один из многих РАФовцев, — он водил нас по фабрике, — определенно в тельняшке.

В свободное от работы время он еще успевает играть в футбольной команде и в музыкальном ансамбле.

По вечерам, если не идет на репетицию, Пилацис считает на логарифмической линейке и чертит. Он придумывает свой собственный автомобиль.

Здесь вообще любят придум-

мывать автомобили. Был даже объявлен детский телевизионный конкурс: «Автомобиль 2000 года». На фабрику пришла масса писем и рисунков: машины с ракетным, с атомным двигателем, амфибии, авиетки, — и почти все они чем-то неуловимым напоминали РАФ.

Во дворе стоял РАФ не двухтысячного, а тысяча девятьсот семьдесят третьего года. Завтрашний РАФ, РАФ 2203. Первый образец новой модели.

Нам посчастливилось совершить на нем поездку.

Сперва долго и медленно пробирались по закоулкам, подавая то чуть влево, то впра-

вдохнули свободно и помчались. В кабине необжито пахло синтетикой. Широоченные окна походили на киноэкраны. Водитель Юрий Казимирович Смирнов включил приемник, и вдруг зазвучала по «Маяку» узбекская мелодия. «Предчувствует!» — сказал Смирнов.

РАФ предчувствовал: скоро ему отправляться через всю страну на ходовые испытания.

Сначала на автополигоне в городе Дмитрове под Москвой его потрясут на «булыжнике», на «гребенке». Затем проверят на жару (Красноводск—Ашхабад), на горы (Кавказ), на пассажира (автобаза в Ташкенте).

Недаром из общего числа запланированных РАФов едва не половина — медицинские.

О них нам рассказывал Гунар Екабович Звагулис, заместитель Клеге по экспериментальным работам. Рассказывал подробно и спокойно, и неожиданно в его голосе прорвалось волнение:

— В Москве соберется особая комиссия, автомобиль специальный, реанимационный, — что скажут?..

«Реанимационный» значит «возвращающий к жизни». В салоне РАФа 22031 — установка «искусственные легкие», дефибриллятор для помощи сердцу, бестеневые лампы. Это машина для больных, которых не довезти, которых нужно спасти немедленно. Фактически это уже не транспорт до операционной, а сама операционная спешит к пациенту.

Опытный образец 22031 тоже стоял во дворе. Кажется, он посмотрел вслед отъезжавшему собрату с завистью. Он тоже хотел бы нас покатасть. Но мы предпочли не обратить на это внимания.

Мы мчались километром за сорок от Риги, в городок Елгаву. И остановились у мачты со щитом, на котором написано: «Стройка пятилетки».

Кроме мачты, здесь пока еще нечего было рассматривать: стройка далека от завершения. Двигаются краны. Растут этажи корпусов.

Корпусов будет три: пресскузовной, сборочный, лабораторный, плюс здание управления и склады. Плюс сорок тысяч квадратных метров жилья, школа на девятьсот мест, детские сады на пятьсот мест.

Фабрика снабжает микроавтобусами страну, а страна строит РАФам новую фабрику.

Завтрашний РАФ привез нас в свой завтрашний день. Он стоял на развилке рядом с мачтой и гордо поблескивал стеклами. В стеклах отражались небо и зелень. И вдруг кто-то там прошелся колесом.

Костра "last sajem."
Sveicinis no Rijas eksperimentāla
autobusa tirņa uz tūreģinātajiem!
Balvoj

Читателям «Костра»

Привет от испытателей Рижского
опытного автобусного завода

во, едва не утыкаясь в кирпичные стены.

Чтобы вывести готовую продукцию за ворота, здешним шоферам приходится быть чуть не слаломистами.

Мне вспомнился почти правдивый рассказ об одном человеке, который по частям затащил в свою квартиру «Москвича» и целую зиму заботливо собирал его. А когда собрал, сообразил, что ни в дверь, ни в окно машина не пролезет.

Примерно то же самое происходит и здесь. Очень тесно. Невозможно тесно. Цех с полуготовыми РАФами выглядит так, будто в обыкновенных размеров комнату вошли слоны.

Но мы выбрались все же,

Двадцать тысяч километров пройдет он, прищпориваемый тем же Смирновым, и вернется своим ходом обратно. И станет окончательно ясно, каким ему быть в серии, что переделать, что добавить, а что убрать.

Тем временем его братишка будет испытываться в Риге, при республиканской клинической больнице и станции скорой помощи.

Для врачебных надобностей конструкция РАФов с самого начала оказалась чрезвычайно подходящей: больному удобно, санитарам и докторам удобно, подвижность и маневренность — как у легковой, места для лечебного оборудования достаточно.

Мы удивились и обернулись.

На весенней траве разминались, гонялись друг за другом и галдели мальчишки в велосипедных шапочках. Потом они сразу угомонились, сгрудились вокруг своего старшего и чинно пошли к башенным кранам и котлованам.

Это была экскурсия Елгавского профтехучилища. Завтрашние РАФовцы пришли навестить свой завод.

На этой странице слово «завтрашний» употреблено три раза. Значит, нельзя считать, поставив последнюю точку, что рассказ закончен. Тем более что с дней, о которых идет речь, уже прошло довольно много времени и в чем-то «завтра» уже наступило.

«ДУШАНБЕ, ОТ НАШЕГО КОРРЕСПОНДЕНТА. ЗДЕСЬ ЗАКОНЧИЛИСЬ ЭКСПЛУАТАЦИОННЫЕ ИСПЫТАНИЯ РАФА 2203. МИКРОАВТОБУСЫ ИСПЫТЫВАЛИСЬ КАК МАРШРУТНЫЕ ТАКСИ, А ТАКЖЕ ЕЗДИЛИ В НУРЕК ЧЕРЕЗ ВЫСОКОГОРНЫЕ ПЕРЕВАЛЫ; В ОФИЦИАЛЬНОМ АКТЕ СКАЗАНО: «АВТОБУС СОВРЕМЕННО, ЭФФЕКТИВНО ВЫГЛЯДИТ, МОЖЕТ С УСПЕХОМ РАБОТАТЬ В УСЛОВИЯХ СРЕДНЕЙ АЗИИ».

...Мы покидали Ригу поздней ночью. А ночь была праздничная, и по всему побережью залива горели костры.

На горизонте они сливались в зарево, а поближе — распадались на гирлянды огненных точек. Точки располагались прихотливо, созвездиями, цепочками. «Как огни на карте», — сказал кто-то из нас.

Это действительно было похоже на карту нашей страны, светящуюся, с разбросанными там и сям сияниями, у каждого из которых свой голос, свой смысл.

Во Львове выпускают телевизоры, которые для всего Союза — в самый раз. А в Грозном делают электрофотографические машины, которые тоже для целого Союза в самый раз. А в Красногорске — кинокамеры. А в Ленинграде — корабли. А в Донбассе, на Урале, в Сибири — добывают уголь, качают нефть, превращают руду в металл...

И все это одно без другого быть не может.

Наш РАФик бежал резво. Похоже, он опять торопился к дому. Это естественно: от Карпат до Сахалина, от Мурманска до Кушки, — таков наш общий большой дом.

Ромльд Назаров

Рисунки

И. Харкевича

Витька

Утром седьмого ноября посыпал снег, и мама, которая на все праздники оставалась дома, сказала Витьке:

— Никакой демонстрации. С твоими гландами никуда не пуцу.

Спорить было безнадежно.

Зоя убежала на демонстрацию без Витьки, а мама стала готовить праздничный обед. В квартире запахло тестом, мясом, капустой. По телевизору показывали парад на Красной площади. Витька сидел перед экраном и думал о том, что Лена Измайлова сейчас смотрит то же самое, что и он, никакой разницы. Потом пришлось дважды бегать в магазин — за молоком и за подсолнечным маслом. Тут гланды почему-то не помешали, мама даже не вспомнила про них, посылая его в универсам. На лестнице пахло так же вкусно, как и дома. Жильцы, встречаясь на площадках, поздравляли друг друга с праздничком.

Часам к двум Витька с мамой раздвинули стол, накрыли его и стали ждать гостей. Ольга Ивановна надела красивое темное платье, приколотла медаль «За оборону Ленинграда». Витьке всегда нравилось видеть маму вот такой — нарядной, красивой, молодой. Она даже губы накрасила перед зеркалом!

Оглядывая заставленный угощениями стол, сказала Витьке:

— Может, Федю Победимова пригласишь?

Окончание. См. «Костер» № 9, 1972 г.

— Не-а, — сказал Витька.
— Все веселей тебе будет!
— Обойдется.
— Будешь со взрослыми сидеть?

— Ага, — сказал Витька. — И то лучше.
Первыми пришли дядя Коля с тетей Лизой. Румяные с морозца, шумные, веселые, на пальто горят красные бумажные цветы. У дяди Коли голос зычный, капитанский: он и работает капитаном буксира в торговом порту. Тетя Лиза хохотушка, ямочки не сходят со щек.

— Ух ты! — грохнул дядя Коля, увидев праздничный стол. — Знали, куда идем! — взял щепотью из тарелки квашеной капусты, опустил в рот, запрокинув голову, замычал от блаженства.

— Не хулигань! — захохотала тетя Лиза, но мама утащила ее в кухню.

— Ну-с? — спросил дядя Коля Витьку. — Как она, жизнь? Мать не обижаешь, не огорчаешь? Смотри у меня!

с Выборгской

ПОВЕСТЬ

— Вы мне обещали, помните?.. — начал было Витька, но дядя Коля все, оказывается, помнил:

— На буксир-то взять? Будет, Витек, будет. К лету ближе. Как говорится, дал слово — держи! Верно?

Потом пришла Полина Игнатьевна, тоже проводница, мамина напарница.

Теперь ждали лишь Зою, которая задерживалась на демонстрации.

Дядя Коля ходил вокруг стола и вздыхал.

Раздался звонок. Витька побежал отпираться. За дверью стоял Толя Плужников.

— С праздником, — сказал он Витьке и преподнес маленький красный флажок.

— А Зои еще нет! — выпалил Витька.

— Дождусь внизу, — сказал Толя и стал закрывать дверь.

— Мама! — заорал Витька. — Толя Плужников пришел!

Как Толя ни отнекивался, его все равно втащили в квартиру, заставили раздеться. Больше всех усердствовал дядя Коля. А Витька был несказанно рад приходу своего друга.

— Мы с ним пельмени ели! — вскрикивал он время от времени, но это ни на кого так и не произвело должного впечатления. Только Полина Игнатьевна погладила Витьку по голове и сказала:

— Вот в Сибири пельмени делают! Не чета покупным.

Толя Плужников оказался в центре внимания. Постепенно его басок вытеснил все другие голоса, даже дяди-Колин. Разговор, переоскакивающий с того на это, понемногу выстроился, стал общим. Толя рассказывал о своей работе в ПТУ, где он учит молодых вьетнамцев.

— Хорошие ребята, — говорил Толя. — Упорные. Трудяги в добром смысле слова. Мы им даем профессии станочников, учим на токарей, фрезеровщиков, но они сами просят, чтобы знания были шире, универсальнее. Война забирает людей, надо их заменять...

— Несчастный народ, — вздохнула Полина Игнатьевна. — Эти американцы бомбят их, бомбят — управы на них нет!

— Потому и помогаем Вьетнаму, — сказала тетя Лиза.

— От себя отрываем, но им помогаем, — сказала мама.

— А как же иначе? — гроыхнул дядя Коля. — Надо помогать. Вон у нас в порту: и на Кубу грузы, и в Египет... Как же иначе?

В этот момент Витька услышал, как дверь отпирают снаружи.

— Зоя пришла! — крикнул он и бросился в переднюю: ему хотелось первому известить Зою о приходе Толи Плужникова.

Зоя с гроздью цветных воздушных шариков прямо с порога объявила:

— Теть Лель, а я не одна, с подружками!

В дверях, хохоча и визжа, толпились розовощекие девушки с ее фабрики.

— За столом никто у нас не лишний! — пропела мама. — Проходите, гости дорогие!

— Девчонки, валите пальто ко мне на тахту! — крикнула Зоя.

В передней стало тесно. Вешалка распухла от пальто, под ними парами выстроились женские сапожки. Витька успел в суматохе шепнуть Зое про Толю Плужникова.

Она засмеялась:

— А мы так с ним и договорились!

— За стол, за стол! — суетилась мама.

Стульев и табуреток, конечно, не хватило. Витька достал из кладовки два чемодана, они с Толей сели на них верхом. Рядом с Толей села Зоя.

Начался праздничный обед.

Витька очень любил сидеть вот так, среди своих и гостей, чувствуя себя равным участником торжества. Он с готовностью передавал соседям то салат, то маринованные грибочки, бегал на кухню за открывалкой для минеральной воды, уписывал за обе щеки вкусности, приготовленные мамой. В застольном разговоре он участия не принимал, но ловил каждое слово. Особое удовольствие доставляло ему чокаться: свой наполненный до краев фужер с лимонадом он тянул к каждому и огорчался, если кто-то проносил свою стопку или рюмку мимо его фужера.

Тосты произносили разные.

Сперва выпили за праздник. Дядя Коля, как самый старший, встал и, держа рюмку, сказал:

— Смех смехом, а пятьдесят четыре годочка отмечаем, товарищи. Эх, дожить бы до со- той годовщины!

Затем Полина Игнатьевна произнесла много хороших слов о «простой русской труженице» Ольге Ивановне, и мама зарделась вся, зама- хала руками:

— Ну, ты уж скажешь, Полинка!

Витька полез чокаться с мамой. Та притя- нула его к себе, уткнула в грудь, поцеловала в макушку. Потом поднялась и сказала:

— Помянем тех, кто мог бы сегодня сидеть за нашим столом.

— Правильно, — поддержал дядя Коля, то- же поднимаясь. — Мы — ленинградцы, грех забывать об этом, а уж нам поминать, ох, есть кого... Вы, молодежь, не бойтесь, этой пе- чалью праздник не испортишь, только полней сделаешь, крепче...

Все встали.

Витька сунулся было чокаться, но Толя оса- дил его, шепнул:

— Не полагается, брат...

В полной тишине, при полном молчании, тесно стоя вокруг стола, все выпили до дна.

Каждый, наверно, вспоминал сейчас что-то свое, сокровенное, а Витька почему-то увидел перед глазами гранит, по которому брызнули осколки.

А потом за столом стали петь песни.

Витька с замиранием сердца ждал этой ми- нуты. Он не представлял себе праздника без песен за столом. Разговоры разговорами, тос- ты тостами, а вот когда кто-то предлагал спеть или просто запевал негромко сам, и к нему пристраивались без приглашения все но- вые и новые голоса, Витьке казалось, что только сейчас и начинается самое главное в празднике. Тогда и сам он, уткнувшись в та- релку, не отрывая от нее глаз, еле-еле выво- дил знакомый мотив и шептал знакомые сло- ва. Пели «Русское поле», и Витька пел со все- ми вместе, почти не слыша своего голоса:

*Здесь отчизна моя,
и скажу не тая:
здравствуй, русское поле,
я твой тонкий колосок...*

А что еще было в праздники?

Витька сидит за столом и в задумчивости покусывает кончик шариковой ручки. За ок- ном темно, мельтешат снежинки. Зима, кажет- ся, устанавливается накрепко, и это тоже как праздник: можно будет вволю погонять шай- бу. Витька уже достал из кладовки коньки, проверил клюшку, обмотал изоляционной лентой.

Мамы нет, уехала со своим поездом. Зоя те- перь частенько говорит по телефону с Толей Плужниковым. Витька, если первый снимет трубку и узнает знакомый Толин басок, тоже перекинется с ним парой слов, потом зовет Зою. Из комнаты слышит, как Зоя негромко отвечает ему, смеется, шутит. Сегодня, погово- рив с Толей, быстренько оделась, крикнула Витьке: «Вернись поздно!» — и умчалась.

Витька один дома.

Что же еще было в праздники?

Лена просила написать, как он их провел. Не ответить нельзя. Тем более что она опять опередила Витьку, прислав письмо. С первых же строк сообщила, что бородатая Витькина фотография произвела веселое впечатление: «Мы все смеялись, когда разглядывали ее, особенно папа. Ты, оказывается, с юмором». Витька ухмыляется, перечитывая это место. Он, оказывается, с юмором! Вот уж не ожидал такого признания. А еще Лена рассказывает в письме, как она провела праздники. Тоже смотрела телевизор, потом сидела с гостями за столом, и тоже пели песни. Вечером в шко- ле был праздничный КВН, их класс выиграл...

Витька смотрит на лежащий перед ним лист бумаги, где написано: «Здравствуй, Лена. Праздники я провел хорошо. На демонстра- цию не ходил. К нам пришли гости. Дядя Ко- ля с тетей Лизой, Полина Игнатьевна, Толя Плужников, Зоя со своими подружками...»

От огорчения Витька не то вздохнул, не то зевнул. Лена Измайлова приняла его за чело- века с юмором, а тут? Хорош юмор. Как в те- лефонной книге. Обхохочешься!

Он в сердцах скомкал несостоявшееся пись- мо и стал укладывать спать.

Утро вечера мудренее, как говорит мама.

Трудно сказать, в самом ли деле утро муд- ренее вечера или просто так удачно вышло, но на следующий день Витька успел еще до ухо- да в школу написать письмо Лене Измайло- вой. Не мудрствуя лукаво, он в нем открыто и честно признался, что у него плохо получается описание прошедших праздников. «Ты не оби- жайся, — писал Витька. — Лучше присылай мне всякие вопросы, как например, про сле- ды от осколков. Я все узнаю и отвечу. Мне так будет легче. Ладно?»

Витька говорил Лене чистую правду, и от этого, наверно, слова появлялись сами собой, легко и просто. Опустив письмо в почтовый ящик, он даже почувствовал потребность по- делиться с кем-нибудь, рассказать про Лену Измайлову и переписку с ней. Что тут такого? Зачем скрывать? Попробовал было подсту- питься к Феде Победимову, но тот был занят своими новыми переживаниями: на перемен- ках все уши прожужжал о папиной машине «Жигули», которая вот-вот будет куплена, и о гараже, который папа «выколачивает» в рай- исполкоме.

К последнему уроку у Витьки совсем пропало желание рассказать кому-нибудь о переписке с Леной Измайловой, тем более что из окна класса он увидел старика Никитина, в окружении малышни разгребавшего снег на том самом месте, где прошлой весной был залит каток. Мысли о предстоящих хоккейных баталиях полностью завладели Витькиным воображением.

Звонок с уроков сразу вымел полкласса, а Витька вылетел первым, схватил в раздевалке пальтишко и, натягивая его на ходу, выскочил из школы. Работы у старика Никитина было еще много — будущий каток и на четверть не расчищен, а от малышни какая польза? Только под ногами путаются. Кинув портфель на

лавочку у подъезда, Витька взял вторую лопату и стал помогать Никитину. Вдвоем они разгребали снег, толкая лопаты впереди себя. Дело было не ахти какое веселое, но зато впереди предстояло самое интересное — заливка катка водой. Длинный резиновый шланг кольцами и восьмерками змеился у крана, торчащего из подвального окошечка дома.

Никитин часто делал передышки, закурил папиросу, кашлял и сердился:

— Что за народ? Два подъезда обошел, зову родителей — для ваших же пацанов каток. Нет, и в ус не дуют! Думают — блажь, а хоккей воспитывает смелость, отвагу, бойцовские качества прививает!

Витька шмыгал носом, тыльной стороной ла-

дошки вытирал взмокший под шапкой лоб и спрашивал:

— Заливать когда будем?

— Все своим чередом! — говорил Никитин и продолжал. — А то, понимаешь, сиднем сидят пацаны. То за уроками, то за телевизором. Целыми днями! Откуда ж силушке быть? С малолетства исключаем. Вот и растут тюря-тюрей, смотреть тошно. Потом лохмы до плеч отпустят, умники непоротые. А им солдатами быть!

Трудились больше часу. Витька скинул пальтишко, Никитин тоже расстегнулся — под шарфом, намотанным на шею и свисавшим двумя хвостами, мелькнула густая орденская колодка. Витька и не знал, что у старика Никитина столько наград...

Возле почти расчищенного хоккейного поля появился Федя Победимов.

— Чего стоишь? — спросил Витька. — Бери лопату.

— Больно надо, — сказал Федя.

— А кататься небось будешь?

— Буду и тебя не спрошу, — вызывающе сказал Федя.

Витька показал ему кукиш:

— Вот покатаешься на катке!

— Посмотрим! — засмеялся Федя и ушел.

— Посмотрим! — вслед ему крикнул Витька.

В скором времени Никитин стал заливать каток. Витька изнывал от нетерпения, дожидаясь своей очереди. Наконец Никитин дал ему шланг и велел поливать водой равномерно, чтобы не намерзали ледяные волдыри. Вездесущая малышня с почтением и завистью смотрела, как Витька управляет со шлангом. Правда, с него сильно капало, из трещин в резине били тонкие струйки, и вскоре Вить-

кины войлочные ботинки промокли насквозь. Ольга Ивановна, испугавшись, что он простудится и сляжет с ангиной, всыпала ему по первое число, потом, голоногого, усадила в ванну, наполнив ее горячей водой и сыпанув туда сухой горчицы. Витька сидел покорно, ногам было нестерпимо горячо, он попеременно вытаскивал из воды то одну, то другую ногу, как будто маршировал сидя. В ванную заглянула Зоя, сочувственно подмигнула Витьке:

— Терпи, казак, атаманом будешь!

— Пусть только заболит, — отозвалась тут же мама. — Я ему спину мягче живота сделаю!

Все обошлось, Витька даже насморка не заработал и на другой день в школе на переменах сколачивал хоккейную команду, заранее чувствуя себя капитаном.

Однако игра не состоялась.

Приехал самосвал, поднял, круто накренив, кузов, и из него прямо на ледяное поле посыпались, грохоча и дробясь, кирпичи.

Витька, который пришел сюда раньше всех, кинулся к водителю.

— Вы что? Это же наш каток!

— А наше дело телячье, — сказал водитель, опустил кузов, и пустой самосвал с лязгом укатил.

Витька побежал домой, стал звонить в квартиру Никитина, но на звонки никто не отзывался. Пока Витька, негодуя на самоуправство водителя самосвала, мыкался туда-сюда, возле груды кирпичей объявился Федя Победимов.

— Видал? — подбегая к нему, закричал Витька. — Мы тут каток себе устроили, а он кирпичей навалил!

— Это для нашего гаража кирпичи, — сказал Федя.

— Как так?

— А так. Папа получил разрешение!

— Мы раньше каток залили! — возмутился Витька. — Не будет тут никакого вашего гаража!

— Нет, будет, — сказал Федя Победимов.

— Нет, не будет!

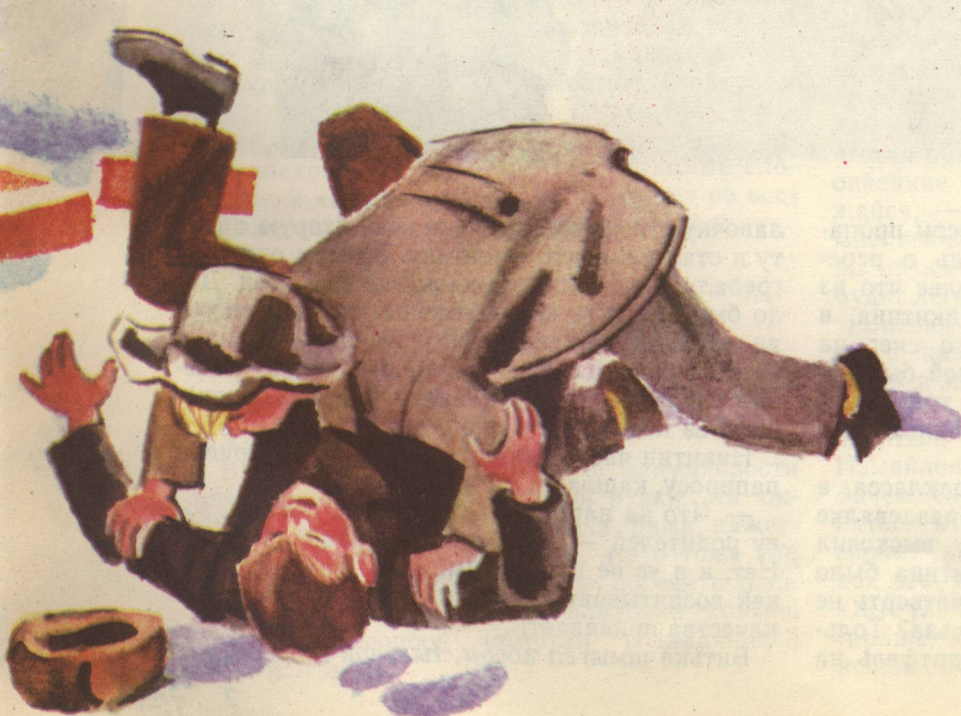
— Посмотрите на него! — засмеялся Федя. — Твоя, что ли, земля?

— Моя! — заорал Витька.

— Какой нашелся!

— Забирай свои кирпичи! Не будет здесь гаража! — Витька схватил два кирпича и отбросил их в сторону.

— Не трожь! — сказал Федя и вплотную подошел к Витьке.

— Наш каток! — сказал Витька, сжимая кулаки.

— А я говорю, не трожь! — повторил Федя и толкнул Витьку в плечо.

— Так, да? — выдохнул Витька и бросился на Победимова.

Они сцепились, упали. Каждый старался подмять под себя противника. Ноги то скользили по льду, то упирались в кирпичи. Снег под мальчишками смешался с красной кирпичной пылью. Витька сопел, напрягался изо всех сил, чтобы свалить с себя Победимова, который сумел оседлать его и тыкал ему в лицо мокрой рукавицей. Извернувшись, Витька опрокинул Победимова навзничь, навалился на него, укладывая его на лопатки.

— Не будет гаража! — тяжело дышал Витька прямо в лицо Федьке.

— Не твоя земля! — шипел под ним Победимов.

— И не твоя! Не твоя!

Они снова катались по снегу. Борьба шла с переменным успехом, и неизвестно, чем бы кончилась, если бы их не растащили в разные стороны. Витьку держал за плечи Федькин отец, а Федьку — старик, Никитин.

— Что за шум, а драки нет? — весело говорил Победимов-старший.

— Откуда здесь взялись кирпичи? — строго спрашивал Никитин.

Мальчишки наперебой принялись объяснять про самосвал, каток и гараж, но взрослые, отпустив их и не слушая, уже говорили друг с другом всерьез, и Витька, отряхивая пальтишко шапкой, прислушивался.

— У меня официальное разрешение райисполкома, — сказал Федин отец и достал из кармана бумагу.

— Вы будете иметь дело с общественностью, — сказал Никитин, даже не взглянув на бумагу. — Гараж ваше частное дело, а территория вокруг дома принадлежит прежде всего вот им! — Никитин показал рукой на Витьку и Федю.

Через несколько дней гараж для Победимовых начали строить. Но не на том месте, куда сперва свалили кирпичи, а с другой стороны дома, рядом с помойкой.

Все воскресенье Витька с ребятами гонял на катке шайбу. Ольга Ивановна кричала в форточку:

— Витька-а! Иди обедать!

Но Витька только отмахивался. Какой может быть обед, если его команда проигрывает со счетом 28:30?

Домой вернулся разгоряченный, красный, как редиска, но зато с победой! Решающий гол он забил сам: шайба попала на клюшку, впереди никого не было, он рванулся к воротам и с ходу вкатил туда штуку.

Воротами служили магазинные ящики.

Все остальное было как в настоящем хоккее.

По телику передавали мультфильм «Ну, погоди!»

Свирепый волк с голосом артиста Папанова гонялся за беззаботным зайчишкой и все время попадал впросак.

Витька не раз видел эти забавные серии и в кино, и по телевизору, но не смог отказать себе в удовольствии посмотреть еще разок, тем более что на столе лежали учебники и тетрадки, которые не вызывали у Витьки ничего, кроме страдания.

Когда зайчишка и волк пронеслись стремглав мимо дрыхнувшего носорога и очутились в павильоне кривых зеркал, Витька услышал, что пришла Зоя.

— Зоя! — закричал Витька, не отрываясь от экрана. — Иди скорей, мульти-пульти передают!

Но Зоя не спешила.

Она разделась, сменила туфли на шлепанцы, прошуршала в них к телефону, позвонила кому-то и, сказав несколько слов, положила трубку. Потом зашла на кухню, приоткрыла кастрюльку на плите, но есть ничего не стала.

— Знаешь, — сказала она Витьке, — а Толя, наверно, скоро уедет во Вьетнам.

— Толя Плужников?! — воскликнул Витька и сразу выключил телевизор. — Но там же война!

— В том-то и дело, — грустно сказала Зоя.

Витька давно не виделся со своим другом Толей Плужниковым, и Зоино сообщение потрясло его. Невольно вспомнились кадры из кинохроники и газетные снимки: взрывы бомб, огонь напалма, обломки сбитых самолетов, нацеленные в небо ракеты.

Но Зоя сказала:

— Его посылают туда на завод. Монтировать оборудование, обучать работать на наших станках.

Это, конечно, меняло дело, но все равно Витька почувствовал, что просто обязан повидать Толю до его отъезда во Вьетнам, сказать ему хотя бы несколько слов. Каких? Неважно, они придут потом, сами. Важно было застать Толю Плужникова, побыть с ним один на один,

без посторонних, как тогда, когда они вдвоем сидели вот здесь и ели пельмени.

— Он где живет? — спросил Витька.

Зоя молчала. Витька посмотрел на нее. Она сидела у стола пригорюнившись, глядела в погасший экран «Ладоги», и в глазах у нее копилась слезы.

— Ты что, Зоя? — заморгал Витька. — Не плачь!

Зоя встряхнула головой и, сложив пальцы уголками, вытерла глаза.

— Знаешь что? — сказал Витька, осененный прекрасной мыслью. — Ты женись на Толе!

Он всегда ошибался, путаясь в выражениях «жениться» и «выходить замуж». Но дело было не в этом, и Витька продолжал:

— Он хороший. Когда мы были на твоём концерте, он знаешь что сделал? Украд с выставки фотографию, на которой есть ты. Честно говорю! Потому что это сильнее его, понимаешь?

Зоя грустно улыбнулась, потрепала Витьку по волосам:

— Дурачок ты...

— А он надолго туда уезжает?

— На полгода или на год, пока неизвестно.

Витька шмыгнул носом. Мама уезжает на пять дней — и то долго, а тут целые полгода или даже год.

— Ты не бойся, Зоя. Там у них заводы под землей, в пещерах, в горах, я видел в кино. Не бойся, все будет в порядке!

На следующий день после уроков Витька подошел к Александре Михайловне и спросил, не знает ли она, где находится специальное ПТУ, в котором обучают молодых вьетнамцев.

— Зачем тебе? — удивилась классная воспитательница.

Витька рассказал про Толю Плужникова.

— Хорошо, — сказала Александра Михайловна, — попробуем разузнать.

Она ушла в кабинет директора. Минут через десять вышла оттуда.

— Вот тебе адрес, Егоров, — она протянула ему отрывной листок календаря, на котором был написан адрес ПТУ. — Но у нас к тебе будет просьба. Раз уж ты все равно поедешь в это училище, попытайся договориться там вот о чем: пригласи вьетнамских товарищей к нам в школу, устроим вечер встречи. Считаю это своим пионерским поручением, Егоров!

Найти училище по указанному адресу не составило большого труда. Витька толкнулся в парадную дверь, но она оказалась запертой. Других дверей с улицы не было, а все двухэтажное здание училища было обнесено невысокой оградой. Не долго думая Витька полез через ограду, но зацепился за что-то и порвал пальто. Придерживая рукой вырванный сзади клочок, Витька постоял с минуту, размышляя,

удобно ли заходить в училище в таком виде и — тем более выполнять поручение. Решил сперва разведать, заглянуть снаружи в окно. Уцепившись за подоконник, Витька подтянулся, уперся ногой в выступ кирпича и прилип лицом к стеклу.

За окном он увидел мастерскую. У станков стояли молодые вьетнамцы в комбинезонах. Были они все ростом с Витьку, черноволосые, одинаковые. Возле одного станка заметил склонившегося Толю Плужникова, который что-то объяснял вьетнамской девочке, похожей на мальчика.

Витька постучал в стекло. Его услышали, увидели, кинулись гурьбой к окну, стали махать ему руками, смеясь и говоря что-то, но Витька ничего не слышал, глупо улыбался, почти висая на подоконнике, и просил позвать Толю Плужникова.

Но Толя сам подошел к окну. Обнаружив торчащую с улицы Витькину голову, удивленно поднял брови, сделал знак рукой, означающий: погоди, сейчас выйду. И скрылся из виду.

Молодые вьетнамцы остались за стеклом, оживленно обсуждая столь неожиданное появление снаружи незнакомой им головы в шапке с торчащими вразлет ушами, а Витьке было неловко сразу же спрыгивать вниз, и он продолжал приветливо смотреть на этих ребят.

Один парнишка — скуластенький, с веселыми раскосыми глазами и улыбкой во весь рот — прижался носом к стеклу, смешно его сплющив. Витька немедленно ответил тем же: еще смешнее приплюснул свой и без того вздернутый нос, который стал похож на пяточок, как у поросенка.

За стеклом дружно захохотали, и в это время сзади раздался знакомый Толин басок:

— В чем дело, старик? Что за акробатика? Витька живо соскочил вниз.

— У меня поручение от школы! — не без гордости сказал он и добавил, потупясь:

— Я пальто порвал...

— Нос вытри, весь чумазый, — сказал Толя.

И они пошли в училище...

Поздно вечером, лежа уже в постели и потушив свет, Витька будет до мельчайших подробностей вспоминать, как он был в этом ПТУ.

Вот Толя Плужников вводит его в мастерскую, и его сразу обступают со всех сторон, пожимают руку, хлопают по плечу. Вокруг звучит непонятная речь, и все время улыбки, улыбки, десятки белозубых улыбок!

А вот вьетнамская девочка с черной челкой, та самая, что похожа на мальчика, разложив на коленях Витькино пальто, ловко пришивает вырванный уголок клочка. Рука с иголкой так и летает, так и летает! Вокруг этой

девочки сгрудились ее подружки, помогают ей советами, поудобней расправляют его пальтишко.

Толя негромко говорит Витьке:

— Это наша маленькая Бинь. У нее вся семья погибла. Осталась сиротой...

А вот тот самый скуластенький парнишка с которым они прижимались носами к стеклу. Что-то рассказывает Витьке по-своему, показывает то на потолок, то на пол, потом вынимает из кармана расческу и протягивает ему Витька теряется, думает, что у него хохол торчит на макушке, смущенно приглаживает ладонью волосы, а Толя, видя это, подсказывает:

— Это тебе в подарок. Бери, бери! Расческа не простая...

Витька лезет рукой под подушку, нащупывает расческу, достает, зажигает лампу около кровати и в который раз рассматривает подарок. Расческа в самом деле не простая! Сделана из обломков сбитого американского самолета. На ней, над зубцами, выцарапана картинка: истребитель «МИГ» летит в небе, а на землю, разваливаясь на куски, падает сбитый бомбардировщик.

Ни у кого в школе нет такой исторической расчески!

Толя Плужников сказал про этого парнишку, который показался Витьке ровесником:

— У него две боевых награды. Защищал от налетов знаменитый мост Хамжонг. Был сильно ранен.

— Сколько же ему лет? — тихо спросил Витька.

— Семнадцать...

Получив такой драгоценный подарок, Витька всего себя обшарил в поисках какого-нибудь ответного сувенира. Ничего путного не нашлось. Вдруг вспомнил про пальто, бросился туда, вспугнув девочек, извлек из оттопыренного кармана хоккейную шайбу, вручил парнишке, у которого две боевых награды:

— Вот, возьми на память...

Шмыгнув носом, Витька прячет расческу под подушку, гасит лампу и снова вспоминает прожитый день.

Из училища он вышел вместе с Толей Плужниковым. Шагал рядом, стараясь идти в ногу, не сбиться. Толя остановился, чтобы закурить сигарету «Варна», чиркнул спичкой, закрыл ладонями огонек.

— А ты когда уезжаешь во Вьетнам? — спросил Витька. — Скоро?

— Не исключено, — сказал Толя, выпуская изо рта клуб дыма, который сразу же разметался на ветру.

— Сам небось попросился? — с завистью спросил Витька.

— Небось, — загадочно сказал Толя, уходя от прямого ответа. — Если поеду, то не один, с бригадой от завода.

Витька понимающе кивнул.

— А тебе про это дело Зоя сообщила? — поинтересовался Толя.

— Знаешь что? — сказал Витька. — Выходи за нее замуж. А?

Толя внимательно посмотрел на Витьку.

— Тоже не исключено, — сказал он минуту спустя.

И не стал поправлять Витьку, который опять ошибся, спутав эти сложные взрослые выражения.

Но вот и трамвайная остановка.

— Мне туда, старик, — сказал Толя, показав направо.

— А мне туда, — сказал Витька, показав налево.

Они крепко пожали друг другу руки и сели в разные трамваи.

...И в этот момент Витька сладко засопел носом.

Бывает же так: человек делает порученное ему дело, вкладывает в него свои душевные силы, тратит свободное время, волнуется, переживает, а когда дело сделано, когда оно предстало перед другими людьми, может быть, как раз теми, для кого оно и делалось, случается нередко, что этого-то человека вдруг не оказывается среди всех. По разным причинам. И тогда сделанное им дело существует без него, отдельно, само по себе.

Как дом, из которого ушли строители, сдав его новоселам.

Как написанная писателем книга, которую можно взять в библиотеке.

И даже как школьный вечер, который Витька Егоров считал своим кровным делом.

Конечно, не он один занимался подготовкой этого вечера, но зато, пожалуй, именно он, Витька Егоров, больше всех волновался, переживал, бегал из класса в класс, уговаривал, убеждал, договаривался, спорил. Оставался после уроков на репетиции школьного концерта, допоздна засиживался с ребятами в пионерской комнате, вместе с другими рисуя плакаты и оформляя выставку о походе по местам боевой славы. Украшал спортзал, развешивая на шведской стенке еловые гирлянды, перевитые красными лентами, и длинные, как обои, полотнища лозунгов. Несколько раз звонил по телефону в ПТУ Толе Плужникову, уточняя, сколько придет гостей, потому что для каждого из них шестой «б» класс готовил маленький подарок-сувенир, а однажды в воскресенье даже позвонил домой Александре Михайловне, чтобы поскорей сообщить ей о том, что на вечере согласилась выступить Зоя Терехова, работница трикотажной фабрики.

Все это требовало от Витьки столько душевных сил и занимало так много времени, что он просто позабыл о своем любимом хоккее, и когда старик Никитин останавливал иной раз у подъезда Витьку, мчавшегося из школы домой или из дому в школу, и спрашивал:

— Чего ж тебя не видать на катке? — Витька отвечал, не переводя дыхания:

— Занят! Дела...

И вот через два дня, почти под самый Новый год, в школе состоится вечер, а Витьки Егорова на нем не будет.

Не обидно ли?

Витька не думает, обидно это или нет. Он лежит на верхней полке в служебном маминном купе, стучат колеса, поезд уносит его все дальше и дальше от Ленинграда. Уже поздно, пассажиры заперлись в своих купе, утихли. Мама проверила отобранные у них билеты, разложила их по кармашкам в специальной матерчатой сумочке, похожей на разрезную азбуку, разнесла по вагону постельное белье, напоила всех горячим чаем и теперь, не раздеваясь, сняв только форменный железнодорожный китель, прикорнула на нижней полке, дремлет.

Крепко спать маме нельзя — скоро остановка, Ольга Ивановна возьмет фонарик, выйдет в тамбур, откроет дверь, протрет поручни, спустится на перрон и будет стоять у своего вагона, встречая новых пассажиров или провожая выходящих, а если не окажется ни тех, ни других, ей все равно придется стоять у вагона, как на посту, пока поезду не дадут отправление.

Витька слышит, как мама спрашивает снизу:

— Заснул, что ли?

Он не отвечает, лежит не шелохнется. Пусть мама считает, что он спит без задних ног. Витька чувствует, как она, встав, поправляет свесившееся с его полки одеяло, подтыкает под матрац и опять устраивается внизу, чтобы немножко подремать.

Стучат на стыках рельсов колеса, торопятся, отсчитывают быстрые метры пути, которые складываются в километры и часы этой неожиданной для Витьки, да и для всех, поездки.

Могут сказать, что у него был выбор: ехать или остаться на школьном вечере — быть там в центре внимания и, может, сидеть даже за красным столом президиума, рядом с Толей Плужниковым и его вьетнамскими учениками, на глазах всего зала...

Но — что важней?

Как нужно было поступить, если от Лены Измайловой пришло такое письмо?

Оно лежало около телефона, на самом видном месте: войдешь в квартиру и сразу заметишь. Наверно, Зоя достала из ящика и положила так. Для Витьки.

Вот что писала Лена Измайлова:

«Витя, я не могу сейчас переписываться с тобой. Ты поймешь почему. У нас случилось несчастье с папой, он лежит в госпитале. Писать ничего не хочется. Прости. Лена Измайлова».

Ольга Ивановна сперва и слушать ничего не хотела, махала руками, затыкала уши.

— Чтоб я тебя одного пустила? Никогда в жизни!

— Все равно поеду! — кричал Витька, чуть не плача оттого, что его принимали за младенца. — Как ты не понимаешь? Вечер в школе без меня не сорвется, я там не один, а Лена — одна, у них беда, несчастье! Ты же все равно едешь мимо, на обратном пути заберешь меня! Никуда я не пропаду!

— Больно ты им сейчас нужен, — говорила мама.

— А вот нужен, нужен! — упрямо повторял Витька.

Мама гремела на кухне кастрюлями, разговаривала сама с собой вслух, но не сдавалась.

Исчерпав подручные средства убеждения и добившись лишь того, что мама вообще перестала с ним говорить, а только громко охала и вздыхала, Витька набрал по телефону но-

мер Александры Михайловны и все ей рассказал.

Классная воспитательница помолчала в трубку, потом велела позвать маму.

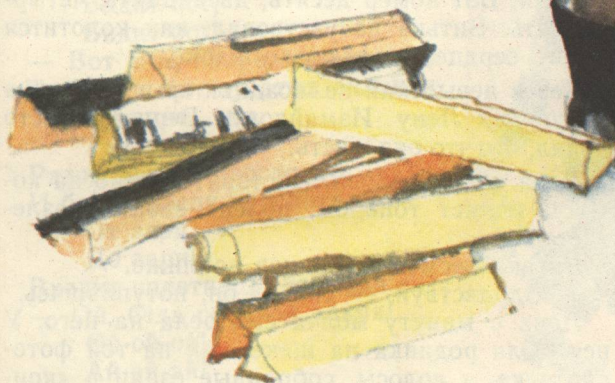
— Это тебя! — сказал Витька, передавая трубку Ольге Ивановне.

Она говорила по телефону минут пятнадцать и, судя по голосу, постепенно соглашалась. Витька топтался рядом, лоя каждое ее слово, тербил за рукав и ныл:

— Ну, мам... а? ..Ма-ам...

— Да не стой ты над душой! — вдруг крикнула Ольга Ивановна, прикрыв ладонью трубку, и у Витьки екнуло сердце, но не потому, что мама вдруг так рявкнула на него, а потому, что он понял: мама сдалась...

На станции, где нужно было выходить, Ольга Ивановна долго не отпускала Витьку. Так

они и стояли у вагона — мама с футляром, из которого торчали свернутые в трубку красный и желтый флажки, и Витька с небольшой дорожной сумкой, в которой почти ничего не было: полотенце, мыло, зубная щетка и пирожки с капустой.

Мама, не переставая, наставляла Витьку, повторяя, что он должен делать и чего не должен, а ему, откровенно говоря, все это было ни к чему, половину маминых напутствий он пропустил мимо ушей. Его сейчас больше всего заботило то, как он доберется до поселка, где живет Лена Измайлова, и какие слова скажет он сам, когда увидит ее.

В кармане у него лежала вьетнамская расческа, сделанная из обломков сбитого самолета.

та. Может, взять и сразу же подарить ее Лене? Без лишних слов? Витька решил это еще дома, в Ленинграде, и теперь думал лишь о том, как лучше, уместнее вручить ее.

Вдруг мама кого-то увидела, закричала обрадованно:

— Маша! Поди-ка сюда!

К ним подошла женщина в форме железнодорожницы, поздоровалась с Ольгой Ивановной, покосилась на Витьку.

— Твой, что ли? — спросила она басом.

— Витька, — сказала мама и подтолкнула его. — Поздоровайся с тетей Машей.

— Здравсьте, — буркнул Витька.

— Растут, черти!

— Не говори, Машенька...

И принялась торопливо объяснять ей, почему и зачем сын оказался здесь, поминутно повторяя:

— Пожалуйста, посмотри тут за ним, а то я прямо с ума сойду, пока не вернусь...

В это время по радио объявили об отправлении поезда. Ольга Ивановна поднялась в тамбур, перекрыла ступеньки железной площадкой, достала желтый флажок и, не сводя влажно заблестевших глаз с Витьки, снова взялась за свое:

— Ты уж, Машенька, последи, чтоб он не опоздал к обратному, я в том же вагоне буду...

Поезд плавно тронулся, Витька помахал маме рукой, она крикнула:

— Деньги смотри не потеряй!

Вагоны катились все быстрее и быстрее, вскоре состав как бы обрубился, открыв безлюдный, пустынный простор станционных путей, и Витька почувствовал себя очень одиноким.

— Пойдем, провожу к автобусу, — сказала тетя Маша. — Это рядом, на вокзальной площади.

Было вокруг непривычно тихо, и снег слепил чистой белизной.

— Значит, к Измайловым путь держишь? — спросила тетя Маша, когда они вышли на площадку перед вокзалом, где стояли автобусы и сновали люди.

— К Лене Измайловой, — кивнул Витька. — У нее с папой что-то случилось, в госпиталь попал.

— Уж не летчик ли Измайлов?

— Да, летчик...

— Жизнь рисковал человек, — сказала тетя Маша. — Про него и в газете нашей было, и по радио передавали. Знаем, знаем, как же...

— А что случилось? — робко спросил Витька.

— Едешь и не знаешь? — басом удивилась она.

Витька пожал плечами.

— Самолет здоровенный. Что-то с мотором вдруг, не скажу что, не моего ума. А летчик, Измайлов этот, не растерялся, сумел все-таки вывести машину подальше, по-над поля. Кое-как посадил, а сам малость покалечился, потому и в госпитале... Вон твой автобус стоит, номер сто седьмой, вон там, видишь?

— Вижу, — сказал Витька.

— Акурат до самого их поселка. Ну, бывай, парень! Обрати сюда приедешь, любого на вокзале спроси, где, мол, найти, тетю Машу

по фамилии Прийма. Это я и буду... Топай, топай, не то без тебя уйдет.

До поселка Витька ехал почти час. За окном проплывали покрытые снегом поля, все белым-бело, глазам больно; мельтешили деревья, когда дорога шла через лес; на остановках входили и выходили люди, кондукторша громко объявляла названия остановок и продавала билеты. Проезжали деревни, новостройки, фермы и снова белоснежные поля, замерзшие речки, рощицы. И чем ближе к заветному поселку, где на улице Горького в доме номер четырнадцать жила Лена Измайлова, тем чаще ловил себя Витька на том, что вроде бы сомневается, а стоило ли ехать в такую даль, и как отнесется Лена к его неожиданно появлению, и что он ей сразу скажет. Но автобус нес его вперед, и Витька отметал все эти неуместные сомнения и только всякий раз напрягался, ожидая, что кондукторша вдруг во весь голос объявит: «Следующая — поселок!»

«Нет, — думал Витька, — раз уж решил, значит, решил! И никаких оглядок назад!»

Кондукторша объявила:

— Поселок, конечная остановка!

Витька вышел из автобуса, огляделся по сторонам, спросил кого-то, где тут улица Горького. Оказалось, недалеко.

Витька шел по этой тихой, в сугробах, улице и смотрел на номера домов, стоявших за заборами. Вот номер десять, двенадцать, четырнадцать. Витька почувствовал, как колотится у него сердце, сразу стало жарко...

Через невысокий палисадник из штакетника он увидел Лену Измайлову. Вернее, просто понял, что это она и есть.

Лена колола дрова. Поставит полено на колоду, тукнет топором, полено звонко разлетается.

Витька несмело подошел поближе.

— Здравствуй, — сказал он, потупившись.

Лена с минуту молча смотрела на него. У нее была родинка на щеке, как на той фотокарточке, и волосы, собранные сзади в «конский хвост».

— Это ты? — спросила Лена, все еще не веря своим глазам.

— Давай-ка помогу, — сказал Витька, отбирая у нее топор.

Он поставил полено на колоду, размахнулся и со всего маху вонзил топор... в колоду.

Лена улыбнулась.

Оказывается, Витька не умел колоть дрова.

ПЕСЕНКА ПРО ОБЕЗЬЯНКУ

Сергей Погореловский

В старом доме у пригорка
Жил аптекарь дон Касторка,
Старичок,
Старичок.

И жила при склянках-банках
Маргарита обезьянка —

Прыг да скок,
Прыг да скок.

Старичок порой вечерней
За винцом сидит в таверне
Час, и два,
Час, и два.

Но аптека не закрыта:
За прилавком — Маргарита,
Какова!
Какова!

Входит падре в черной рясе:
— Ах, удел мой так ужасен!
Ах-ах-ах!
Ох-ох-ох!

За грехи людей страдая,
Сна не знаю никогда я,
Видит бог,
Видит бог!

— Вот вам, падре, валерьянки
Тридцать три пузатых склянки,
Тридцать три,
Тридцать три.

Разом все их проглотите —
И без просыпу проспите
От зари
До зари!

Входит сплетница, вздыхая:
— Ой, беда со мной какая!
Ой-ой-ой!
Ай-ай-ай!

Как бы, милая, без боли
С языка свести мозоли?
Средство дай,
Средство дай!

— Подойдет бутылъ микстуры
Для рощенья шевелюры?

— Подойдет!
Подойдет!

— Язычок свой мажьте ею,
И у вас, уверить смею,
Все пройдет,
Все пройдет!

...А наутро — что такое? —
Собрался народ толпою,
Хохоча,
Хохоча.

Видно, выпив — ой, умора! —
Падре пляшет у собора
Ча-ча-ча,
Ча-ча-ча!

Только сплетница — как туча:
Изо рта — на диво случай! —
Борода,
Борода!

Эх, посплетничать бы снова!
Да не вымолвить ни слова —
Ой, беда!
Ай, беда!

Вот оно как было это...
До свиданья, песня спета,
Ей конец,
Ей конец.

Только, что ни говори там,
Обезьянка Маргарита —
Молодец!
Молодец!

Моему славному заокеанскому дружку Антонио уже восемь лет, и он твердо решил стать художником. Когда я уезжал с Кубы, он подарил мне несколько своих рисунков.

Удивительные встречи происходят на этих картинках! Вот старинная многопарусная каравелла под пиратским флагом. А рядом — наш теплоход; он привез кубинским друзьям советские трактора. А вот забавный усач тараканище Кукарачо беседует с добродушным толстяком слоненком Пемпито. Ничего, что слоны на Кубе не водятся! В кубинских сказках и песнях объединились мотивы народного творчества трех континентов — Америки, Европы, Африки.

Гортанные напевы индейцев, коренных обитателей острова. Волшебные образы баллад и романсеро испанцев. То печальные, то озорные ритмы тамтама, приплывшие с черными рабами из Африки. Все это — переплавленное веками — слилось в единый океан поэзии и музыки. Он баюкает теперь колыбель новых людей, маленьких граждан героического Острова Свободы.

О ваших заокеанских сверстниках я пишу книжку «Хосе-весельчак». Вот два шуточных стихотворения из нее.

СТРАШНЫЙ СЛУЧАЙ

Вот случаи какие
Порой бывают в мире:
Забыл лентяй Ромеро,
Что дважды два — четыре.

Учитель рассердился,
Об стол рукой как хлопнет!
А под окошком ослик
В сердцах ногой как топнет!

Посыпались на землю
Кокосы и бананы,
И с визгом врассыпную
Пустились обезьяны.

Завыл сердито ветер.
Проснулся гром в ущелье.
Вулкан проснулся тоже,
Дрожит от возмущенья.

Все больше беспорядок,
Все шире, шире, шире...
Но вспомнил тут Ромеро,
Что дважды два — четыре.

Учитель улыбнулся:
— Ну вот тебе пятерка! —
Обрадовался ослик,
Запрыгал от восторга.

Вернулись на лужайку
Беглянки-обезьяны
И съели с аппетитом
Кокосы и бананы.

Уснули гром и ветер.
Опять все мирно в мире...

Не забывайте, дети,
Что дважды два — четыре!

Рисунки Е. Претро

В тот день, когда я приехал в Семенов, небольшой заволжский город, откуда отправляются в далекий путь за моря и леса знаменитые матрешки и деревянная утварь хохломской росписи, я прежде всего поспешил к Таисии Михайловне — матери поэта Бориса Корнилова. Ему было бы сейчас шестьдесят пять лет, но он молодым ушел из жизни.

В детстве я и все в моем классе любили «Песню о встречном» и считали ее чуть ли не рожденной в нашем отряде.

Не спи, вставай, кудрявая!
В цехах звеня,
Страна встает со славою
На встречу дня!

И лишь много позднее мы узнали, что ее автор — поэт Борис Корнилов.

И вот я у Таисии Михайловны, в ее маленьком домике на окраине Семенова. Я попал к

Продолжение

ней в тот час, когда сизые сумерки опустились на город, но в комнате было светло. Свежестесанные сосновые стены еще янтарно светились. Хозяйке восемьдесят восемь лет, но взгляд ее ясный, добрый, несмотря на ее трудную жизнь.

Таисия Михайловна встретила меня ласково, и едва мы перемолвились несколькими словами, как раздался легкий стук в окно и затем зычный бас: «Михайловна, принимай товар!»

Около дома остановилась подвода с дровами. Бревна тяжеленные. Чтобы разгрузить их, нужны сильные руки. И не одни. И вдруг откуда ни возьмись гурьба мальчишек и девочек. Ни слова не говоря, ребята принялись за дело, и закипела работа. Подводу разгрузили быстро и ушли так же неожиданно, как и появились...

Ну и помощники! Из какой же это школы?

Таисия Михайловна улыбнулась: не так просто ответить, если в каждой пионерской дружине у нее верные друзья.

*
* *

В Семенове чтут имя Бориса Корнилова. Районный Дом пионеров, что стоит возле памятника поэту, носит теперь его имя. И работает здесь целая армия юных почитателей поэта. В самом Доме пионеров открыт музей Бориса Петровича Корнилова.

Когда нынешние восьмиклассники третьей

школы города Семенова вступали в пионеры, они пригласили на сбор друга детства Корнилова — Виктора Ивановича Чижова. Тогда-то и узнали ребята, что не только стихи, но и сама биография поэта героическая. Правда, в гражданскую он не воевал — мальчишкой еще был. Но помогал ЧОНу — части особого назначения — вылавливать в уезде бандитов. Стал Борис одним из самых первых пионеров города. Сначала в его отряде было всего семь человек. Боевых, отчаянных. Задорные, горластые, они не обращали внимания на косые взгляды, объявляя бой безграмотности, бескультурию, невежеству.

Ходил Борис Корнилов обычно в отцовской кожаной куртке, с заветной тетрадкой своих стихов в кармане. Редактор стенгазеты, он возглавлял городской пионерский штаб. Злободневные «Молнии» развешивались по городу с его острыми и колкими стихотворными подписями. В 1925 году по путевке комсомола

Жизни

Корнилов уехал в Ленинград на литературные курсы.

*
* *

Эта встреча с Чижовым стала началом большой поисковой работы следопытов из Семенова. Сразу же после сбора ребята написали письмо в город Киров, где жил тогда Василий Фаддеевич Молчанов, вожатый первого пионерского отряда города Семенова. Тогда-то и завязалась дружба ребят с матерью поэта Таисией Михайловной. Возникла переписка с друзьями, близкими и соратниками.

Каждое новое письмо, новая встреча — это подробность биографии поэта-земляка.

В адрес районного Дома пионеров приходило и приходит много писем.

Поэтесса Ольга Федоровна Берггольц, жена Бориса Петровича, прислала магнитофонную запись своих воспоминаний. А из Москвы ребята получили магнитофонную ленту от главного редактора еженедельника «Литературная Россия» К. И. Поздняева. Константин Иванович рассказал о незабываемых встречах с Б. Корниловым в городе Горьком, воспроизвел манеру чтения поэтом своих стихов. Есть и воспоминания поэта Ярослава Смелякова и многих других.

Экспонаты и стенды музея рассказывают о творческом пути Бориса Корнилова. Вот он в 1925 году в Ленинграде, где мечтал встретиться с Сергеем Есениным. Но накануне приезда

Корнилова стало известно о трагической кончине Есенина.

Корнилов вскоре стал ведущим поэтом Ленинграда. Он — делегат Первого Всесоюзного съезда писателей. О нем как о поэте талантливом и самобытном говорит на съезде Николай Тихонов. А. М. Горький и А. В. Луначарский внимательно следят за творчеством Корнилова. После выхода в свет «Моей Африки» о поэте тепло отзывается Ромен Роллан.

На большом стенде пионерского музея Бориса Корнилова отрывок из статьи Роллана:

«В прекрасной поэме молодого писателя Корнилова «Моя Африка» выведен негр, который борется и умирает во главе отрядов Красной Армии за «нашу Россию», за «нашу советскую Родину». А молодой русский, увлеченный этим примером, тоже стремится бороться и умереть за «свою Африку», «за нашу Африку».

*
* *

Много писем приходит в Дом пионеров. Много писем получает Таисия Михайловна.

Пишут военнослужащие, молодежь, ребята. Вот письмо из школы-интерната села Облучье Хабаровского края:

Памятник поэту
в городе
Семенове

Таисия Михайловна в гостях у пионеров

«Дорогая Таисия Михайловна! Мы провели занятие клуба советской поэзии, посвященное Борису Корнилову. Пели «Песню о встрече». Читали наизусть «Маму», «Деда». Многие стихи перекочевали в наши тетрадки».

На каждое письмо отвечает Таисия Михайловна. И приветливо встречает каждого, кто переступает порог ее дома. А посещают ее очень многие.

*Дорогие ребята!
Желаю всем вам
успехов в учении, больш-
ших дерзаний в пионер-
ской жизни!
Любите свою Родину так же
горячо и крепко как любил
мой сын Борис Корнилов,
Па Корнилова*

Это был памятный летний день, 29 июля — день рождения Бориса Петровича Корнилова — праздник юных пионеров Семенова.

Все волновались: приедут ли гости? Откликнутся ли приглашенные из Москвы, Ленингра-

да, Горького, Харькова, Киева, Закарпатья? Ведь приехать должны были первые пионеры Семенова, друзья детства Бориса Корнилова.

Они приехали! С первым утренним поездом. И выходили на перрон будто в страну своего детства возвращались. Ветераны пионерского движения, те, которым уже за шестьдесят лет.

Выстроились возле памятника Борису Корнилову. И имена их звучали как на поверке. И вечно молодой поэт был снова с ними в одном строю.

И здесь на этой необычной линейке была дана клятва верности революционным традициям старших.

Это был удивительный праздник. А потом, когда над богатырскими елями и соснами, над

Друзья детства Бориса Корнилова — В. Ф. Молчанов и В. И. Чижов

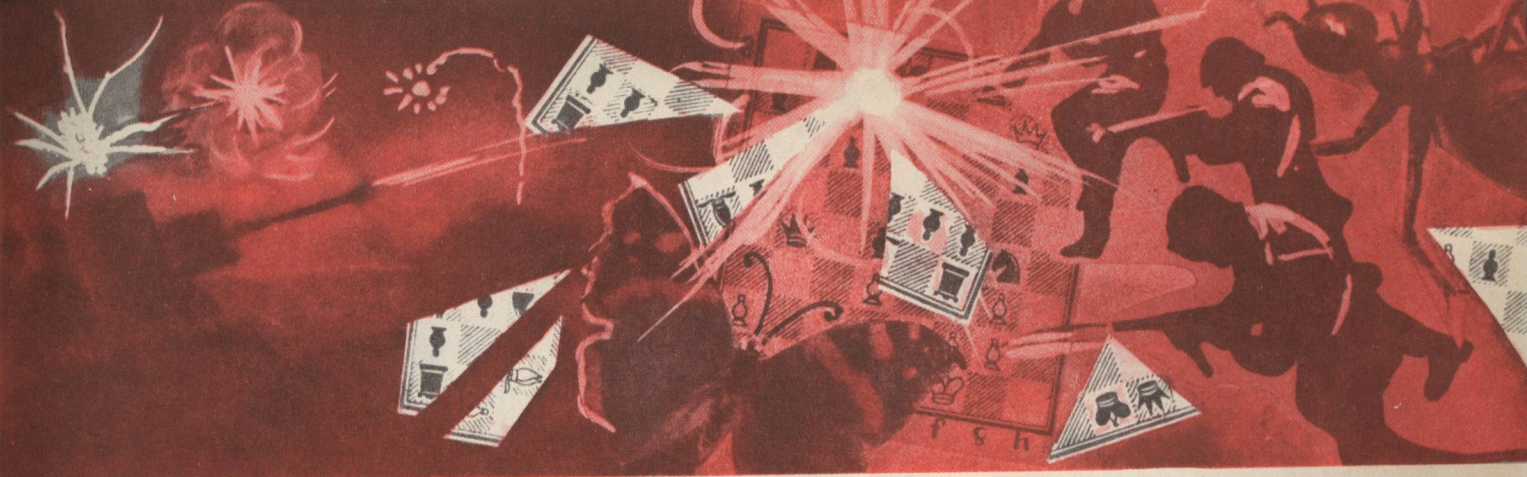
зеркальной гладью реки Керженца, над городом Семеновом взвилась пионерским костром синяя ночь, послышалась песня. Пели юные. Пели ветераны. Пели в один голос:

*...И радость никак не запрягать,
Когда барабанщики бьют:
За ними идут октябрята,
Картавые песни поют.
Отважные, картавые,
Идут, звеня.
Страна встает со славою
На встречу дня!*

И разве не оправдалась высказанная Борисом Корниловым мысль в стихотворении «Продолжение жизни», что его жизнь будет продолжаться в жизни будущих поколений, тех, кто борется и строит коммунизм.

В. Шумилин

О Великих Законах

Валерий Суслов

главы из книги

Рисунки Б. Стародубцева

Вот ты вполне справляешься с радиоприемником или говоришь по телефону, но я сомневаюсь, чтобы ты знал, как это все устроено и отчего все происходит так, а не иначе. Как звук передается на далекие расстояния, отчего увеличивается громкость и почему, только чуть-чуть повернув ручку приемника, ты слышишь вместо Москвы Варшаву.

Так и с Полем. Известно — более или менее — как оно действует, а что это такое, толком еще не разобрались.

Но — ближе к делу. Магнит у тебя есть? Наверно, порешься — найдешь. И горсть железных опилок. Это старый испытанный способ увидеть невидимое Поле.

Рассыпь опилки на дощечке или картонке и положи рядом магнит. Начни постукивать легонько по дощечке.

И ты увидишь, как начнет появляться Поле. Опилки станут укладываться в линии... Это Поле действует так на маленькие кусочки железа, и опилки образуют как бы портрет Поля.

Если у тебя есть магнит, но нету опилок, поднеси его к рассыпаным мелким гвоздям. Ты не увидишь магнитных линий, но зато почувствуешь силу Поля. Подними магнит, и гвозди повиснут на нем длинной ко-

лучей гроздью. Их держит на магните Поле.

Но если у тебя нет и магнита, то компас-то есть определенно. Когда стрелка компаса — как бы ты ее ни вертел — поворачивается концами на Юг и на Север, знай, что стрелку поворачивает Поле. Магнитное.

Главное Магнитное Поле окутывает, как облаком, нашу Землю, а маленькие Поля образуются вокруг магнитов и кусков магнитной руды.

Есть еще одно Поле, еще более могучее и всеобъемлющее. Это Поле Тяготения.

Это Поле распространяется вокруг всех звезд и планет. И как Магнитное Поле действует на железные предметы и притягивает их, так Поле Тяготения действует на все предметы без исключения и притягивает их к своему центру.

Камень, если его бросить вверх, падает вниз потому, что на него действует Сила Притяжения Земли. Он не может вырваться из Поля Тяготения нашей планеты.

И мяч, если его поддать ногой, не повиснет в воздухе и не улетит в Космос потому, что Поле не выпускает его и притягивает к своему центру, который находится в центре Земли.

И даже пыль, висящая в воздухе, оседает в конце концов, подчиняясь Полю Тяготения.

И когда чашка, которую ты

случайно задел локтем, падает на пол и разбивается, ты можешь с чистой совестью сказать маме, что вместе с тобой виновато и Поле. Только боюсь, тебе это мало поможет.

Сам воздух держится вокруг нашей планеты потому, что его удерживает Сила Притяжения. И мы дышим, значит, тоже благодаря Полю. Вот на Луне сила Поля в шесть раз меньше, чем на Земле, и сравнительно маленькое Лунное Поле не может удерживать атмосферы. Поэтому на Луне и нет воздуха или чего-нибудь другого, похожего на воздух.

Поля Тяготения удерживают Луну около Земли, Землю и другие планеты — около Солнца, их равновесие удерживает Космический Мир в том порядке, какой есть.

Поле Тяготения — могучая сила. Именно она, эта сила, удерживала человека на Земле, не позволяя выйти в Космическое Пространство. И в этом деле есть только одно оружие против Силы Притяжения: Скорость.

Скорость поезда или самолета — 100 или 1000 километров в час — это не скорость, конечно, для такой силы, как Поле. Нужна побольше.

Константин Эдуардович Циолковский рассчитал, какая должна быть скорость, чтобы с ней можно было выступить против Поля. Оказалось — ни

Окончание. См. «Костер» №№ 5, 7, 8.

много, ни мало, — одиннадцать с лишним километров в секунду! Это Космическая Скорость, то есть скорость, с которой можно выйти в Космос, преодолеть Силу Земного Притяжения.

Прошло много лет, пока была построена ракета, которая смогла развить такую скорость.

И теперь наши корабли летят к Луне, к Венере и к Марсу, потому что человек смог преодолеть могучую силу Поля.

ПОЛЕТ СТРЕЛЫ

Все меняется, говорили мы. Но это — присказка, а сказка впереди. Все дело в том, что Мир не просто меняется, а развивается. Как при восхождении на гору: начало — подъем — вершина — спуск — конец.

Или как полет стрелы: дзынь! звякнула тетива, белое оперение сверкнуло на солнце, темная черточка словно замерла на мгновение, достигнув высоты, и ринулась вниз; и вот уже торчит из травы белый хвост твоей стрелы, ушедшей глубоко в землю. Полет окончен. Конец.

Так и с каждым явлением, с каждой вещью в Мире — все имеет свое начало и свой конец.

Все, кроме Материи, Времени и Пространства. И Развития.

Когда-то, много миллионов лет назад, от могучего сотрясения содрогнулась Земля. Где-то в глубочайших недрах

планеты нарушилось равновесие сил — огромные массы кипящей лавы и многокилометровых холодных толщ столкнулись, сдвинулись в страшном напряжении, и по лицу Земли легла гигантская складка, протянувшись с севера на юг грядой высоких гор. Когда все утихло, в небе возвышались недоступные вершины; провалы, ущелья и теснины перерезали горный хребет, и каждая скала казалась незыблемой на веки.

Прошли миллионы лет, и появились на Земле люди, и научившись давать названия рекам, озерам и горам, они называли эти горы — Урал.

Но к тому времени, когда люди дали имя горной цепи, уже не было неприступных вершин и головокружительных ущелий. Была цепь не очень высоких гор, поросших лесом. Время и ветер за миллионы лет сгладили буйные нагромождения, песчинками развеяли по земле неприступные скалы.

А вот еще один полет стрелы.

Пригрело солнце, сделался тяжелым и мокрым голубой снег, потекли ручьи, и сад стал медленно просыпаться от зимней спячки. С каждым теплым днем в черном неподвижном дереве все оживленнее идет невидимая глазу жизнь. От корней к ветвям по стволу, по многочисленным древесным артериям движутся соки, питая бурную деятельность проснувшихся клеток. Дерево неподвижно, только на самых маленьких ветках набухают черные тугие почки.

Пришел день — и лопнула почка, приоткрыв созревший в ее недрах бутон.

Пришел день — и теплым майским утром распустился нежный цветок.

Проходят дни — и ветер унес, сорвал белоснежные лепестки, но под ними уже завязался маленький клубочек плода.

Проходят жаркие летние недели — и наливается соками плод, он становится белым и тяжелым, на его тонкой коже — солнечный румянец. Прогнулась ветка под тяжестью плодов, и порыва ветра достаточно, чтобы плод — тяжелое, налитое яблоко — с глухим стуком упал в траву.

Еще один путь от зарождения до завершения. Жизнь продолжается: из семечка может вырасти новое дерево. Но данный круг — от почки до яблока — завершен.

...По бескрайним степям, у предгорий и болот, по долинам рек и опушкам бесконечных лесов бродят орды — почти стада — первобытных людей. Они очень немного знают и умеют, их всего горсточка, несколько десятков или сотен. Суровой природе — дождливой осени или холодной зиме, диким зверям и ужасам мрачного леса, постоянной нехватке пищи — они могут противопоставить только свое мужество, находчивость, ловкость, терпение, умение приспособиться, чтобы дать жизнь новым поколениям. Они разыскивают съедобные корни, орехи и личинок насекомых, ловят полевых мышей, съедая их вместе со шкурой.

Так проходят века и тысячелетия. И с каждым поколением, в жестокой борьбе за жизнь, у людей прибавляется крупица опыта, умения. Вот рядом с палкой и камнем появляются рыболовный крючок, сделанный из рыбьей кости, каменный топор, копье.

И вот тепло и сияние первого костра под мрачными сводами пещеры становится как бы зарей нового человечества, долгое время бродившего в предрасветных сумерках.

Пройдут еще долгие тысячелетия, человек приручит животных, научится возделывать растения, выплавлять из руды металл, он станет несравненно сильнее, могущественнее. Но все равно — того, что производит, добывает от природы община людей, племя, еле-еле хватает, чтобы свести концы с концами. Пища, одежда, корм для животных, топливо, жилье, охотничье и военное снаряжение, лодки, повозки — ведь все это надо добыть и сделать, для этого нужны время и коллективное умение. И поэтому все это — общее, принадлежит племени. И нет понятия «мое» и «твое».

Но жизнь продолжается, и люди становятся более умелыми, они научаются производить больше, чем раньше, у них образуются даже запасы. И одни из них, вожди или начальники военных отрядов, силой или хитростью присваивают себе часть общего достояния и говорят: «Это мое».

Так человечество подошло к грани, когда впервые появились классы богатых и бедных. Так закончил свое развитие первобытно-общинный строй,

уступив место новому укладу, — и история человечества продолжалась полетом новой стрелы.

ЗАКОН ШНУРА И ВЗРЫВА, ИЛИ РАССУЖДЕНИЕ О ВЕСАХ

На одну чашку весов мы поставили гирию, ну, скажем, в один килограмм. А на другую чашку сыпем песок — медленно — в час по чайной ложке!

Происходят изменения на весах?

Конечно!

Горка песка увеличивается. Понемножку, правда, но увеличивается. Но весы остаются неподвижны.

И вот в какой-то момент происходит нечто совершенно новое. Чашки весов дрогнули; левая, с гирей, пошла вверх, а правая, с песком, неподвижно все это время пребывавшая наверху, пошла вниз.

В развитии нашего опыта произошло коренное изменение. Не маленькие, ложка за ложкой, изменения, а перемена существенная — нарушилось равновесие!

И заметь, если мы накапливали эти маленькие изменения медленно — в час по чайной ложке, — то существенная перемена произошла сразу, почти мгновенно.

Это тоже один из Законов Развития.

Если поджечь шнур, протянутый к бочке с порохом, то он будет тлеть медленно и долго... Но когда медленное тление дойдет до бочки, взрыв совершится в долю секунды.

Так же долго накапливаются маленькие изменения в недрах нашей планеты, пока не произойдет взрыв: сдвиг, столкновение огромных масс вещества, и образовался Уральский горный хребет.

Яблоко тоже созревало медленно и долго — целое лето, — пока оно не стало таким тяжелым, что при первом порыве ветра оно быстро и сразу порвало со своей прежней жизнью. Кончилось одно развитие, началось другое. Нарушилось одно равновесие, установилось другое, чтобы в свою очередь и в свое время смениться третьим. Потому что Развитие никогда не прекращается.

Рабочие красногвардейских отрядов и солдаты революционных полков, подошедшие холодным вечером 25 октября 1917 года к Зимнему дворцу, чтобы по приказу Военно-Революционного Комитета штурмовать его, знали: старый мир должен погибнуть!

Но перед тем долго, сложно и зачастую незаметно готовились, накапливались маленькие изменения в жизни и сознании людей. Эти изменения накапливались в глухих деревнях и больших городах, в маленьких мастерских и на гигантских заводах, в лачугах бедняков и во дворцах вельмож, пока не настал момент, когда прежняя жизнь стала невозможной. И вождь восставших Владимир Ильич Ленин

понял, что этот момент настал. Понял, что нужен толчок, порыв, чтобы взять победу, которую приговорила История.

И в холодный день 25 октября 1917 года он повел революционные отряды на штурм старого мира.

Так началась Великая Октябрьская социалистическая революция, когда впервые в истории нашей планеты капиталистический строй должен был уступить место новому, социалистическому строю.

Так пришла новая эпоха, в которой живем мы с тобой. Но ее наступлению предшествовала долгая и упорная борьба. Война с иноземными захватчиками, гражданская война с теми, кто защищал старый мир, продолжались несколько лет, пока новый строй не утвердился в нашей стране.

Развитие — медленное или быстрое, в Природе или Обществе — всегда сопровождается борьбой.

Но об этом в следующей главе.

БОЙ! ВЕЧНЫЙ БОЙ!

— Ну, хорошо, — скажешь ты. — Все в Мире движется и все развивается. Это я понял. Но где же двигатель, который приводит в движение все это огромное хозяйство — от маленьких атомов до звездных скоплений — галактик?

Разумный вопрос.

Александр Александрович

Блок, великий русский поэт, оставил такие строки:

И вечный бой!

Покой нам только снится...

Да, бой. Развитие движет вперед Бой, Борьба.

Борьба всего во всем. Борьба, которая идет в Мире Животных и в Мире Сознания, в Человеческом Обществе и в Мире Камней, в Мире Атомов и в Мире Звезд.

Это не только борьба льва с антилопой или кашалота с гигантским кальмаром.

Это борьба Сил, противостоящих Сил, которые всегда есть и всегда противостоят в каждом явлении, в каждой вещи, в каждом событии. Борьба тайная, и длительная, и вдруг прорывающаяся и завершающаяся мгновенной схваткой. Борьба, которая никогда не прекращается, потому что никогда не прекращается Развитие, потому что проходит Время, и победитель оказывается побежденным новым соперником, который сильнее его.

Противоборствующие Силы нелегко распознать в Мире, а еще сложнее понять, как они действуют.

Но попробуем.

Уж наверняка ты крутил веревку с привязанным камнем. Веревка напрягается, как струна, сливается в гудящий круг, — и не дай бог, если сорвется камень. Он полетит, как снаряд, способный все сокрушить на своем пути. Так дейст-

вовало смертоносное оружие древних — праща.

Твоя веревка с камнем — модель Противоборствующих Сил. Раскручиваясь, все быстрее двигаясь по кругу, камень стремится освободиться, вырваться, улететь. Это на него действует центробежная сила — сила, возникающая при вращении и направленная наружу.

Но камень не улетает, потому что на него действует и другая сила — сила прочности веревки. Прочная веревка не пускает камень, держит его.

Вот, оказывается, из чего создан гудящий круг — из взаимодействия противоборствующих сил! Из прочности веревки, удерживающей камень, и центробежной силы, рвущей его в сторону.

Это, конечно, простейший пример, на котором можно хотя бы отдаленно представить, что такое Единство и Борьба Противоположностей — так называют ученые этот Великий Закон. Ленин называл его «ядром диалектики».

Противоборствующие Силы окружают нас со всех сторон, и они в нас самих.

Это тепло и холод. Столкновения и борьба холодных и теплых масс воздуха делают погоду на всей Земле. Именно эти столкновения рождают циклоны и антициклоны, дожди, снегопады, туманы и ясные дни.

Нельзя представить себе обычного магнита без северно-

Карл Маркс и Фридрих Энгельс доказали, что каждый общественный строй со временем уступает место другому, более совершенному. И капитализм — отнюдь не вечен. „Пролетарии всех стран, соединитесь!“ — призывал провозглашенный Марксом и Энгельсом Коммунистический Манифест.

В канун Октября Ленин, скрываясь в Разливе от ищек Временного правительства, продолжал готовить восстание.

Дни были тревожные, но марксистский анализ хода событий убеждал: победа пролетариата неизбежна.

Воспроизведено из книги: **В. ВАРНАК (Л. Ленин).**

**ГОСУДАРСТВО
И
РЕВОЛЮЦИЯ**

Пять лекций о государстве и о революции в России.

ВЫПУСК I

ИЗДАТЕЛЬСТВО

1920

В. ВАРНАК (Л. Ленин). ГОСУДАРСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ. Пять лекций о государстве и о революции в России. Выпуск I. Издательство 1920. Москва. 1920. 100 стр. Цена 1 руб. 50 коп. (в пер. 2 руб. 50 коп.).

го и южного полюсов, и на сколько бы частей ты ни разделил этот магнит, каждая его малейшая частица была бы самостоятельным магнитом, в ней тоже был бы север и юг.

Из столкновения Противоборствующих Сил разражается гроза: огненная ветка молнии — это искра от столкновения колоссальных зарядов атмосферного, воздушного электричества — положительного и отрицательного.

Лампочка — твоя маленькая настольная молния — горит, кстати, тоже потому, что существуют два этих противоположных заряда.

Ты сам до отказа набит Противоречиями, Противоположностями. Без них не можешь ступить шагу. Буквально.

Твой шаг — это Борьба между Силой притяжения Земли и Силой твоих мускулов. Земля притягивает тебя, не позволяет далеко оторваться от нее, но ты ходишь, бегаешь и прыгаешь. Правда, не так высоко, как хотел бы. На Луне, где силы притяжения меньше, ты и прыгал бы выше.

Твое тело можно понимать как великую и сложную фабрику переработки веществ. Ученые называют это — процесс диссоциации и процесс ассоциации. То есть разъединение и соединение. Пища, которую ты ешь, разъединяется, расщепляется в твоём теле на мельчайшие частицы — и затем они вновь соединяются,

уже по-новому, образуя клетки твоего тела, топливо для твоего мозга, для твоих мускулов. Некоторые из них, расщепляясь в твоих мускулах, освобождают энергию, которая и становится твоей силой. Другие, расщепляясь в твоём мозгу, позволяют тебе понять то, что ты прочел.

Ты здоров, пока эти две противоположные силы — разъединение и соединение — находятся в равновесии.

А разве твоя повседневная жизнь не полна противоречий? Тебе хочется смотреть телевизор, а ты должен делать домашние задания по математике. Разве это не противоречие — между тем, что хочется, и тем, что ты должен? Разве не вспыхивает в твоей душе хоть и маленькая, но борьба? На таких противоречиях человек развивается, воспитывается, растёт.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Не знаю, как тебе, а мне эти два слова очень нравятся: «продолжение следует». Во всяком случае, они гораздо приятнее, чем безнадежное слово «конец».

Я это к тому, что у этих глав нет конца. Есть только продолжение. Продолжение, которое будешь делать ты. Всю жизнь.

Чудо природы, которое ты носишь на плечах, не любит оставаться в бездействии;

Карл Маркс, как-то отвечая на вопрос: «Ваше любимое занятие?», сказал:

— Размышлять.

Надеюсь, что ты тоже склонен к этому благородному занятию.

Сталкиваясь с чем-то — тем или этим, — ты будешь спрашивать себя:

— А почему?

— А почему так, а не иначе?

— А в чем причина?

Когда же найдешь, в чем причина, станешь искать, в чем причина этой причины.

Словом, ты будешь доискиваться Смысла Вещей.

Есть наука, которая помогает узнавать Смысл Вещей и понимать Устройство Мира. Эта наука — философия, иначе — Наука Мудрости. Когда-то ее называли, да и сейчас называют Наукой Науки.

На азбуку этой науки ты чуть-чуть, одним глазком взглянул в этой книжке. Вернее, ты научился немного различать некоторые — далеко не все — буквы, а тебе еще предстоит узнать остальные.

Ступенька за ступенькой, всю свою жизнь ты будешь подниматься по спиральной лестнице познания. И конца этой лестнице нет. Ибо нет предела познанию, как нет предела Времени, Пространству и Миру.

Но чем выше ты поднимешься, тем больше ты будешь видеть.

Ты уже начал восхождение. Продолжай.

„Весь мир насилья мы разрушим“, — пели революционные рабочие и солдаты, идя на штурм Зимнего дворца.

„Мы наш, мы новый мир построим“, — звучит партийный гимн в зале Дворца съездов.

Строительство коммунистического общества продолжается. Идея Маркса, Энгельса, Ленина движут нашими помыслами и делами.

В СТАРОМ СОРМОВЕ

В. Блохина, Л. Либединская
Рисунки А. Гетманского

1.

Приехав в 1896 году в Нижний Новгород, Алексей Максимович Горький сообщил в одном из писем к жене:

«Завтра я не пишу тебе — уезжаю в Сормово осматривать завод».

Алексей Максимович давно и хорошо знал Сормово. В семидесятых годах, маленьким мальчиком жил он здесь с матерью, отчимом и бабушкой. И на всю жизнь, отчетливо, как запоминается только в детстве, сохранились в памяти черные, уходящие в небо, трубы завода, дымившие густо и кудряво, зимний ветер, разносивший дым по всему селу, и жирный запах гари, наполнявший холодные неуютные комнаты. А по утрам волчий вой гудка: «Хвоу, оу, оу-у...»

Мальчиком влезал он на деревянную лавку, и в верхние стекла окна, через низкие крыши, видел освещенные фонарями заводские ворота, поглощающие множество людей, кажущихся маленькими-маленькими по сравнению с огромным заводом... И еще ему запомнилось небо, серое, плоское. Вечером, когда над заводом колебалось мутно-красное зарево, было похоже, что трубы поднимаются не от земли к небу, а опускаются на землю с неба из дымного облака, дышат, воют, гудят...

Сормово расположено неподалеку от Нижнего Новгорода. В старину местность здесь была лесистая; водилось много медведей, волков, лисиц. Охота и лесное пчеловодство — вот основной промысел сормовичей в прошлом.

В 1848 году приехал в Сормово из глухих сибирских лесов отставной поручик Бенардаки,

грек по национальности, выходец с острова Крита. Его привели в Россию поиски счастья. После войны с Наполеоном по всем европейским странам ходили легенды о несметных российских богатствах.

Бенардаки, приехав в Россию, в двадцатых годах поступил на военную службу. Дослужившись до чина поручика, он вышел в отставку и занялся коммерцией. Вот где открылся его истинный талант.

Бенардаки мотался по России, покупал, продавал, наживался. Торговал хлебом, кожами, салом, строил фабрики, заводы, открыл золотые прииски в Сибири. Прошло двадцать лет, и у Бенардаки уже были собственные заводы на Урале и в Вологде. Огромный кожевенный завод в Петербурге. Железодельный — в Калужской губернии. Содовый завод и рыбные промыслы в Астрахани. К середине сороковых годов Бенардаки — крупнейший предприниматель России, золотопромышленник, миллионер. Для своего времени это был просвещенный человек. Он дружил с писателями, художниками, учеными, но превыше всего для него была нажива. Николай Васильевич Гоголь изобразил его во втором томе «Мертвых душ» под именем Констанжогло, у которого фабрики «как грибы растут».

В Сормово Бенардаки приехал с намерением построить здесь большой металлургический завод.

Место было выбрано весьма удачно: в десяти верстах большой торговый город — Нижний Новгород. В соседних уездах — в изобилии квалифицированная рабочая сила: в Семеновском уезде — плотники, в Пагловском — металлисты. Две реки — Ока и Волга, — легко и сырье доставлять и отправлять готовую продукцию. Под боком нижегородская ярмарка, славившаяся на весь мир. Чего еще желать!

Бенардаки медлить не любил. В 1849 году заложено было сразу одиннадцать заводских корпусов. Завод строился стремительно, и в 1850 году выпустил первое паровое судно «Ласточка» и большой пароход «Астрахань».

В Сормово прибыли из Бельгии инженеры, мастера и высококвалифицированные рабочие. Для работы на новом заводе Бенардаки вывез из Сибири двадцать крепостных семей. Но основную массу рабочих составили сормовичи и жители окрестных деревень.

На заводе появился прокатный цех, затем мартеновская печь.

В 1871 году Сормовский завод впервые в России выпустил двухэтажный пассажирский пароход американского типа. Подобные пароходы в то время плавали лишь по реке Миссисипи в Северной Америке. Роскошные каюты с паровым отоплением и водопроводом, широкая крытая терраса, великолепный салон, украшенный перламутровыми инкрустациями работы английских фаянсовых заводов. Взойдешь на такой па-

Отрывок из книги «Горький в родном городе», подготовленной к печати в издательстве «Детская литература».

роход — и сразу тебя охватывает ощущение праздника. На матросах новая синяя форма...

Назвали пароход громким именем — «Переворот».

На этом пароходе в 1871 году приехал из Астрахани в Нижний Новгород маленький Алеша Пешков — будущий писатель Максим Горький.

Этот пароход и вправду был переворотом в русском пассажирском судостроении. Однако судоходному начальству такое название показалось крамольным, и «страшное» имя «Переворот» было заменено другим: «Колорадо». А через некоторое время появились еще такие же пароходы — «Миссури» и «Ниагара». Так волжские воды стал бороздить «американский» флот. Но сделаны были эти пароходы руками русских умельцев, русскими рабочими — мастерами-сормовичами.

С каждым годом рос и увеличивался завод. Миллионы текли в хозяйский карман. И только те, чьими руками эти богатства создавались, жили безрадостно и трудно.

Немощные улицы поселка утопали в грязи. Назывались улицы так: Большая Канава, Новая Канава, Старая Канава. Земля была черная от копоти. Вокруг огромного темно-красного паука-завода лепились одноэтажные домики рабочих. Серые, приплюснутые, они жалобно глядели друг на друга тусклыми окнами. Над Сормовом высилась церковь, тоже темно-красная, под цвет фабрики.

Но и в этих маленьких домишках жила «верхушка» рабочего класса — мастера. Рабочие семьи ютились по комнатухам, по углам, за что приходилось отдавать квартирникам большую часть заработка.

Недалеко от завода, на острове, среди топкого зеленого болота построен был громадный барак. Добирались туда на лодке или в высоких болотных сапогах. Рабочие прозвали барак «Ноев ковчег». В бараке был тяжелый спертый воздух, клопы и блохи не давали житья. Летом обитатели «Ноева ковчега» выезжали на «дачи», в самодельные чуланчики без окон, немногим больше собачьей конуры, которые мастерили тут же вокруг барака по берегу болота. Мастерили из ржавого железа, старых досок и ящиков...

На заводе условия не лучше. Не завод — ад! Особенно тяжело приходилось на заводе подросткам и детям. Чтобы устроить на работу сына, отец должен был «подмазать» мастера — дать ему хорошую взятку. А где взять деньги? И чем только не платили — молоком, маслом, яйцами. Из первой полочки подросток обязан был «поставить клепку» — угостить мастера и старших товарищей по работе. Рабочий день у ребят длился одиннадцать часов. В некоторых цехах работали даже восьмилетние дети. Над ними издевались, их нещадно били, срывая накопившуюся усталость и злость.

Никакой охраны труда не было.

Однажды, во время сдачи парохода «Бурлак» морскому ведомству, взорвались паровые трубы и паром обварило восьмерых рабочих. Четверо из них умерло. Ни пособия семьям погибших, ни пенсии инвалидам не выдали. Официальная бумага гласила:

«За неотысканием виновников в смерти мастеровых дело предать воле божией...»

На заводе было первоклассное оборудование, установлены сотни новых станков, выпускались лучшие в России вагоны, паровозы, пароходы, морские шхуны, а для рабочих в цехах не удосужились построить даже раздевалки. Зимой верхнюю одежду бросали прямо под станок или себе под ноги. Ни умывальников, ни мыла. Не было даже воды для питья. Зато в каждом цехе — «Уголок божий». Теплились лампы, и, хочешь не хочешь, каждую получку вычитали с рабочего по пять-десять копеек на лампадное масло. В горячих цехах не было никакой вентиляции, температура в некоторых из них доходила до 35°. Порой казалось, что люди могут здесь заживо свариться. Дым, копоть. И в этом аду каждый рабочий должен был перенести за день сотни пудов.

Люди падали в обморок, их отливали водой, и они снова вставали на место, чтобы дотянуть тяжкий, бесконечный рабочий день.

Наконец долгожданный гудок! Куда идти? Выбор невелик — кабак или церковь. Трактирщики с превеликим удовольствием отпускали водку в кредит, а потом получали долг с огромными процентами. Разгуливали вечерами по Сор-

мову пьяные, и лилась под гармошку горькая песня.

А потом тяжелый сон, душный, с кошмарами. Утром снова гудок. Люди вскакивали с нар и, как серые тени, тянулись к мрачным закоптелым стенам завода. И так изо дня в день, из года в год...

2.

Во всем мире известна повесть Алексея Максимовича Горького «Мать». Тысячи раз издавалась она в России, переведена почти на все языки земного шара. Все помнят, что главного героя повести зовут Павел Власов. Но не все знают, что прототипом Павла Власова явился человек, живший в Нижнем Новгороде, Петр Алексеевич Заломов.

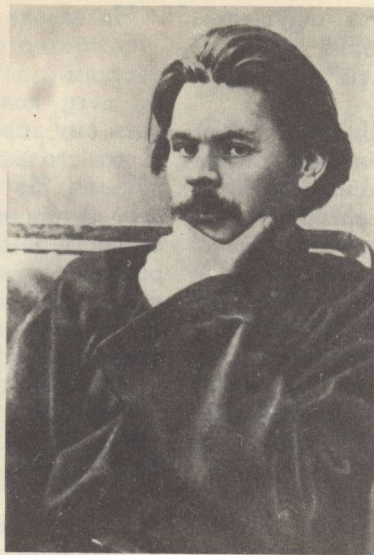
Петр Заломов оставил воспоминания, в которых ярко и правдиво рассказал о нелегком своем детстве и о революционной деятельности.

Когда умер отец, Петя был еще маленьким мальчиком. Мать долго не могла устроить его на работу. Обивала пороги, кланялась, просила, плакала — все напрасно. Чтобы получить работу, надо было иметь хорошую протекцию или хорошие деньги. Наконец Петю приняли учеником слесаря на Курбатовский завод, тот самый, что вымотал силы его отца и который отец не называл иначе как каторгой.

Теперь надо было вставать в четыре часа утра, наспех умываться, одеваться и бежать на завод. Ровно в пять начиналась работа и продолжалась до семи вечера. Только два небольших перерыва на завтрак и обед.

От каторжного труда, от постоянного недоедания спина у Петра согнулась, грудь стала впалой. В семнадцать лет он с отчаянием понял, что не может бегать, не может быстро двигаться. Неизвестно, как бы сложилась его судьба, не попади он к мастеру Пятибратову, члену марксистской группы.

Первый социал-демократический кружок был создан в Нижнем Новгороде осенью 1891 года. В августе 1893 года, проездом из Самары в Петербург, посетил Нижний Новгород Владимир Ильич Ленин. Он встретился с руководителями марксистского кружка. В 1894 году Ленин вторично приезжает в Нижний, снова встречается с местными марксистами. После приезда Ленина, по его указанию, нижегородские марксисты устанавливают тесные связи с рабочими районами и в первую очередь с Сормовом. Развертывается агитация среди рабочих, проводится ежегодное празднование Первого мая...

А. М. Горький

Первую маевку нижегородцы провели в 1894 году, на берегу Оки, в тихом местечке Слуда, в нескольких километрах от Нижнего Новгорода.

Был тихий, погожий весенний денек. Широко разлилась Ока. С утра в мелколистном лесочке стали появляться люди. Они шли небольшими группами, по два-три человека, кто с гармошкой, кто с корзиной, где лежала провизия... Шли мирно, не спеша, словно на загородную прогулку. Вскоре на зеленой полянке собралось человек двадцать: студенческая и рабочая молодежь. Среди них и Петр Заломов.

Ссылный студент сделал доклад о значении международного пролетарского праздника. Пели революционные песни, и впервые на берегу Оки взметнулся в голубое весеннее небо красный флаг, а на нем лозунг: «Да здравствует международный праздник пролетариата Первое мая!»

Еще через год встретились нижегородцы на берегу великой русской реки Волги, на Моховых горах. Сюда, под красные знамена, собралось уже человек шестьдесят из Нижнего Новгорода и Сормова. Снова говорили речи, читали революционные стихи, пели революционные песни.

Прошел еще год, и 9 июня 1896 года, на берегу Волги, напротив Сормова, собралось уже сто человек. В эти дни город был наводнен жандармами и сыщиками, рыскали провокаторы, — ведь Нижний Новгород готовился к встрече государя-императора, который должен был приехать на Всероссийскую выставку. На маевку пробрался провокатор. Жандармам удалось выследить участников, и начались аресты. Было арестовано восемьдесят восемь человек. Петра Заломова почему-то не арестовали, а через несколько дней вызвали к жандармскому полковнику.

Прежде чем явиться в жандармское управление, Петр вымазал лицо сажей, запихал в каждую ноздрю по маленькому кусочку ваты. Дыхание затруднилось, рот полуткрыт, — глянул в зеркало — дурак-дураком. Костюм надел промасленный, заплатанный, грязный. В таком виде отправился Петр на первое свидание с жандармским полковником.

На допросе Заломов разыграл дурачка, и его отпустили, — не стоит, подумали, на блаженное время терять!

Сорок человек из числа арестованных были высланы из Нижнего Новгорода. Остальных приговорили к тюремному заключению на разные сроки.

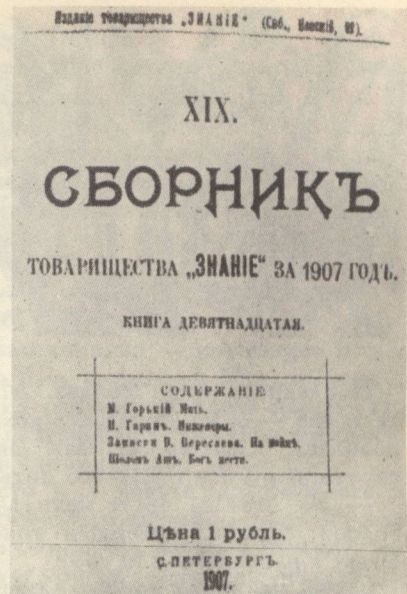
Теперь нижегородские власти могли передох-

А. К. Заломова

П. А. Заломов

нуть — социал-демократическим организациям Сормова и других заводов был нанесен жестокий удар.

Но правду не убьешь. Молодые рабочие, такие как Петр Заломов и Митя Павлов, принимают энергично возрождать революционные кружки, вовлекая в них все новых и новых рабочих.

Первого мая 1902 года день выдался пасмурный. С утра шел дождь. Петр Заломов, Митя Павлов и другие члены партии большевиков на работу не вышли. С балайками и гармошками небольшими группами бродили они по рабочему поселку и приглядывались к обстановке.

Несколько дней назад состоялось заседание Нижегородского комитета РСДРП, где было принято решение о проведении в Сормове 1 Мая открытой политической демонстрации. Нести знамя с надписью «Долой самодержавие!» поручено было Петру Заломову. Знамя было спрятано в ельнике.

После обеда дождь стих, кое-где лучи солнца прорезывали облака. На улицах Сормова стал появляться народ. Часам к пяти вся главная улица — Большая дорога — была забита людьми: мужчины, женщины, дети...

Окончилась первая смена, люди все прибывали и прибывали. Черные толпы загрохотали все прилегающие к заводу переулки. Ребятишки сидели на деревьях, на крышах домов.

Группа рабочих человек в пятьдесят, среди которых, очевидно, были провокаторы, обратилась к народу с призывом идти громить завод. Их просили успокоиться, но они, не слушая товарищей, отделились от толпы и направились к заводу.

«Пора!» — решили партийцы.

Митя Павлов принес из леса знамя. Его быстро прикрепили к дереву. И вот над толпой

взметнулось на ветру и уже реет в весеннем воздухе красное полотнище, а на нем лозунг:

«Долой самодержавие!»

Рабочие выстроились, и колонна человек в двести с пением «Варшавянки» медленно двинулась по главной улице Сормова. Впереди всех — Петр Заломов. В руках у него красное знамя. Чтобы можно было хорошо прочитать надпись на полотнище, Митя Павлов, развернув знамя, поддерживает его за концы.

Толпа расступается, пропуская демонстрантов. Прошли сто метров, двести, еще и еще. В толпе слышались отчетливые возгласы:

— Долой самодержавие!

Вспыхивает песня. Возгласы, пение, все сливается в единый многоголосый гул. Женщины машут платками, мужчины подбрасывают фуражки, у многих по лицу текут слезы...

И вдруг с соседней улицы донеслась громкая дробь барабана. Навстречу демонстрантам вышла рота солдат. Бодрый мотив «Варшавянки» сменяет тягуче-печальный «Вы жертвою пали». Толпа подхватывает песню, заглушая барабанную дробь. Солдаты серой тучей движутся на демонстрантов, взблескивают на солнце штыки...

По плану, разработанному Нижегородским комитетом РСДРП, демонстранты, чтобы не понести потерь, должны были при первом появлении солдат склонить знамя, сорвать его с дерева и смешаться с толпой.

Солдаты все ближе. Слышится команда:

— Ружья на руку! Бегом марш!

Уже сорвано с дерева маленькое знамя, демонстранты вливаются в толпу. Митя Павлов тянет к земле знамя, которое несет Заломов, но Петр с силой вырывает знамя, поднимает его выше и один идет навстречу солдатским штыкам.

Побледили лица солдат. Минутное замешательство — и, не дожидаясь команды, рота оставилась. Офицер вырвал знамя. Заломову скрутили руки и стали его бить прикладами.

— За что вы бьете меня?! — раздался над толпой громкий твердый голос Заломова. — Разве я разбойник или вор?

Снова на лицах солдат замешательство. Прекратилось избиение, опущены штыки. Заломова увели.

Арестован был только Петр Заломов, остальным демонстрантам удалось скрыться. Но в эту же ночь в Сормове начала свирепствовать охранка. Обыски почти в каждом доме, и везде они кончились ничем — жандармы ничего не могли найти. И все же четырнадцать сормовичей были арестованы, преданы суду.

1 июня газета «Искра» писала о Заломове:

«Товарищи! Кто из вас не преклонится перед мужеством этого человека, который один, не боясь солдатских штыков, твердо остался на своем посту. Мы никогда не забудем его примера, товарищи! И пусть все твердо запомнят те слова, что стояли на знамени. Пример его возбудит в нас горячее неукротимое желание до конца бороться за свободу...»

3.

В день демонстрации Алексей Максимович Горький находился в Нижнем Новгороде. Он жил в гостинице «Россия», окруженный сыщиками, шпиками. Весть о забастовке взволновала его до глубины души. Он понимал, что борь-

ба только начинается. Надо привлечь внимание общественности к судебному процессу и превратить процесс в новую политическую демонстрацию. А для этого нужно, чтобы как можно больше людей знало о сормовских событиях, сочувствовало им. Надо выпустить листовки с призывами отстоять товарищей.

Но много ли можно выпустить листовок кустарным способом на гектографе или mimeографе? Нижегородский комитет РСДРП принял решение организовать свою типографию. Алексей Максимович со всей своей страстью берется помогать комитету.

Через несколько дней после демонстрации Алексей Максимович должен был уехать в ссылку в Арзамас. Поэтому типографию решили организовать в Арзамасском уезде, в глухих лесах, около Понетаевского монастыря. Алексей Максимович дал деньги на устройство типографии.

По поручению комитета РСДРП знакомый слесарь Козин перевез в Понетаевку оборудование типографии.

В Понетаевский монастырь со всей России стекались странники и богомольцы. Случалось, что листовки попадали в их руки, и они разносили листовки по стране.

Однако через некоторое время типографию пришлось перевезти в Нижний Новгород и оборудовать ее на Телячьей улице. Снова Алексей Максимович дает деньги, достает необходимое оборудование. Для работы в типографии из Иваново-Вознесенска прислали партийного товарища. Чтобы усыпить бдительность полиции, решили купить бакалейную лавочку.

Лавочка примыкала к жилым комнатам — все чинно, мирно, не вызывает никаких подозрений. Типография находилась под полом.

В кухне был подпол, а вот под жилыми комнатами и под лавчонкой проходил лишь небольшой лаз. Работнику типографии пришлось проделать поистине титаническую работу: выкопать под домом помещение для типографии, а всю лишнюю землю утрамбовать по стенам.

Вскоре типография была оборудована. Приобрели патент на право торговли, повесили вывеску, отслужили молебен всем святым. И лавочка, и типография начали свою работу. Только за вторую половину 1902 года типография напечатала 25 тысяч прокламаций. Здесь перепечатывались даже отдельные номера «Искры».

А день суда над сормовичами приближался. Тянулось следствие.

В Арзамас к Алексею Максимовичу приезжает за советом Жозефина Эдуардовна Гашер. Впоследствии эта женщина стала женой Петра Заломова. Француженка по национальности, учительница, профессиональная революционерка, Жозефина Эдуардовна была пропагандистом и агитатором в кружках сормовских рабочих, активной участницей собраний, где обсуждался вопрос о первомайской демонстрации.

После ареста Петра Заломова и его товарищей Жозефина Эдуардовна перешла на нелегальное положение и продолжала работать под партийной кличкой «Мария Ивановна».

Жозефина Эдуардовна приехала к Горькому, чтобы посоветоваться, как помочь арестованным сормовичам.

Алексей Максимович принял ее сердечно, обещал поддержку. 2 сентября 1902 года окончился срок высылки Алексея Максимовича, и он возвратился в Нижний Новгород. Сормовичи, участники демонстрации, еще томились в тюрьме, ожидая суда.

В первые же дни после возвращения Алексея Максимовича его навестила мать Петра Заломова — Анна Кирилловна.

Алексей Максимович и раньше много слышал о ней, но каково же было его удивление, когда Анна Кирилловна рассказала, что в молодости дружила с его матерью Варварой Васильевной Кашириной.

Мать Анны Кирилловны, так же как и бабушка Алексея Максимовича, родилась в Балахне, была коклюшница-кружевница, а дед — балахнинский плотник. В зимнее время он плотничал, а весной уходил бурлачить. Несколько лет в его артели бурлачил Василий Каширин, дед Алексея Максимовича.

Анна Кирилловна рассказывала, что в те давние времена часто бывала у Пешковых, хорошо помнит Алексея Максимовича мальчиком, — шустрый был, веселый, озорной...

Взволнованный, слушал Алексей Максимович ее рассказы. Картины далекого детства всплывали в памяти...

С тех пор Горький держал тесную связь с Анной Кирилловной, как мог утешал, ободрял, выписывал из столицы лучших адвокатов.

За делом сормовичей внимательно следила газета «Искра». На своих страницах она обличала тюремные власти, которые вели себя незаконно по отношению к арестованным: обыскивали на свиданиях, лишали свиданий, сажали в одиночки и карцер. В знак протеста все арестованные сормовичи объявили голодовку. Петр Заломов отказался даже от воды, и через несколько дней в тяжелом состоянии его увезли в больницу.

Теперь Алексей Максимович каждый день посылал с Анной Кирилловной обед для Петра, чтобы он поправился после голодовки.

«...Товарищи! — гласила листовка под заголовком «Из тюрьмы на волю». — Вы читаете не о пытках в древние века. Вы читаете о своих товарищах, самых любимых и уважаемых. Это не воры, не преступники, это правдивые, честные, самоотверженные люди, виновные только в том, что смело грудью встали за всех трудящихся и угнетенных, что слишком возлюбили свободу нашей родины».

Да, это были честные самоотверженные лю-

ди, которые готовы были пожертвовать жизнью за общее дело, за счастье людей.

Много позднее в своих воспоминаниях П. А. Заломов писал о том времени, когда он сидел в тюрьме: «В моем мозгу звучала «Песня о Соколе» — самая моя любимая песня из всех, какие я знал. Я хотел упасть с высокого неба и разбиться, как смелый Сокол. Я понимал, я чувствовал счастье битвы и наслаждался этим».

Все ближе день открытия процесса. На квартире Алексея Максимовича — настоящий штаб. Горький должен был выехать в Москву, чтобы присутствовать на репетициях своей пьесы «На дне», но решил задержаться до конца процесса. Он писал тогда в одном письме:

«Ах, как часто и с каким удовольствием я здесь ругаюсь! Всё с адвокатами. Продолжу сие занятие до 28-го или 29-го, затем в Москву...»

Петр Заломов и другие сормовичи решили отказать от адвокатской защиты и защищать себя сами. Петр Заломов пишет свою речь и пересылает ее Горькому, Алексей Максимович редактирует ее.

Опасаясь демонстраций и протестов, нижегородские власти долго скрывали день, когда начнется процесс. Но разве такое утаишь? Скоро весь город знал, что дело назначено к слушанию 28 октября 1902 года.

Странное впечатление производило здание областного суда, расположенное на центральной улице города. Казалось, это крепость, которая готовится к длительной осаде. Срочно заколачивали запасные входы, окна. Возле главного входа поставили дополнительную стражу. В здание суда ввели отряд солдат, во дворе — засада, шестьдесят городских. Да и весь город был словно на осадном положении. По улицам разъезжали конные стражники, на тротуарах, размахивая метлами, разгуливали десятки дворников. И полицейские, полицейские...

А по городу летела новая листовка:

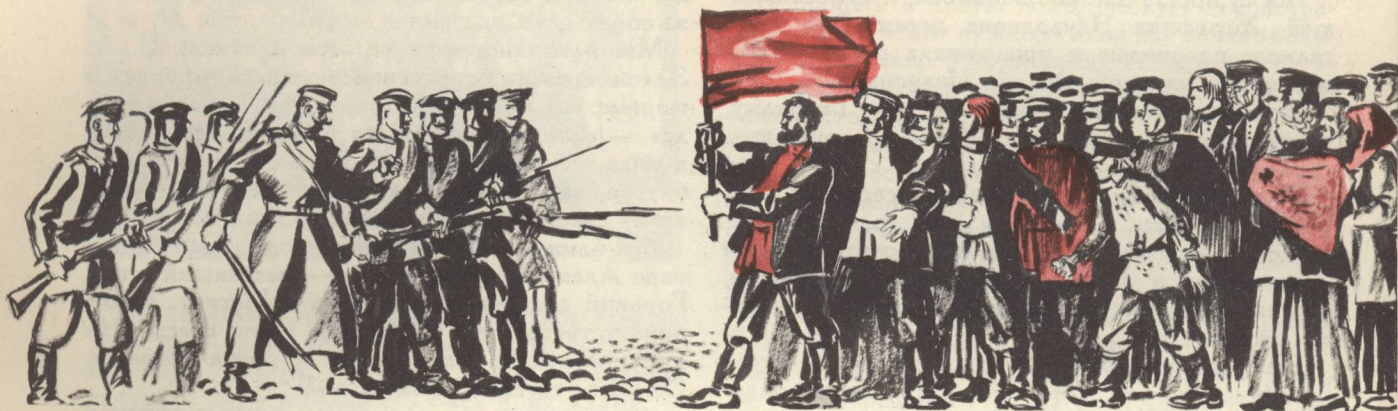
«Ко всем нижегородцам!»

На листовке эпитафия:

«По дорожке большой,
Что Владимирской савна зовется,

Цвет России идет, кандалами звенит».

«...Граждане нижегородцы! 28 октября в городе нашем совершится нехорошее, недоброе дело. У нас почти на глазах, за закрытыми дверями суда совершится громаднейшее насилие, величайшая несправедливость; за правду, неприятную правительству, будет вынесен пристрастный, жестокий приговор лучшей нашей молодежи, цвету нашего молодого поколения...»

Рабочих доставили в суд в два часа ночи. Везли в темном трамвайном вагоне. Суд проходил в полупустом помещении при закрытых дверях.

Первым выступил на суде Петр Заломов. Его речь продолжалась целый час. Он подробно рассказал о тяжелой жизни бедняков, говорил о притеснениях, несправедливостях и издевательствах, которые приходится терпеть рабочим. О том, как тяжело все это видеть и не иметь возможности им помочь. Но его, рабочего человека, краешком коснулось просвещение, и он понял, кто друг, а кто враг, понял, что должен бороться за свою свободу. И он, Петр Заломов, поняв это, стал убежденным революционером, решил посвятить свою жизнь борьбе с врагами рабочего класса, борьбе с самодержавием.

Речь Петра Заломова была отпечатана Нижегородским комитетом РСДРП отдельной листовкой, широко распространена среди рабочих России и проникла за границу.

Следующие речи тоже звучали как обвинительный акт против правительства. Комитет их размножил в тысячах экземпляров, распространил среди нижегородцев и сормовцев и переслал в «Искру».

Речи Заломова и других нижегородских рабочих на суде были опубликованы в «Искре» под названием «Нижегородские рабочие на суде». Им предпослана статья В. И. Ленина «Новые события и старые вопросы», в которой Владимир Ильич называет речи рабочих «превосходными».

Как жалко выглядели на суде жандармы, сыщики, полиция... Подсудимые и защитники учили их во лжи, подлости, подкупе.

Алексей Максимович внимательно следил за процессом. 31 октября он пишет в одном из писем:

«Сормовский процесс кончился, шесть человек во главе с знаменосцем Заломовым осуждены на поселение, семь — оправданы».

Алексей Максимович выехал в Москву.

Перевезли в Москву и Петра Заломова, посадили в Бутырскую тюрьму. Дух истинного революционера сломить нельзя, и в Бутырьках Петр Заломов написал письмо «Из-за решетки», которое в Нижнем Новгороде было выпущено специальной листовкой за подписью «Заломов» и без подписи опубликовано в «Искре»: «Я жалею об одном, что так мало могу дать нашему родному делу — дать только одну жизнь! Я бы пошел теперь на муки, на пытки, а мне дали... всего вечную ссылку... Но пока у меня останется хоть капля крови, во мне не умрет твердая вера в нашу неизбежную победу над врагом».

Следом за Петром Заломовым приезжает в Москву Жозефина Эдуардовна Гашер — его невеста. Она добивается свидания с ним. Отправляясь на свидание, Жозефина Эдуардовна побывала у Алексея Максимовича, который просил ее передать Петру, что сделает все, чтобы помочь ему бежать из ссылки.

Жозефина Эдуардовна ездила по стране, распространяя листовки с речью Петра Заломова. В январе 1904 года она была арестована в Рос-

тове. Ее судили, приговорили к ссылке. Местом ссылки избрала она Маклаково Енисейской губернии, где в то время уже находился и Петр Заломов.

Каждый месяц посылал Алексей Максимович Петру Заломову деньги в Сибирь. А весной 1905 года перевел через члена комитета РСДРП О. И. Чачину триста рублей для организации побега.

Побег прошел удачно, и в 1905 году Петр Заломов впервые встретился с Алексеем Максимовичем на его даче в Куоккала, в Финляндии.

4.

Алексей Максимович и Петр Заломов не были до сих пор лично знакомы. И вот они встретились, два человека, так много знавшие друг о друге. Петр Заломов прожил на даче Горького несколько дней. Алексей Максимович подробно расспрашивал Заломова о сормовских событиях, о его товарищах-сормовичах. Впоследствии многие из этих рассказов использовал Алексей Максимович в романе «Мать».

Расстались они друзьями, а через несколько месяцев встретились в Москве. Это были студенческие зимние месяцы, когда московский пролетариат готовился к вооруженному восстанию. Петр Заломов принимал деятельное участие в его подготовке. В эти дни он частый гость на квартире Алексея Максимовича. И снова долгие разговоры...

В 1906 году тяжелая болезнь свалила Петра Заломова. Сказались годы тюрем и ссылки, жестокие побои тюремщиков. Пошла горлом кровь, сердечные приступы следовали один за другим. Болезнь сделала то, чего не могли сделать ни преследования, ни аресты, ни жестокость тюремщиков, — вывела из строя замечательного, негибаемого революционера.

Петр Заломов вынужден был уйти на покой. Он поселился в маленьком городке Курской губернии. Жозефина Эдуардовна работала в школе, преподавала немецкий язык. Жить было трудно, всегда не хватало денег. Чтобы как-то прокормить семью, Петр Заломов занимался садоводством...

После Октябрьской революции Петр Заломов несколько раз приезжал в Сормово, встречался со старыми друзьями. В 1949 году, когда торжественно отмечалось столетие Сормовского завода, Петр Заломов за революционные заслуги был награжден орденом Ленина.

Умер он в 1955 году.

Так сложилась жизнь этого человека, которому Алексей Максимович дал вторую, вечную жизнь, изобразив его в образе Павла Власова, героя романа «Мать».

Вот что писал Алексей Максимович по поводу своего героя Павла Власова:

«Павел Власов — характер тоже не редкий. Именно вот такие парни создали партию большевиков. Многие из них уцелели в тюрьмах, в ссылке, в гражданской войне и теперь стали во главе партии...

Конечно же, роман «Мать» это не только история Сормова, сормовских рабочих. Это история революционного рабочего класса России. Поэтому-то книга эта стала настольной у рабочих всего мира.

И все-таки корни ее, истоки находятся в Сормове. С детства знал Алексей Максимович тяжелую рабочую жизнь, наблюдал картины беспросветного труда, сам пережил лишения и невзгоды. Горести сормовских рабочих и чаяния их были его горестями, его чаяниями. Не случайно он дружил с ними, помогал, защищал, советовал.

Это-то знание рабочей жизни, многолетняя дружба с рабочими, освященные огромным писательским талантом, и помогли Алексею Максимовичу Горькому создать роман.

В мае 1907 года на Пятом съезде РСДРП Алексей Максимович встретился в Лондоне с Владимиром Ильичем Лениным.

Владимир Ильич еще в рукописи прочел роман «Мать». В разговоре с Горьким он дал роману высокую оценку. Вот как вспоминает об этом разговоре Алексей Максимович:

«Я сказал что торопился написать книгу, но не успел объяснить, почему торопился, — Ленин утвердительно кивнув головой, сам объяснил это: очень хорошо, что я поспешил, книга — нужная, много рабочих участвовало в революционном движении незаметно, стихийно, и теперь они прочитают «Мать» с большой пользой для себя.

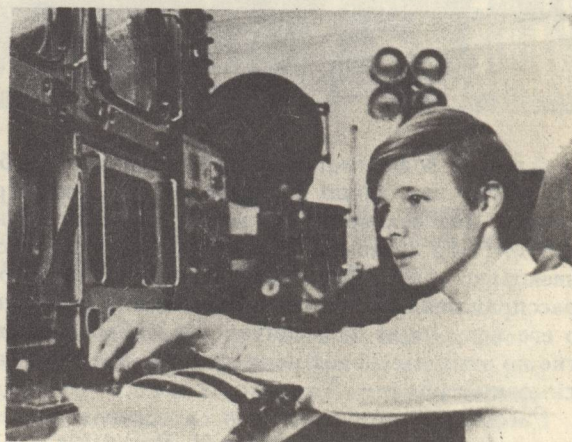

«Очень своевременная книга». Это был единственный, но крайне ценный для меня комплимент».

И сейчас, в наши дни, книга эта не утратила своей современности!

Костя Тёркин берет интервью

Недавно я побывал в Ленинградском Дворце пионеров на выставке детского технического творчества.

Чего я тут только не увидел: крошечные токарные станки работали, как самые настоящие, модель атомной подводной лодки погружалась в воду и всплывала, вертолет взлетал и садился по командам, полученным с пульта управления,

на строительной площадке ходил восьмидесятитонный порталный кран (конечно, не настоящий, а уменьшенный в сотни раз!). А в зале радиоэлектроники стояло «телевизионное зеркало», и каждый, кто разглядывал экспонаты, мог увидеть в нем самого себя.

Алеша Акимов, член лаборатории телемеханики Дворца пионеров, нажимая на пульте кнопки, говорил: «Вперед! Стоп! Повернуть направо! Вперед! Повернуть налево!» Я огляделся вокруг и увидел вот что (фото № 1).

— Скажи, Алеша, это ведь модель советской автоматической станции «Луноход-1»?

— Верно, — ответил Алеша. — Это луноход. Почти настоящий. На «Луноходе-1» лазерный отражатель помог измерить расстояние от Земли до Луны с точностью до двенадцати сантиметров. И на нашей модели есть лазерный отражатель. И наш луноход тоже радиоуправляем. Правда, не на таком большом расстоянии, — тут же добавил Алеша, — но даже за шестьсот метров мы можем им командовать.

Нажав на кнопку, Алеша приказал луноходу:

— Открыть верхний люк!

Крышка люка медленно стала подниматься. Зачем? Чтобы батареи зарядились энергией от Солнца. Так же, как и на настоящем луноходе.

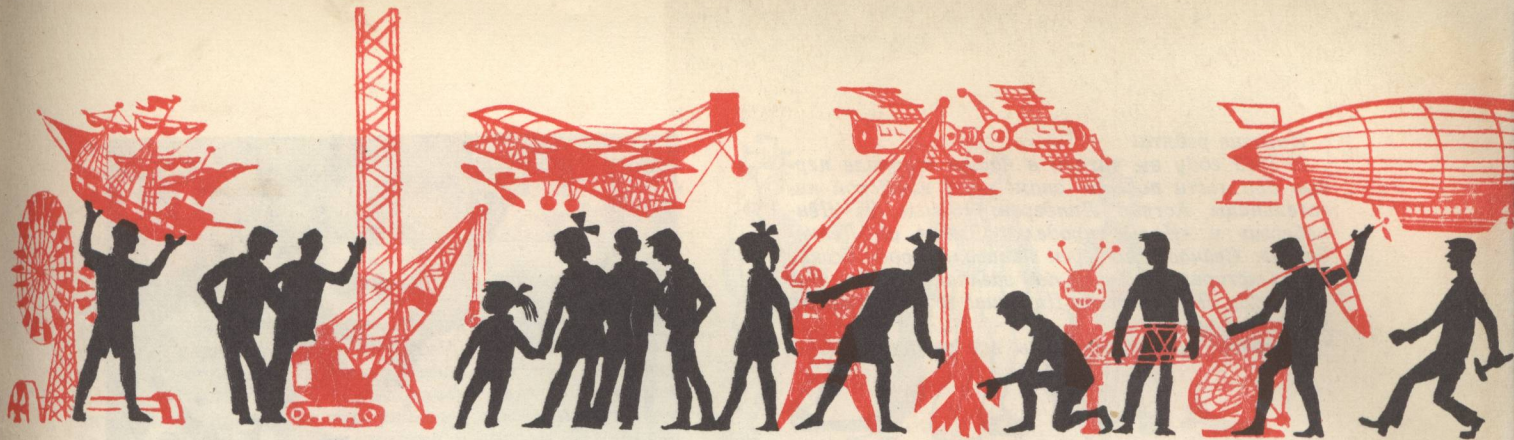
В соседнем зале за столиком сидела девочка, недавно я видел ее по телевизору. Это была Ира Малышева — ведущая пионерской телестанции «Сами о себе».

— Для телестанции (фото № 2), — сказала Ира, — все оборудование смонтировали юные техники Ленинградского Дворца пионеров. И теперь сами же ребята обслуживают станцию. Есть у нас телеоператоры. Есть свои звукорежиссеры, осветители, киногруппа снимает фильмы.

Наши передачи идут на экранах телевизоров во Дворце пионеров. Кроме того, мы готовим с помощью взрослых телепередачи «Пионерград», их можно увидеть два раза в месяц по ленинградскому телевидению.

Затем Витя Иванов, Толя Моланов и Сережа Головин

подвели меня к стенду. Над ним светилась надпись: «Правила уличного движения» (фото № 3).

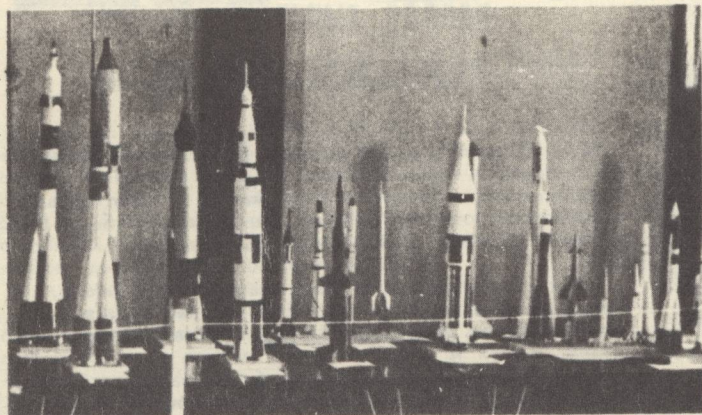
Магнитами на стенде были прикреплены троллейбусы, автобусы, «Москвичи», «Волги». Сбоку мерцал зеленым и красным светофор.

— Сейчас мы устроим тебе,

— Опоздал, — сказал Толя, — надо давать ответ, пока буква за буквой загорается надпись «Правила уличного движения».

— Ну, а если ты сидишь за рулем автобуса и на перекрестке встречаешься с легковушкой? Светофора здесь нет. — Теперь Витя стал «рас-

биля «мерседес-бенц» (модель автодрома сделали ребята 224 школы Фрунзенского района Ленинграда), потом управлял на расстоянии автожиром (работа Гены Голубева, ученика 7 класса 343 школы Ленинграда), потом рассматривал сувениры из керамики, дерева и металла (их изготовили члены

„Три, два, один, старт!“ — раздается команда. Ракета, оставляя огненное облако, устремляется вверх. Чтобы поддерживать с ней связь, проворачивать направление пути, включились локаторы. Замигали приборы на наблюдательных вышках. Подключились датчики Центра управления, спрятанного глубоко под землей, там, где нет помех...

Таким представляют себе космический ракетодром юные техники 529 школы Петродворца.

Судомоделисты Кронштадтского Дома пионеров смастерили трехмачтовый корабль с полным парусным вооружением и артиллерийскими бойницами.

КОстя, экзамен, — сказал Сережа. — Представь, ты за рулем «Москвича», остановился у перекрестка во втором ряду, тебе надо поворачивать направо. А в первом ряду стоит автобус. — Сережа взял в ладошку все миниатюрные автобусы и машины и «прилепил» так, что «Москвич» оказался у перекрестка во втором ряду, слева от автобуса. — Как ты поступишь?

Я стал раздумывать. И вдруг раздался щелчок.

клеивать» машины. Они все перестроились, и я увидел тот автобус, который я веду. — Кто кого пропускает в этом случае?

Это я твердо знал: транспорту с пассажирами всегда первая очередь. Быстро нажал на кнопку: «Проезжает автобус». И светофор сбоку замигал мне зеленым глазом: верно ответил, КОстя!

Потом в других залах я соревновался на автомобиле «школа» с гонщиком автомо-

кружков «Умелые руки» Дворца пионеров, Домов пионеров Фрунзенского, Петроградского и Ленинского районов, Домов культуры имени Цюрупы и Ильича, клуба «Красный Октябрь»).

Ребята Ленинграда и Ленинградской области посвятили эту выставку пятидесятилетию пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина.

Оформление А. Януса
Фото А. Богатырева

Дорогие ребята!

В 1969 году вы читали в нашем журнале первые две части повести знаменитой шведской писательницы Астрид Линдгрен: «Эмиль из Лённеберги» и «Новые проделки Эмиля из Лённеберги». Сейчас Линдгрен написала продолжение своих историй об Эмиле под заглавием «Жив еще Эмиль из Лённеберги!» Да, жив! И по-прежнему проказничает.

Впрочем, прочитайте, и вы все узнаете!

ЖИВ ЕЩЕ ЭМИЛЬ ИЗ ЛЁННЕБЕРГИ!

ПОВЕСТЬ

Астрид Линдгрен

Рисунки Вьёрна Берга

Альма Свенссон с хутора Катхульт, мама Эмиля, записывала все его проделки в синие школьные тетради, которые прятала в ящике комода. В конце концов их там столько набилось, что ящик едва выдвигался, так как то одна, то другая тетрадка загибалась и вставала торчком. Эти синие тетради и по сей день хранятся в том же старом комодe, все, кроме трех, которые Эмиль однажды, когда ему понадобились деньги, пытался продать учительнице воскресной школы. Когда же она не захотела их купить, он взял да и смастерил из них бумажные кораблики и пустил плавать в катхультский ручей, после чего их никто уже не видел.

Учительница воскресной школы никак не могла взять в толк, зачем ей покупать у Эмиля тетради.

— На что они мне? — удивленно спросила она.

Астрид Линдгрен читает внукам свою повесть об Эмиле из Лённеберги

— Учить детей, чтобы они не были такими сорванцами, как я, — сказал Эмиль.

Уж кто-кто, а Эмиль-то знал, каким он был сорванцом. А случись ему забыть, рядом всегда была Лина, катхультская служанка, чтобы напомнить ему об этом.

— Кой прок держать тебя в воскресной школе, — однажды сказала она. — С тебя все как с гуся вода. Нет, не бывать тебе в раю! Разве что там потребуется гроза.

Лина хотела сказать, что куда бы ни заявился Эмиль, там тотчас дым коромыслом, гремит гром и сверкает молния.

— Сроду не видывала такого пострела, — вздохнула она.

Ушла на луг и взяла с собой маленькую Иду, сестренку Эмиля.

Пока Лина доила коров, Ида собирала землянику и нанизывала ягоды на соломинку. И принесла домой целых пять соломинок, унизанных земляникой. Эмиль выклянчил у нее всего две соломинки, вот какой он был сознательный.

Только не подумай, что Эмилю была охота тащиться вместе с Линой и Идой на коровий выпас. Как бы не так! Есть занятия повеселее. Он схватил свой картузик и ружье и понесся напрямиком на лужайку, где паслись лошади. Там он вскочил на Лукаса и поскакал во весь опор сквозь заросли орешника, только земля из-под копыт летела в разные стороны. «Гусары Смоланда идут в атаку» — вот как называлась эта игра. Гусаров он видел на снимке в газете и знал, как играть.

Картузик, ружье и Лукас были, пожалуй, самыми дорогими сокровищами Эмиля. Лукас был его конь, — да, да, в самом деле, его конь. Он заполучил его на ярмарке в Виммербю после одного из своих лихих приключений. Потрепанный синий картузик ему купил папа. Ружье игрушечное, его вырезал из дерева для Эмиля катхультский работник Альфред, потому что очень любил мальчонку. Эмиль и сам мог бы выстругать себе ружье. Уж если и был на свете мастак резать по дереву, так это Эмиль. И вот почему. После каждой проказы Эмиля запирали в столарку, и там он обычно

стругал из дерева маленького забавного старичка. Под конец у него набралось 369 деревянных старичков. Они целы и по сей день, кроме одного, которого мама Эмиля закопала в землю за кустами смородины: уж больно он был похож на пастора. «Нельзя выставлять пастора в таком виде», — сказала мама.

Ну вот, теперь ты примерно знаешь, каким был Эмиль. Ты знаешь, что он проказничал весь год напролет — зимой и летом. А я как-то прочитала все эти синие тетради и расскажу тебе сейчас о некоторых днях из жизни Эмиля. Тогда ты узнаешь, что он сделал немало и добрых дел. Справедливости ради надо вспомнить все, а не только его ужасные проказы. Впрочем, не все они были ужасны, многие и совсем безобидны. Собственно, только третьего ноября случилось нечто умопомрачительное... Нет, ни за что, и не проси, все равно не расскажу, что он натворил третьего ноября, я этого никогда не сделаю, раз я обещала его маме. Лучше, для примера, возьмем день, когда Эмиль вел себя вполне прилично, хотя его папа, наверняка, думал иначе.

А именно:

**Суббота, 12 июня,
когда Эмилю посчастливилось
заключить несколько
сногшибательных сделок
на аукционе в Бакхорве**

В одну из июньских суббот в Бакхорве был аукцион. Все хотели там побывать, так как во всей Лённеберге и во всем Смоланде не было зрелища более увлекательного. Папа Эмиля, Антон Свенссон, само собою, тоже хотел там побывать, а работнику Альфреду со служанкой Линой было велено сопровождать хозяина, и уж, конечно, дело не обошлось без Эмиля.

Если тебе когда-нибудь доводилось бывать на аукционе, ты знаешь, чем там занимаются. Ты знаешь, что когда люди хотят продать свои вещи, то они устраивают аукцион, а другие могут приехать и купить, что им приглянется. Хуторяне из Бакхорвы хотели продать все до нитки, потому что собирались уехать в Америку, как многие в те времена. Но не тащить же им, в самом деле, с собой деревянные кухонные диваны и сковородки, коров, поросят и кур. Вот почему нынче в самом начале лета в Бакхорве должен был состояться аукцион.

Папа Эмиля надеялся по дешевке разжиться коровой, а если повезет — поросной свиньей, а может быть, и парочкой кур. Вот почему он хотел побывать в Бакхорве, и вот почему Альфреду с Линой велено было сопровождать его. Ведь надо было пригнать домой скотину и птицу.

— А вот зачем ехать с нами Эмилю, этого я никак в толк не возьму, — сказал папа.

— Там, поди, и без него шуму и грому хватает, нечего еще тащить с собой Эмиля, — поддакнула Лина.

Лина знала, как много свар и драк случается обычно на таких аукционах в Лённеберге и во всем Смоланде, так что по-своему она была права. Но мама Эмиля с укором взглянула на Лину и сказала:

— Коли Эмиль хочет поехать вместе со всеми на аукцион, так он и поедет, это дело не твоего ума. Подумай-ка лучше о том, как ты сама будешь вести себя. Не кривляйся и не гогочи, как всегда, когда бываешь на людях.

Тут Лина и смолкла.

Эмиль напялил свой картузик и собрался в дорогу. — И мне что-нибудь купите! — попросила маленькая Ида, умильно склонив головку.

Она попросила, ни к кому, собственно, не обращаясь, просто так, но папа нахмурил брови.

— Купи да купи! Только и слышу. Разве я не купил тебе намедни мятных леденцов на целых десять эре? В день твоего рождения, в январе, неужто забыла?

Эмиль как раз подумывал попросить у папы монетку — не ехать же на аукцион без единого эре в кармане, но теперь это само собой отпало. Время было неподходящее, чтобы выжать из папы деньги. Это он понимал. Во всяком случае, не теперь, когда все спешили и папа уже сидел в большой телеге, на которой возили молоко. «Ну, чего нельзя получить так, можно раздобыть этак», — подумал Эмиль. С минутку он напряженно размышлял, а потом сказал:

— Езжайте вперед, а я прискачу следом на Лукасе! Папа сразу заподозрил неладное, но ему хотелось уехать побыстрее, и он сказал:

— Валяй, валяй, а то и вовсе оставайся дома!

Он щелкнул кнутом и лошади понеслись. Альфред помахал Эмилю, Лина — маленькой Иде, а мама закричала папе:

— Глядите, не поломайте там руки-ноги, возвращайтесь домой целехоньки!

Так сказала мама, потому что тоже знала, какие безобразия творятся на аукционах.

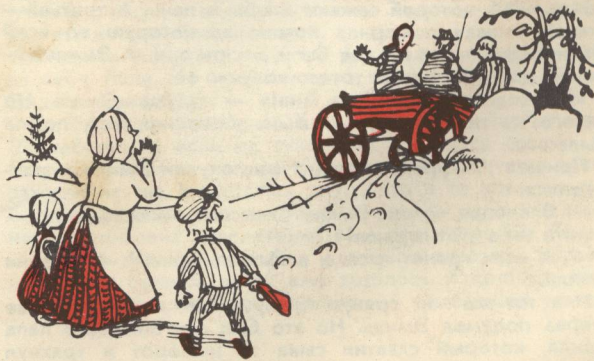
Пока молочная повозка не скрылась за поворотом, Эмиль стоял в дорожной пыли и глядел вслед. Но потом он заторопился, так как надо было срочно раздобыть денег. Как ты думаешь, что он для этого сделал?

Если бы ты жил в Смоланде и был ровесником Эмиля, ты бы знал, какое множество ворот стояло в те времена на дорогах. Их ставили для того, чтобы волы, коровы и овцы каждого смоландского крестьянина паслись бы на своих пастбищах. А может, и для того, чтобы смоландские малыши могли изредка заработать двухэровую монетку, открывая ворота какому-нибудь ленивому крестьянину, которому надо было проехать дальше, но не хотелось слезать с повозки и самому отворять ворота.

Были ворота и в Катхульте, но, право слово, Эмиль не очень-то разжился на них, так как Катхульт стоял на отшибе и редко кто навещался туда. Лишь один хутор лежал еще дальше Катхульты — Бакхорва, где как раз сегодня и должен был состояться аукцион.

«Значит, кто туда поедет, не миновать ему наших ворот», — решил Эмиль, этаким плутишка.

Целый час простоял Эмиль сторожем у ворот и заработал — подумать только — пять крон и семьдесят

четыре зре. Повозки с лошадьми тянулись одна за другой, и он едва успел закрыть ворота, как тотчас надо было снова их отворять.

Все крестьяне, спешившие в Бакхорву, были в хорошем настроении, потому что ехали на аукцион, и охотно швыряли двух- и пятизоровые монетки в картузик Эмиля. А некоторые богатые крестьяне раскошеливались даже на десять зре, хотя, понятно, медленно в этом раскаивались.

А торпарь из Кроки разозлился, когда Эмиль захлопнул ворота перед самой мордой его сивой кобылки:

— Чего затворяешь ворота! — закричал он.

— Надо же мне сначала их закрыть, чтобы потом открыть.

— Чего ж ты в такой день не оставишь ворота открытыми? — зло спросил хуторянин из Кроки.

— Что я, рехнулся? — ответил Эмиль. — Это нынче-то, когда мне впервые хоть какая-то польза от этих старых ворот.

Но торпарь из Кроки огрел Эмиля кнутом и не дал ему ни пол-зре.

Когда все, кто собирался побывать на аукционе, проехали через ворота Эмиля и больше неоткуда было ждать денег, Эмиль вскочил на Лукаса и понесся вскачь так резво, что в кармане его брюк загремели и застучали монетки.

Аукцион в Бакхорве был в полном разгаре. Люди толпились вокруг вещей, расставленных рядами во дворе. При ярком солнечном свете вещи казались совсем неприглядными. Посреди толпы на бочке возвышался аукционщик. Ему давали хорошую цену за сковородки и кофейные чашки, за старые деревянные стулья и еще неизвестно за что. Понимаешь, так вот и бывает на аукционе: кто-нибудь выкрикивает и объявляет аукционщику, сколько он хочет заплатить за какую-нибудь вещь, ну, а если найдется такой, кто хочет заплатить больше, то ему и достается кухонный диван или другая вещь, за которую идет торг.

Словно ветром всколыхнуло народ, когда на двор прискакал Эмиль верхом на Лукасе, в толпе зашумелись:

— Раз явился этот катхультский мальчишка, лучше, пооди, ехать домой.

Эмилю не терпелось начать торговаться, да и денег-жата у него завелась, так что было от чего голове пойти кругом. Не успев спешиться, он уже предложил три кроны за старую железную кровать, которая была ему нужна, как пятое колесо телеге. К счастью, одна молодуха предложила четыре кроны, и Эмиль легко избавился от кровати. Но он азартно продолжал набивать цену на все без исключения, и не успел опомниться, как стал обладателем трех вещей. Первой была выцветшая бархатная шкатулочка с мелкими голубыми ракушками на крышке — ну, она-то еще пригодится маленькой Иде. Второй была лопата, такая вот, с длинной ручкой, которой сажают хлебы в печь. А третьей — старая ржавая пожарная помпа, за которую во всей Лённеберге никто не дал бы и десяти зре. А Эмиль выложил двадцать пять и тотчас получил ее.

«Ой, спасите, зачем она мне!» — подумал Эмиль. Но ничего не поделаешь, хотел он этого или нет, помпа была его.

Пришел Альфред, взглянул на покупки Эмиля и рассмеялся.

— Владелец помпы Эмиль Свенссон, — сказал он. — На что тебе этот горшок?

— А если грянет гром и вспыхнет пожар? — ответил Эмиль.

И в тот же миг грянул гром, так во всяком случае сперва подумал Эмиль. Но это был всего-навсего папа Эмиля, который схватил сына за шиворот и потрянул

так, что кудри Эмиля растрепались и разлетелись во все стороны.

— Ах ты, неслух! — крикнул папа Эмиля. — Что ты еще надумал?

А дело было так. Антон Свенссон спокойно прогуливался на задворках хлева и присматривал себе корову, когда примчалась запыхавшаяся Лина.

— Хозяин, хозяин, Эмиль тут и всюю скупает помпы. Разве ему дозволено?

Папа не знал, что у Эмиля были свои деньги, и он подумал, что ему самому придется расплачиваться за все, что наторговал Эмиль. Поэтому не удивительно, что папа побледнел и затрясся, услышав о пожарной помпе.

— Пусти меня! Я плачу сам!.. — кричал Эмиль.

Ему все же удалось растолковать отцу, как он добыл свое богатство: всего-навсего открывав ворота в Катхульте. Папе Эмиля, конечно, понравилось, что Эмиль такой деловой. Но ему не понравилось, что Эмиль так не по-деловому сорит деньгами.

— О таких дурацких сделках я и знать не хочу, — сказал папа строго. Он потребовал показать ему все, что приобрел Эмиль. И очень расстроился, увидев покупки сына: старую бархатную ни на что не годную шкатулочку и лопату для хлеба — к чему она, когда дома у них своя хорошая. Дурацкие сделки! Хотя ничемнее всего, конечно, помпа.

— Заруби себе на носу, что я тебе скажу! Покупать надо только самое необходимое, — изрек папа.

Может, он и прав, кто спорит, но как знать, что необходимо? Лимонад, например, необходим? Эмиль был убежден, что да. Огорченный отцовской взбучкой, он сплоснулся без дела, пока не обнаружил беседку среди кустов сирени, где продавали пиво и лимонад. Ох, уж эти хуторяне из Бакхорвы, всегда что-нибудь придумают. Из пивоварни в Виммербу они привезли несколько ящиков с пивом и лимонадом, чтобы напоить жаждающих на аукционе.

Эмиль как-то раз в жизни уже пил лимонад. И страшно обрадовался, когда до него внезапно дошло, что здесь продают лимонад, а у него полный карман денег. Подумать только, какая удача!

Эмиль попросил три кружки лимонада и выпил их разом. Но тут снова грянул гром. Неожиданно откуда-то опять вынырнул отец. Он схватил сына за шиворот и потрянул так, что лимонадный газ, шипя, ударил Эмилю в нос.

— Экий неслух! Стоишь тут и распиваешь, раз уж в кои-то веки удалось подработать малость денюжат...

Но тут Эмиль разошелся не на шутку:

— Чего ты все злишь меня? — зорал он. — Нет у меня денег — я не могу пить лимонад! Есть у меня деньги — не могли пить лимонад! Когда же мне, черт возьми, пить лимонад?

Папа Эмиля строго взглянул на него.

— Запру ведь в столярке, когда вернемся домой! И, не говоря больше ни слова, он исчез на задворках. А Эмиль остался на месте. Он горько каялся. Он сам понимал, какой он плохой. Мало того, что нагрубил отцу, так еще — хуже некуда — помянул черта. Это ведь почти ругательства, а ругательства в Катхульте строго-настрого запрещены. Ведь папа Эмиля был церковным старостой, и все такое!.. Эмиль раскаивался це-

лых несколько минут, а потом купил еще кружку лимонада и угостил Альфреда. Они сели у дровяного сарая и болтали, пока Альфред не выпил свой лимонад.

— Ничего вкуснее я за всю свою жизнь не пробовал, — сказал он.

— Ты не видел Лину? — спросил Эмиль.

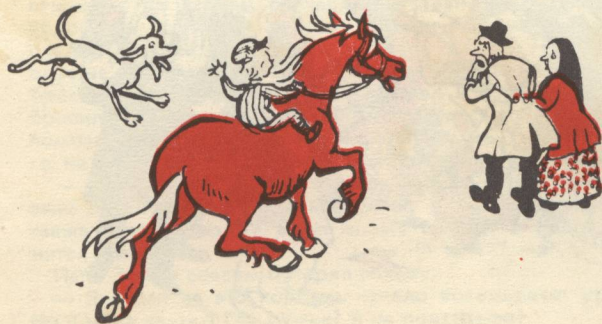
Тут Альфред показал пальцем, где Лина. Она сидела на траве, прислонившись к изгороди, а возле нее сидел торпарь из Кроки, тот самый, который огрел Эмиля кнутом. Сразу было видно, что Лина забыла наказ хозяйки, она кривлялась и гоготала, как всегда, когда бывала на людях. Видно было также, что торпарю нравилось ее кривлянье, и, увидев это, Эмиль повеселел.

— Знаешь, Альфред, женить бы нам Лину на торпаре, — сказал он радостно. — Тогда бы ты, может, и вовсе от нее избавился.

Дело в том, что Лина определила Альфреда себе в женихи и собиралась выйти за него замуж, хотя Альфред противился этому как мог. Альфред с Эмилем уже давно ломали себе голову, как им спасти Альфреда от Лины. А тут оба они воспряли духом.

Подумать только, заполучить этого торпаря из Кроки в женихи Лине! Никто не спорит, он стар, ему под пятьдесят, и он совсем лысый, но все же у него есть свой хуторок, хоть и арендованный, и Лине, наверно, придется по нраву.

— Мы уж позаботимся, чтоб никто не пришел и не помешал им, — сказал Эмиль.

Он знал, что Лине придется немало покривляться и поломаться, пока торпарь из Кроки совсем потеряет голову и в самом деле упадет на крючок.

Тем временем на задворках хлева начали продавать скот, и Альфред с Эмилем пошли туда поглазеть.

Папа Эмиля очень удачно выторговал свинью, которая вот-вот должна была опороситься. Но из-за коров начался спор. Один крестьянин из Бастефалля хотел заграбастать все семь коров, и папе Эмиля пришлось предложить восемьдесят крон за ту корову, которую он себе присмотрел. Он тихо постанывал, выкладывая этукую неслыханную сумму, после чего у него не осталось денег даже на кур. Крестьянин из Бастефалля выторговал и всех кур, и только одну не захотел взять.

— На что мне хромая курица, — сказал он. — Сверните ей шею, и делу конец.

У хохлатки, которую советовал укокошить крестьянин из Бастефалля, была сломана ножка, кость срослась неправильно, и злосчастная курица отчаянно хромала. На холме, где стоял хлев, рядом

с Эмилем толкался один из хозяйских мальчишек, вот он и буркнул Эмилю:

— Ну и глупый же дед, не хочет брать Лотту-Хромоножку. А она несется лучше всех кур, ей-ей.

Тогда Эмиль громко крикнул:

— Двадцать пять эре за Лотту-Хромоножку!

Все рассмеялись. Разумеется, все, кроме папы Эмиля. Он подскочил к Эмилю и схватил его за шиворот.

— Ах ты неслух! Сколько еще глупостей ты собираешься натворить за один день? погоди, насидишься у меня в столярке!

Но сказано — сделано. Эмиль предложил двадцать пять эре, и отступить было поздно. Лотта-Хромоножка стала его собственностью, нравилось это папе или нет.

— Во всяком случае, теперь у меня две собственные животинки, — сказал он Альфреду. — Один конь и одна курица.

— Да, верно, конь и хромая курица, — добродушно поддакнул Альфред.

Эмиль посадил Лотту-Хромоножку в ящик и поставил его у дровяного сарая среди прочих своих сокровищ. Там у него были: помпа, лопата, бархатная шкатулочка и стреноженный Лукас. Эмиль оглядел свое имущество и остался очень доволен.

Ну, а как там дело у Лины с торпарем из Кроки? Эмилю и Альфреду пришлось прогуляться взад-вперед, пока удалось выяснить обстановку, и они порадовались, что Лина их не подвела: торпарь из Кроки обнимал ее за талию, а Лина кривлялась и гоготала больше, чем обычно. Время от времени она поддавала локтем своему кавалеру, так что он отлетал прямо к изгороди.

— Это ему по вкусу, — сказал Эмиль. — Только бы она его не зашибла досмерти.

Эмиль и Альфред от души радовались тому, как вела себя Лина. Но кое-кому это не понравилось. И это был Бультен из Бу.

Он был самый отчаянный драчун и пропойца во всей Лённеберге, и если на аукционах случались свалки, то главным образом по вине Бультена, так как чаще всего затевал их он. Ты должен знать, что в те времена работник трудился, не разгибая спины, от зари до зари, не зная никаких развлечений весь год напролет. Поэтому такой вот аукцион был для него веселым развлечением, и больше всего ему хотелось подраться. Иначе он не знал, как совладать с той неведомой темной

силой, которая вдруг вскипала в нем, когда он появлялся на людях и пропускал несколько стаканчиков крепкого вина. К сожалению, не все на аукционе пили один лимонад. По крайней мере, Бультен из Бу лимонада не пил.

Он проходил мимо и, увидев, как Лина кривлялась перед торпарем из Кроки, сказал:

— И не стыдно тебе, Лина! На что тебе сдался этот облезлый старый кролик? Больно стар для тебя, неужто не понимаешь?

С этого и началась драка.

Эмиль с Альфредом увидели, как разозленный торпарь из Кроки отпрянул от Лины. Хорошенькое дело, только этого недоставало! Неужто Бультен из Бу разрушит все, что задумали Эмиль с Альфредом?

— Сиди, сиди, пожалуйста! — испуганно закричал Эмиль торпарю из Кроки. — С Бультенем я разделаюсь сам!

Подняв свою лопату, он легонько саданул Бультена по спине. Этого-то и не следовало делать. Потому что Бультен обернулся и схватил Эмиля. От злости лицо его перекошилось. Эмиль повис в его огромных ручищах, думая, что настал его последний час.

— Пусти мальчонку, — закричал Альфред, — а не то костей не соберешь, не будь я Альфред!

Альфред был тоже не робкого десятка, да и руки у него чешались подраться. Не прошло и двух секунд, как он схватился с Бультенем так, что кости затрещали.

Все этого только и ждали.

Люди бежали со всех сторон, чтобы успеть подраться.

— Из-за меня они дерутся! — заголосила Лина. — Ох, драма-то какая!

— До драмы дело не дойдет, пока у меня в руках лопата, — утешил ее Эмиль.

Бросившиеся в драку молодцы свалились в огромную кучу и, сцепившись, шевелились в ней точно раки; они пихались и вырывались, кричали и кусались, били и молотили друг друга, ругались и орали. А под ними, в самом низу, лежали Альфред вместе с Бультенем и торпарем из Кроки.

Эмиль испугался, что они раздавят его дорогого Альфреда, и сунул лопату в кучу, стараясь помочь другу. Но из этого ровно ничего не вышло: куда бы ни совался Эмиль, отовсюду высовывалась чья-нибудь грозная пятерня, которая пыталась сбить его с ног и втянуть в драку.

Эмилю этого вовсе не хотелось. Поэтому он вскочил на Лукаса и давай скакать вокруг дерущихся. Гарцуя на коне, с развевающимися волосами и с лопатой в правой руке, он немного смахивал на рыцаря, который с поднятым копьём бросается в самую гущу сражения.

На скаку Эмиль расталкивал драчунов. Верхом на лошади сподручнее управляться с лопатой, и Эмилю в самом деле удалось расцепить тех, кто был на самом верху. Но то и дело набегали новые и очертя голову бросались в драку. И как споро ни орудовал Эмиль лопатой, он не мог высвободить Альфреда.

Женщины и дети плакали и кричали от испуга, а папа Эмиля и другие рассудительные хуторяне держались в стороне и тщетно зывали:

— Ну, парни, пора кончать! Поди, много будет еще аукционов. Поберегите кровушку и для другого раза!

Но парни вошли в раж и ничего не слушали. Они хотели только драться, драться и драться.

Эмиль отшвырнул лопату в сторону.

— Ну-ка, Лина, помоги мне, — сказал он. — Нечего нюни распускать. Видишь, жених твой в самом низу!

Я уже говорила, что Эмиль был мальчонка сметливый. Отгадай, что он сделал? У него была помпа, а в колодце была вода. Он велел Лине качать воду, а сам взялся за шланг, и вода хлынула так весело, что любого дорогого посмотреть.

Парни словно икнули, когда в них со всей силы ударила струя холодной воды. И хочешь верь, хочешь нет, Эмиль поработал шлангом всего лишь несколько минут — драка стала стихать и сама по себе прекратилась. Одно за другим высовывались из кучи распухшие удивленные лица, и все драчуны постепенно поднялись на ноги.

Запомни: коли попадешь в драку и захочешь положить ей конец — холодная вода куда лучше лопаты.

И работники вовсе не думали сердиться на Эмиля. Теперь, поразмявшись, они были даже довольны, что на сей раз драка кончилась.

— К тому же на будущей неделе аукцион в Кнасхульте, — сказал Бультен из Бу и сунул пригоршню моха в нос, чтобы остановить кровь.

Эмиль тут же подскочил к хозяину Кнасхульту, который тоже был там и видел драку, и продал ему помпу за пятьдесят эре.

— На этом деле я заработал двадцать пять эре, — сказал Эмиль Альфреду, и Альфред начал смекать, что из Эмиля, когда он подрастет, выйдет толк.

Аукцион окончился, и все, собрав купленное в Бакхорве барахло, заторопились домой. Папа Эмиля тоже отправился домой со своей коровой и свиньей.

Свинью погрузили на повозку, и Лотту-Хромоножку — тоже, хотя папа Эмиля недовольно косился на ящик с курицей. Все думали, что коровушка Релла побредет следом за повозкой, но никто не спросил у нее, что она сама думает об этом.

О бешеных быках тебе доводилось слышать? А знаешь ли ты что-нибудь о бешеных коровах? Могу тебе сказать, что когда корова разозлится по-настоящему, то даже у самых бешеных быков поджилки трясутся и они в страхе разбегаются и прячутся.

Релла всю свою жизнь была самой добродушной и кроткой скотиной, которую только можно вообразить. Но когда Альфред с Линой пришли, чтобы вывести ее из хлева на большак и погнать в Катхульт, она с силой вырвалась от них и заревела так бешено, что все, кто был на аукционе, в ужасе подскочили. Может, она видела, как дрались работники, и подумала: «Аукцион, так аукцион». Во всяком случае, она словно взбесилась, и подойти к ней было просто опасно. Первую попытку сделал Альфред, а за ним — папа Эмиля. Но Релла, опустив рога, с безумными глазами и яростным ревом бросилась на них. Оба — и Альфред и папа Эмиля — бросились наутек словно зайцы, спасая свою жизнь. На помощь прибежали другие крестьяне, но Релла никогда не подпускала к своему холму, где стоял хлев.

— Драма-то какая! — сказала Лина, увидев, как хозяин Бакхорвы, торпарь из Кроки, другие хуторяне, а также Бультен из Бу бегут сломя голову, а Релла гонится за ними по пятам.

Папа Эмиля совсем потерял голову.

— Я отдал за это коровье чучело восемьдесят крон! Но с меня хватит! Где ружье? Я ее пристрелю!

Произнеся эти слова, он дрогнул. Но какая польза от бешеной коровы? Это он и сам понимал, да и другие тоже. Хозяин Бакхорвы принес заряженное ружье и сунул его в руки папе Эмиля.

— Лучше уж ты сам!..

Но тут Эмиль как закричит:

— Стойте, стойте!

Я уже говорила, что он был сметливый мальчонка. Эмиль подошел к отцу:

— Раз ты все равно хочешь ее убить, лучше отдай ее мне.

— А тебе-то на что бешеная корова? — спросил папа Эмиля. — Охотиться на львов?

Но папа знал, что сын умеет обращаться со скотиной, и сказал:

— Сумеешь довести Реллу до Катхульты, она будет на веки вечные твоей собственной коровой, какой бы бешеной она ни была.

Тогда Эмиль пошел к крестьянину из Бастефалля, тому самому, что купил шесть коров, и вот что он ему сказал:

— А сколько дашь, если я погоню твоих коров до самого Катхульты?

Хутор Бастефалль был далеко, и гнать туда перед собой шесть коров не очень-то весело, это хозяин Бастефалля хорошо знал. Поэтому он тотчас же вытащил из кармана брюк двадцать пять эре.

— Ступай! — согласился он. — Вот тебе монета.

Угадай, что потом сделал Эмиль? Он шмыгнул мимо Реллы в хлев и отвязал коров, которые там стояли. Едва он выгнал их во двор, как Релла сразу оборвала рев, опустила глаза, словно устыдилась своих фанатерий. Но что делать несчастной корове, когда ее гонят из родного хлева, где остались другие коровы, с которыми она привыкла всегда быть вместе? Она разозлилась и обиделась, но догадался об этом один лишь Эмиль.

А теперь Релла послушно затрусилась по дороге вместе с другими коровами, и все, кто был на аукционе, рассмеялись и решили:

— Нет, этот катхультский мальчонка вовсе не так уж прост!

И Альфред тоже смеялся.

— Эмиль Свенссон — скотовладелец, — сказал он. — Теперь у тебя есть конь, хромяя курица и бешеная корова, чего бы тебе еще хотелось?

— Ладно, придет время, и у меня наверняка всего станет больше, — спокойно ответил Эмиль.

Мама Эмиля стояла у кухонного окна в Катхульте, поджидая с аукциона своих дорогих. Когда она увидела величественный караван на большаке, глаза у нее полезли на лоб. Впереди молочная повозка с папой Эмиля и Альфредом, Линой, поросной свиньей и Лоттой-Хромоножкой, которая громко кудахтала, радуясь только что снесенному яйцу. За ней одна за другой семь коров и, наконец, гарцующий на Лукасе Эмиль, который своей лопатой поддерживал порядок, чтобы ни одна корова не отбилась в сторону.

Мама Эмиля кинулась на улицу, за ней выскочила маленькая Ида.

— Семь коров! — закричала мама папе Эмиля. — Кто из нас спятил, ты или я?

— Не мы, а корова, — буркнул папа.

Но ему еще долго пришлось бурчать, прежде чем мама разобрала, в чем дело.

— Спасибо тебе, Эмиль!

Но как ты все-таки мог узнать, что моя лопата намедни треснула надвое, когда я сажала хлебы в печь?

Потом она ахнула, увидев нос Альфреда, который стал вдвое толще прежнего.

— Где это тебя так угораздило? — спросила мама Эмиля.

— На аукционе в Бакхорве, — ответил Альфред. — А в следующую субботу надо ехать в Кнасхульт с такой вот дулей.

Лина, мрачная и раздосадованная, слезла с молочной повозки. Теперь она больше не кривлялась и не гоготала.

— Что это у тебя такой кислый вид? — спросила мама Эмиля. — Что стряслось?

— зуб болит, — кратко ответила Лина.

Торпарь из Кроки то и дело угощал ее леденцами, и от них у нее так разболелся коренной зуб с дуплом, что, казалось, голова треснет.

Но болит зуб или не болит, надо немедленно отправляться на выпас доить катхультских коров, потому что время дойки уже миновало.

Время доить Реллу и других коров с аукциона тоже давно прошло, и они напоминали об этом громким мычанием.

— Я не виноват, что бастефалльца здесь нет и он не может подоить своих коров, — сказал Эмиль и уселся

доить сам, сперва Реллу, а потом других коров. И он надоил тридцать литров молока, которое мама поставила в погреб, а потом приговорила из него сыр. Эмилю досталась громадная головка вкусного сыра, и он долго еще им наслаждался.

А яйцо, которое Лотта-Хромоножка снесла по дороге домой, Эмиль сразу же сварил и положил на кухонный стол, за которым его папа, насупив брови, ждал ужина.

— Это от Лотты-Хромоножки, — сказал Эмиль.

Потом он налил папе стакан парного молока.

— А это от Реллы, — угощал он.

Папа молча ел и пил, пока мама Эмиля сажала в печь каравай хлеба.

Лина положила горячую картофелину на больной зуб, и зуб занял в семь раз сильнее прежнего; все было точь-в-точь так, как она и ждала.

— Эй, знаю тебя, — сказала Лина зубу. — Коли ты глуп, то я и подавно могу быть глупой.

Альфред рассмеялся.

— Торпарь из Кроки сумел-таки подъехать с леденцами, — сказал он. — Вот теперь и иди за него замуж.

Лина фыркнула.

— Больно надо за этого-то сморчка! Ему уже пятьдесят, а мне только двадцать пять. По-твоему, мне нужен муж в два раза старше меня?

— Ну и что! — горячо сказал Эмиль. — Какая разница!

— Ишь какой, — ответила Лина. — Ноне еще куда ни шло, но поразмысли, когда мне пятьдесят стукнет, а ему сто. Вот тогда будет морока, упаси меня бог!

— По уму твоему, Лина, ты и счет ведешь, — сказала мама Эмиля, затворяя печь заслонкой.

— Ну что за чудесная лопата! — похвалила она.

Когда папа Эмиля съел яйцо и выпил молоко, Эмиль сказал:

— Ну, а теперь пойду-ка я в столярку!

Папа Эмиля буркнул что-то вроде того, будто нынче Эмилю не обязательно сидеть в столярке, раз все обошлось.

— Нет уж, слово есть слово! — заявил Эмиль.

Он молча и чинно отправился в столярку стругать сто двадцать девятого деревянного старичка.

А Лотта-Хромоножка уже сидела на своем наместе в курятнике, а Релла, вполне довольная, бродила на выпасе вместе с другими катхультскими коровами. Тем временем за своими шестью коровами пришел бастефалльский крестьянин. Они с папой долго болтали об аукционе и обо всем, что там случилось, и прошло немало времени, прежде чем папа смог пойти за Эмилем. Только после того, как бастефаллец отправился в путь, папа поспешно направился в столярку.

Подойдя ближе, папа увидел маленькую Иду: она построилась на корточках на скамейке у оконца столярки. В руках она держала бархатную шкатулочку, украшенную ракушками. Она держала ее так, словно у нее в жизни ничего не было дороже. Собственно, так оно и было. Но папа буркнул:

— Дурацкая покупка! Старая бархатная шкатулка!

Маленькая Ида не заметила, как подошел папа, доверчиво и послушно она повторяла за Эмилем те слова, которые он ей шептал из темной столярки. Папа побледнел, услышав их, ведь грубее этих слов в Катхульте отродясь не слышали. И они звучали ничуть не лучше оттого, что Ида произносила их нежным ласковым голоском.

— Замолчи, Ида! — рявкнул папа.

Просунув пятерню в оконце, он схватил Эмиля за шиворот.

— Ах ты неслух! Сидишь тут и учишь сестру ругаться!

— Вовсе нет, — ответил Эмиль. — Я только ей сказал, чтобы она не смела говорить «черт возьми», и толковал ей еще про другие слова, которых надо бояться как огня.

Вот теперь ты знаешь, чем занимался Эмиль 12 июня, и если даже не все обошлось гладко, надо же признать, что в тот день он совершил удачные сделки и обзавелся враз доброй молочной коровой, отличной несущей, чудесной хлебной лопатой да еще молоком, которого хватило на громадную головку вкусного-превкусного сыра.

Единственное, что огорчало папу, была старая бархатная шкатулочка, ни на что на свете не годная, но она очень полюбила маленькую Иду. Она сложила в нее свой наперсток, свои ножницы, свой маленький песенник, который получила в школе, красивое голубое стеклышко и красную ленту для волос. А из шкатулки выбросила связку старых писем. Выйдя из столярки в субботу вечером, Эмиль явился на кухню и сразу увидел в углу связку старых писем. Альфред расхаживал по кухне с хлопучкой и усердно бил мух, чтобы Лина в воскресенье могла отдохнуть. Эмиль и показал Альфреду связку писем.

— Все может содиться, — сказал Эмиль. — Коли мне когда-нибудь понадобится послать письмо, у меня уже будет целая груда написанных.

Первым в связке лежало письмо из Америки, и Эмиль даже присвистнул, увидев его.

— Чудеса в решете. Альфред, смотри, тут письмо от Адриана!

Адриан был старший сын хозяев Бакхорвы, который давным-давно уехал в Америку и за все время только разок написал домой. Об этом знала вся Лённеберга, и все были сердиты на Адриана и жалели его бедных родителей. Но что написал Адриан, когда он написал, никто не знал. В Бакхорве об этом помалкивали.

— Небось теперь все можно узнать, — сказал Эмиль. Он сам научился читать как по-печатному, так и по-письменному, способный был мальчонка.

Эмиль открыл конверт и прочел письмо вслух Альфреду. На это не ушло много времени, так как письмо было коротким. Вот что в нем было написано:

«Я видел Мидведь. Шлю вам адресс. Гудбай на этот рас».

— Из этого письма вряд ли можно извлечь пользу, — молвил Эмиль.

Ну, да это еще как сказать!

Наступил вечер. Суббота 12 июня подходила к концу, ночь спустилась над Катхультом, даруя покой и тишину всем, кто там жил, людям и животным. Всем, кроме Лины, у которой болел зуб. Она лежала без сна на своем деревянном диване на кухне, стонала и причитала, а тем временем короткая июньская ночь пролетела и настал новый день.

Еще один новый день в жизни Эмиля.

Воскресенье, 13 июня,

**когда Эмиль трижды
храбро пытался вырвать у Лины
коренной зуб,
а потом разукрасил малышку Иду
в фиолетовый цвет**

Коров все равно надо доить, будь то воскресенье или будни. В пять утра на кухне затрещал будильник, и Лина, вне себя от зубной боли, пошатываясь, встала с постели. Взглянула в зеркало над комодом и пронзительно вскрикнула: «Ну и физиономия!» Правая щека распухла и стала похожа на пшеничную булку, замешанную на свежих дрожжах. Вот ужас-то! Лина разревелась.

Теперь ее и в самом деле было жаль. Именно сегодня в Катхульт на чашку кофе должны были съехаться после обедни гости со всего уезда.

— И показаться на людях не смогу, этакая разнощечкая, — всхлинула Лина и побрела доить коров.

Но долго горевать о своих щеках ей не пришлось. Не успела она опуститься на скамеечку перед коровой, как прилетела оса и ужалила ее в левую щеку. Казалось бы, теперь она могла успокоиться, потому что левая

щека мгновенно вспухла и стала так же похожа на булку, как и правая. Лина получила то, чего желала — стала равнощечкой. Однако заревела она пуще прежнего.

Когда Лина вернулась на кухню, все сидели за столом и завтракали. И можно сказать, вылупили глаза, увидев это булкообразное заплаканное существо, которое вдруг явилось в дверях и напоминало Лину. Бедняжка, она выглядела так, что немудрено было расплакаться. Смеяться было бы жестоко. В тот момент Эмиль как раз поднес стакан молока ко рту, и, едва взглянув на Лину поверх стакана, он фыркнул. Молоко

брызнуло через стол прямо на папин праздничный жилет. Альфред не удержался, хихикнул. Мама Эмиля строго посмотрела на сына и Альфреда и сказала, что смеяться не над чем, но, вытирая папин жилет, искоса сама взглянула на Лину и поняла, почему Эмиль так вот фыркнул. Несчастливая Лина!

— Бедняжка, — сказала мама. — Вид у тебя — глупее не бывает. Нельзя показаться на людях. Эмиль, сбегай-ка к Кресе-Майе и попроси ее помочь нам приготовить кофе.

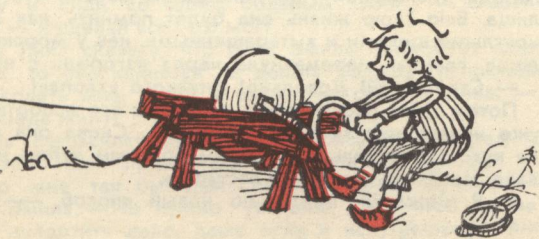
Пить кофе после воскресной обедни в Лённеберге любили, и в окрестных хуторах небось обрадовались, когда получили письмо от мамы Эмиля:

«Дарягие Дамы и Господа,
не пажелаете ли приехать к нам на кофе
нынче в воскресенье.

Миластиво просим
Альма и Антон Свенссон
Катхульт, Лённеберга».

Настало время ехать в церковь. И мама с папой укатили, ведь им, прежде чем пить кофе, надо было, понятно, побывать в церкви.

Утро выдалось чудесное, и Эмиль, весело насвистывая, шагал по тропинке к избушке Кресы-Майи. Она жила в лесу на старом арендованном хуторе.

Если тебе доводилось бывать в смоландском лесу в июне ранним воскресным утром, ты сразу вспомнишь, какой он, этот лес. Услышишь, как кукует кукушка и как выводят трели, словно на флейте, дрозды. Почувствуешь, как мягко стелется под босыми ногами хвойная тропинка и как ласково пригревает затылок солнце. Ты идешь и вдыхаешь смолистый запах елей и сосен, любишься на белые цветы земляники, сплошь покрывающие полянки. Вот таким лесом шел Эмиль. Поэтому он не спешил, но все-таки дошел до избушки Кресы-Майи. Серенькая, маленькая и скособоченная избушка едва виднелась среди елей.

В избушке сидела Креса-Майя и читала газету «Смоландский вестник», одновременно ужасаясь и радуясь.

— В Йенчепинг пришел тиф, — сказала она, прежде чем поздороваться с Эмилем, и сунула ему газету под нос, чтобы он сам убедился. И верно, в газете сообщалось, что два жителя Йенчепинга тяжело заболели тифом.

Креса-Майя покачала головой.

— Тиф — жуть какая болезнь! — сказала она. — Вскорости он и до Лённеберги доберется, как пить дать!

— Это почему? Как он может сюда попасть? — удивился Эмиль.

— Покуда ты тут стоишь, он летит над всем Смоландом, словно пух от одуванчика, — молвила Креса-Майя. — Целые килограммы семян тифа! Да поможет господь тому, в ком они пустят корень.

— А какой он? Похож на чуму, что ли? — спросил Эмиль.

О чуме Креса-Майя уже как-то рассказывала. Она знала о всех болезнях и напастьях, но чума, как она уверяла, была сущим кошмаром. В былые времена, давным-давно она унесла в могилу, считай, всех жителей Смоланда, и подумать только, вдруг и тиф окажется таким же кошмаром!

Креса-Майя призадумалась.

— Да, тиф все равно что чума, — сказала она довольно. — Точно я не знаю, но сдается мне, что сперва от тифа люди с лица синеют, а после помирают. Вот какая эта хвороба, ох-хо-хо...

Услыхав о Лининой болезни, Креса-Майя пообещала прийти в Катхульт как только сумеет.

Эмиль отправился домой и застал Лину на ступеньках крыльца. Она сидела и причитала над своим большим зубом, а рядом в полной растерянности стояли Альфред и маленькая Ида.

— Знаешь, тебе все же лучше пойти к ковалю Пелле, — предложил Альфред.

Коваль Пелле был кузнецом в Лённеберге, и именно он вырывал леннебержцам больные зубы своими огромными страшными клещами.

— А сколько он берет за зуб? — выдавила, всхлипывая, Лина.

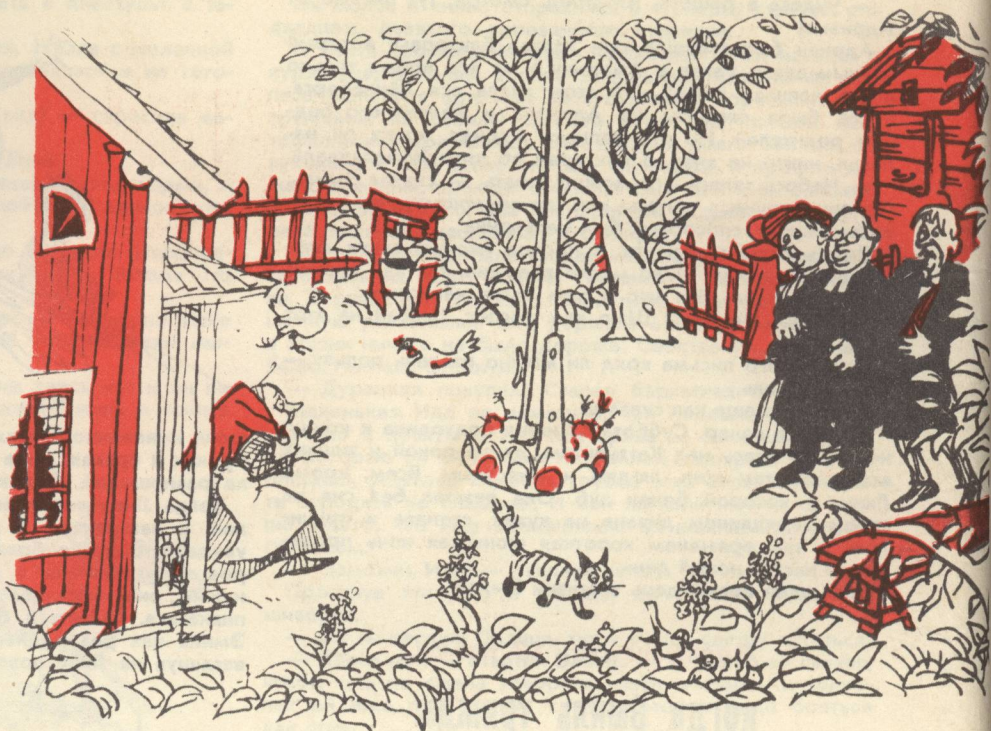
— Пятьдесят эре в час, — ответил Альфред, и Лина содрогнулась, услышав, как дорого и долго рвать зуб.

Эмиль глубоко задумался, а потом сказал:

— Я смогу дешевле и быстрее вырвать зуб, способ знаю!

И он объяснил Лине, Альфреду и маленькой Иде, какой у него способ.

— Надо всего две вещи: Лукаса и длинную крепкую медвежью жилу. Медвежьей жилой я обмотаю зуб, по-

том крепко привяжу жилу к своему ремню на спине и во всю прыть поскочу на Лукасе. Хлоп — зуб и выскочит!

— Хлоп! Нет уж, спасибо, — возмутилась Лина. — Скачите во всю прыть без меня!

Но тут зуб так заныл, боль стала такой нестерпимой, что мысли Лины сразу приняли другой оборот.

— Так и быть, попробуем. — Она тяжело вздохнула. — Несчастная, спаси меня, господи! — сказала она и пошла за медвежьей жилой.

Эмиль сделал, как сказал. Подвел Лукаса к кухонному крыльцу, привязал к своему ремню медвежью жилу и вскочил на коня. Стоя у хвоста Лукаса с медвежьей жилой, опутавшей ее зуб, бедная Лина стонала и охала. Маленькая Ида дрожала от страха, а Альфред радостно сказал:

— Теперь стоит только обождать и — хлоп!

Тут Эмиль пустил коня вскачь.

— Ой, теперь уж скоро! — воскликнула Ида.

Но ничего не случилось. Потому что Лина тоже пустилась вскачь. Она так отчаянно боялась этого «хлопа», что едва медвежья жила натянулась, как она в смертельном страхе понеслась вслед за Лукасом. Напрасно кричал Эмиль, требуя, чтобы она остановилась. Лина бежала, медвежья жила свободно болталась и никакого «хлопа» так и не получилось.

Но коли уж Эмиль взялся избавить Лину от зуба, так взялся всерьез. Он галопом поскочил к ближайшей изгороди, и Лукас одним махом перемахнул через нее. А следом неслась Лина, совсем обезумев от страха, и хочешь верь, хочешь нет, тоже перемахнула через изгородь. Маленькой Иде никогда не забыть этого зрелища. Всю свою жизнь она будет помнить, как Лина с круглыми щеками и вытаращенными, как у морского чудца, глазами перемахнула через изгородь с криком:

— Стой! Стой! Довольно! Никакого «хлопа»!

Потом Лина раскаивалась, что сама все испортила, но уже ничего нельзя было исправить. Снова она сидела на кухонном крыльце со своим большим зубом и горевала. Но Эмиль решил не отступать.

— Я, пожалуй, придумаю новый способ, — пообещал он.

— Но чтоб не так быстро, — попросила Лина. — Ка-

кая нужда рвать этот паршивый зуб одним «хлопом», когда можно просто вытянуть его.

Пораскинув мозгами, Эмиль сообразил, как это сделать.

Лине пришлось сесть на землю под большим грушевым деревом. Эмиль привязал ее толстой веревкой к стволу. Альфред и Ида разинули рты от любопытства.

— Теперь далеко не убежишь, — сказал Эмиль и, взяв жилу, которая все еще свисала изо рта Лины, потянул ее к точильному кругу, на котором Альфред обычно точил свою косу, а папа Эмиля — топоры и ножи.

— Теперь не будет быстрого «хлопа», а будет только «др-р-р-р-р» — медленно, со скрипом, как ты и хотела, — объяснил Эмиль и привязал жилу к рукоятке точильного круга.

Маленькая Ида задрожала, Лина захохала, а Эмиль начал вращать рукоятку. Жила, сперва свободно лежавшая на земле, подобралась и туго натянулась, и чем туже она натягивалась, тем больше холодела от страха Лина, но убежать уже не могла.

— Скоро будет «др-р-р-р», — сказала маленькая Ида. Но тут Лина закричала:

— Стой! Не хочу!

В мгновение ока она выхватила маленькие ножницы, которые всегда носила в кармане передника, и перерезала жилу.

Потом она сразу раскаялась, ведь она хотела избавиться от зуба. Вот, в самом деле, незадача-то какая! Эмиль, Альфред и маленькая Ида не на шутку рассердились.

— Ну и сиди со своим большим зубом, — сказал Эмиль. — Я сделал все, что мог!

Тогда Лина сказала, что если Эмиль попробует еще разочек, то она клянется не делать больше глупостей.

— Околеть мне, а зуб я вырву, — сказала Лина. — Давай сюда жилу!

Эмиль согласился попытаться снова, и Альфред с маленькой Идой прямо-таки просияли от радости.

— По мне так быстрый способ — самый лучший, — сказал Эмиль. — Но нужно устроить так, чтоб ты не смогла испортить дело, даже если и испугаешься.

Находчивый Эмиль сразу придумал, как это сделать.

— Мы поставим тебя на крышу хлева, и ты прыгнешь в копну соломы. Хлоп — зуб и выскочит!

— Хлоп! — сказала маленькая Ида и содрогнулась.

Несмотря на все свои обещания, Лина заупрямилась и не хотела лезть на крышу.

— Этакую страсть неслыханную только ты, Эмиль, мог выдумать, — сказала она, упорно сидя на крыльце.

Но зуб болел отчаянно, и наконец с тяжким вздохом она поднялась.

— Пожалуй, попробуем, что ли... хотя, ясное дело, тут мне и крышка!

Альфред тотчас приставил стремянку к стенке хлева, а Эмиль полез наверх. Крепко зажав жилу в руке, он тащил за собой Лину, словно на поводке, и она послушно взбиралась за ним, не переставая причитать.

Эмиль захватил с собой молоток и большой шестидюймовый гвоздь. Гвоздь он крепко вбил в брус на крыше хлева и привязал к нему медвежью жилу. Теперь все было готово.

— Ну, прыгай! — скомандовал Эмиль.

Бедная Лина, сидя верхом на брус, посмотрела вниз перед собой и так заголосила, что сердце сжалось. Внизу стояли Альфред и маленькая Ида. Задрвав головы, они смотрели на нее, ждали, когда она, словно комета, упадет с неба и приземлится в копну соломы...

— Я боюсь, убей меня гром, — запричитала Лина.

— Хочешь остаться со своим зубом, пожалуйста, мне то что, — сказал Эмиль.

Тут Лина взвыла так, что стало слышно по всей Лённеберге. Она поднялась во весь рост на самом краю крыши, раскачиваясь на дрожащих ногах взад и вперед, словно сосна на ветру. Маленькая Ида закрыла глаза руками.

— Ох, — всхлипывала Лина. — Ах!

Просто так прыгать с крыши хлева и то жутко, а когда знаешь, что на лету с тобой случится «хлоп», так это и вовсе выше человеческих сил.

— Лина, прыгай! — закричал Альфред. — Прыгай же!

Лина причитала и закатывала глаза.

— Ну, я помогу тебе, — сказал добрый Эмиль.

И всего-то было дела — дотронуться пальцем до спины. Он лишь чуть коснулся ее, как Лина с пронзительным криком рухнула с крыши вниз.

И тут, разумеется, послышался негромкий «хлоп», — потому что из бруса крыши выскочил шестидюймовый гвоздь.

Лина лежала в копне соломы со своим зубом, в целости и сохранности, а на другом конце жилы болтался огромный гвоздь.

Тут она обрушилась на Эмиля.

— Проказничать да озорничать — на это ты горазд, а зуб вытащить — так нет!

Однако даже хорошо, что Лина разозлилась. В праведном своем гневе она прямоиком отправилась к ковалю Пелле. Он зажал зуб своими страшными клещами и — «хлоп» — вырвал его. Лина в ярости выбросила зуб и пошла домой.

Только не надо думать, что Эмиль все это время прозябал в бездействии. Альфред улегся спать в траве под грушей и от него не было проку. Эмиль отправился в дом немножко поиграть с маленькой Идой, пока мама с папой вернутся из церкви и все сядут пить кофе.

— Давай я буду доктором из Марианнелюнда, а ты больным ребенком, — предложил Эмиль.

Ида сразу согласилась. Она разделась и легла в постель, а Эмиль осмотрел ей горло, выслушал ее, словом, вел себя как заправский доктор из Марианнелюнда.

— Чем я больна? — спросила Ида.

Эмиль задумался. И вдруг его осенило.

— У тебя тиф, — сказал он, — жуть какая болезнь.

И тут он вспомнил: Креса-Майя говорила, что у больного тифом синее лицо. Дотошный Эмиль огляделся в поисках краски, которая придавала бы лицу сестренки болезненный вид. На комодике стояла мамина чернильница, та самая, которой она пользовалась, когда увековечивала проделки Эмиля в своих синих школьных тетрадках и когда писала приглашения на чашку кофе. Там лежал и черновик приглашения. Прочитав в нем «миластиво просим», Эмиль почувствовал гордость за свою маму, которая была мастером писать, да еще так красиво. Не то что Адриан из Бакхорвы, который только и смог нацарапать, что он «видит один Мидведь».

Маме черновик больше не нужен. Эмиль скомкал листок и сунул его в чернильницу. Когда бумага впитала в себя чернила, он выудил шарик и, взяв его кончиками пальцев, подошел к Иде.

— Теперь ты увидишь тиф, — сказал он, и Ида весело хихикнула.

— Зажмури глаза, чтоб не попали чернила, — велел Эмиль, и быстро разукрасил лицо сестренки в фиолетовый цвет. Из осторожности он не стал красить возле глаз, и там сохранилась белизна кожи — два больших круга. От этих белых кругов фиолетовое лицо Иды приобрело такой жутко болезненный вид, что Эмиль сам испугался. Ида стала похожа на страшную, как призрак, обезьянку, фотографию которой он видел у пастора в книжке «Жизнь животных».

— Уф, — вымолявил Эмиль. — Креса-Майя права, тиф жуть какая болезнь!

Как раз в это время Креса-Майя добрела до Катхульты и у калитки встретила Лину, которая возвращалась домой от коваля Пелле.

— Ну как? — полюбопытствовала Креса-Майя. — Все еще болит зуб?

— Откуда мне знать, — ответила Лина.

— Как откуда? Ты это о чем?

— Ничего про него не знаю. Он валяется на помойке коваля Пелле. Надеюсь, что он лежит и болит так, что только стон стоит.

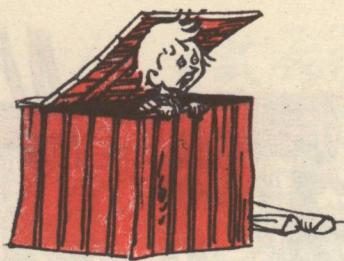
Лина была довольна и совсем уже не походила на булку. Она пошла показать Альфреду дырку от зуба, а Креса-Майя отправилась в кухню варить кофе. Услышав, что дети в комнате, она захотела пойти поздравиться со своей любимицей, маленькой Идой.

Но когда Креса-Майя увидела, что ее любимица иссинь-фиолетовая лежит в постели, она громко вскрикнула:

— Свят-свят, в наши-то дни!..

— Это тиф, — ухмыльнулся Эмиль.

Как раз в это время с дороги донесся грохот колес. Все прикатили из церкви: папа и мама Эмиля и гости во главе с самим пастором. Когда распрягли лошадей у

колюшни, гости в предвкушении кофе гурьбой устремились к дому. Но на крыльце возникла Креса-Майя и закричала иступленно:

— Уезжайте отсюда! Уезжайте отсюда! У нас в доме тиф!

Все замерли в смущении и испуге. Мама Эмиля спросила:

— Что ты там мелешь? У кого это тиф?

И тут в дверях за спиной Кресы-Майи появилась маленькая Ида, с фиолетовым лицом и в одной ночной рубашке.

— Это я, — сказала маленькая Ида и приснула от смеха.

Все рассмеялись. Все, кроме папы. Он лишь выразительно спросил:

— Где Эмиль?!

А того и след простыл. И пока все пили кофе, Эмиль тоже не показывался.

Выйдя из-за стола, пастор пошел на кухню утешать Кресу-Майю. Она сидела там злющая-презлющая, потому что тиф оказался не настоящим. Но тут случилось вот что: когда пастор утешал Кресу-Майю, он случайно глянул на связку писем, которую Эмиль забыл на стуле.

— Нет, просто невероятно! — пастор ахнул и схватил письмо Адриана из Америки. — У вас как раз та марка, которую я ищу столько лет!

Пастор собирал марки и знал цену редкостям. Без лишнего разговоров он предложил за марку сорок крон.

Папа Эмиля чуть не задохнулся, услышав о такой баснословной цене. Подумать только, платить сорок крон за жалкий клочок бумаги! Он и сердился и недоумевал... Надо же! Этому Эмилю опять повезло! Покупка старой бархатной шкатулки оказалась удачной — лучшей сделкой, которую Эмиль заключил вчера на аукционе.

— Ведь за сорок крон можно купить полкоровы, — сказал папа с упреком.

Тут уж Эмиль не мог промолчать. Он приподнял крышку дровяного ларя, где прятался все это время.

— Когда будешь покупать полкоровы, — спросил Эмиль, — ты возьмешь переднюю часть, что мычит, или заднюю, что бьет хвостом?

— Марш в столярку! — взорвался папа.

И Эмиль отправился в столярку. Но сперва он получил от пастора четыре красивых бумажки по десять крон каждая. А на следующий день он поскакал в Бакхорву. Он вернул хозяевам письмо Адриана и отдал им половину вырученных денег, а потом поскакал домой, напутствуемый добрыми пожеланиями.

— Думаю еще поехать тут по аукционам, — сказал Эмиль, когда вернулся. — Ты как, папа, не против?

Папа что-то пробормотал в ответ, хотя, что именно, никто не расслышал.

После того как разошлись гости, Эмиль просидел весь вечер, как я сказала, в столярке, стругая своего сто тридцатого деревянного

гости, Эмиль просидел весь вечер, как я сказала, в столярке, стругая своего старичка. И лишь тогда вдруг вспомнил, что день был воскресным, и значит, ножом нельзя стругать, потому что это считается страшным грехом. Нельзя, верно, было и зубы рвать, и тем более разукрашивать кого бы то ни было в фиолетовый цвет. Эмиль поставил деревянного человечка на полку в ряду других. За окном сгустились сумерки. Он сидел на чурбане и раздумывал о своих проступках.

Продолжение следует

ГТО ЭКЗАМЕНУЕТ „СТАРИЧКОВ“

Это был необычный вечер для видавшего виды ленинградского Зимнего стадиона. Пришли сюда люди, которым под сорок, а то и далеко за пятьдесят. У многих можно было видеть на груди значки ГТО тридцатых годов. Чемпионы Олимпийских игр, чемпионы мира и Европы... Обычно приводят они сюда своих учеников. А в этот вечер им самим нужно было держать строгий экзамен.

...У ямы для прыжков в длину с места приготовился для зачета пожилой человек. Статный, атлетического телосложения. Вот только седина да изборожденное морщинами лицо выдают его возраст. Короткая команда судьи и — прыжок. Результат — 2 м 50 см. Это был последний вид многоборья ГТО у заслуженного мастера спорта Роберта Люлько. А до этого 60-летний ветеран спорта сдавал другие зачеты. И как сдавал! 60 метров он пробежал за 7,5 секунды (норматив — 12,0), толкнул ядро на 10 метров 20 сантиметров.

«Человек-вихрь» — так называли этого спортсмена в 30-х годах. Ему рукоплескали стадионы многих стран мира. За свою долгую жизнь в легкоатлетическом спорте он установил 24 рекорда СССР на дистанциях 200 и 400 метров. Его

лучшие результаты в этих видах спорта — 21,6 и 48,6 секунды — и сейчас выглядят очень внушительно. В 1937 году за заслуги перед советским спортом он вместе с другими знаменитыми спортсменами — футболистами братьями Старостинными, прыгуном с шестом Н. Озолиным и конькобежцем В. Мельниковым — был награжден орденом «Знак почета». Здесь же, на Зимнем стадионе, где ветеран сдавал нормы ГТО, у нас и произошла беседа.

— Роберт Давыдович, как вы приобщились к спорту?

— Как и многие мои сверстники. В 1931 году был учрежден первый Всесоюзный комплекс ГТО. Нормы тогда были, как и теперь, трудными. Так просто их нельзя было осилить. Вот и пришлось много тренироваться, чтобы сдать нормативы. А потом — выбрал любившийся мне спринтерский бег. Кстати, на знаменитых бегунов братьев Знаменских, А. Пугачевского, Г. Турову тренеры впервые обратили внимание на соревнованиях во время сдачи норм ГТО.

— А что можно сказать о новом комплексе?

— Недавно я смотрел телепередачу «А ну-ка, парни!» и увидел молодого рабочего, который не смог выжать штангу

весом 45 килограммов. Мы привыкли к тому, что наши богатыри держат над головой 200-килограммовый снаряд. Но не стоит забывать о том, что те же 45 килограммов не по силам поднять многим молодым людям. Думается, что новый комплекс и обращен, в первую

очередь, именно к таким людям — слабо физически подготовленным, нуждающимся в помощи.

— Роберт Давыдович, но ведь бывает и по-другому.

— Вы хотите сказать об одностороннем развитии? Да, это тоже проблема. Конечно, любой штангист-разрядник уже сейчас может подтянуться и двадцать, и тридцать раз. Но умеет ли он метко стрелять? Быстро бегать? В том и заключается особенность новых нормативов, что без специальной подготовки их не сдать. Нужно тренироваться. Закалять себя физически. Месяц. Год. Всю жизнь.

— Вы в своей работе сейчас связаны с юношеским спортом. Как ребята в школах восприняли новый комплекс?

— И школьники, и их учителя физкультуры в общем-то правильно поняли задачу: кропотливо и целеустремленно готовить себя к сдаче нормативов. Но есть и другие факты. Где-то ребята хотели словчить: подставить вместо себя на соревнованиях более сильного

товарища. Где-то сталкиваясь просто с неверием в свои силы. Не понимаю таких ребят! Я шел в спорт с глубокой верой, что он из меня сделает разностороннего, волевого человека. А этому в школе придают особое значение.

С этого учебного года оценки по физкультуре вводятся в аттестат зрелости и свидетельства об окончании восьмилетней школы. А школьники, получившие отличные оценки по предмету «Физическая культура» и имеющие золотой значок ГТО, будут представлены к награждению грамотой «За особые успехи в изучении отдельных предметов».

— Роберт Давыдович, что бы вы хотели пожелать ребятам?

— Юноши, сдавшие новый комплекс, получают не только нагрудный знак. Они становятся спортсменами. Значит, они должны быть честными и благородными, трудолюбивыми и смелыми. Как наши замечательные чемпионы и рекордсмены.

Виктор Кордовский

В мае 1930 года над одной из статей в «Комсомольской правде» появился заголовок — «Готов к труду и обороне». Так родилась формула массового спортивного движения.

В числе обладателей первых десяти значков ГТО был А. А. Тарасов, ныне генерал-майор, заслуженный мастер спорта. На соревнованиях ветеранов генерал Тарасов был главным судьей.

Впервые при сдаче норм ГТО были замечены тренерами выдающиеся спортсмены столетия братья Знаменские.

Удостоверения и значки первым значкистам ГТО вручал «всесоюзный староста» Михаил Иванович Калинин.

Шесть тысяч человек приняли участие в конкурсе на лучший эскиз нового значка ГТО. Победил художник из Алма-Аты Е. М. Колокольников. Автор лучшего эскиза не только художник, но и заслуженный мастер спорта, альпинист.

СПОРТ НАЧИНАЕТСЯ С ИЗМЕРЕНИЙ

Основатель олимпийских игр могучий Геракл, по преданию, сам наметил в Олимпии дистанцию для бегунов. В качестве мерки он пользовался собственной ступней. Размер его стопы, повторенный 600 раз, и составил основную дистанцию бега — стадию. Древнегреческая стадия — величина неопределенная: она составляла от 174 до 230 метров. Объясняется это тем, что у каждого города была своя стадия — дорожку для бега

отмерял своей ступней обычно верховный жрец того города, где происходили соревнования.

Но вот прошли тысячелетия, и люди забыли о том, что расстояние измерялось когда-то ступней. Появилась метрическая система. Однако слово «стадия» сохранилось в языке многих народов в названии «стадион».

Мы живем в век величайшей точности. Абсолютная точность необходима не только при обработке деталей на станке, но и при строительстве спортивных сооружений. Беговая дорожка, ленточкой опоясывающая овал футбольного поля, должна иметь в длину ровно 400 метров, а плавательный бассейн — 50 или 25 метров. Ни сантиметром больше, ни сантиметром меньше.

Для того чтобы вы могли представить себе, с какими ничтожно малыми величинами приходится иметь дело судьям, приведем несколько примеров.

Судьба спортивной победы или рекорда часто зависит от нескольких сантиметров, граммов, сотых и даже тысячных долей секунды. На Олимпийских играх в Мехико наш метатель Ромуальд Клим всего лишь на 8 сантиметров недобросил молот до золотого рубежа, и чемпионом стал венгр Д. Живоцки.

Другой пример: мировой рекорд в тройном прыжке

в 1909 году составлял 15 метров 52 сантиметра. Прошло целых пятнадцать лет, прежде чем рекорд был улучшен всего лишь... на 0,5 сантиметра.

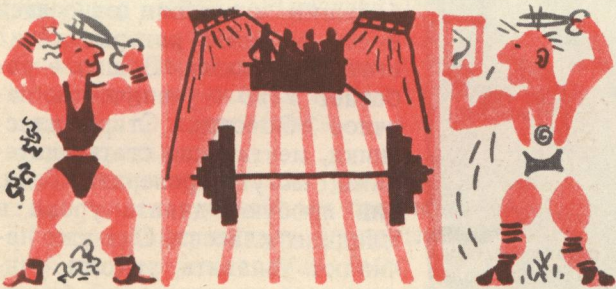
Что такое мгновение? Для многих это сама быстрота. А для спортсменов это — вечность! Чтобы опустить и поднять веки, потребуется по меньшей мере четверть секунды. За это время гоночный автомобиль промчится 20 метров, велосипедист — 5 метров, спринтер — 2,5 метра. Для того чтобы улучшить рекорд всего лишь на одно мгновение, иной раз приходится затратить десятки лет, труд нескольких поколений. В 1936 году Джесси Оуэнс установил свой рекорд в беге на 100 метров — 10,2 секунды. Этот рекорд продолжался два десятилетия и был улучшен на одну десятую секунды лишь в 1956 году.

Осенью 1971 года в столице Киргизии Фрунзе разыгрывался Кубок СССР по велосипедному спорту. Чемпионка страны Галина Царева в гонках на 500 метров с места показала отличное время — 37,72 секунды. Ее соперница Галина Ермолаева на финише теряет «крупичу» времени — 0,04 секунды. Однако эта «крупича» стоила ей золотой медали.

Раньше немало недоразумений происходило во время соревнований по плаванию из-за того, что судьи недостаточно точно определяли время. Иной раз случалось, что несколько пловцов финишируют одновременно или почти одновременно. Как же определить победителя? У бегунов в таком случае поступают просто — обращаются к помощи киноаппарата. Проявят пленку, и все станет ясно, кто первым коснулся ленточки. У пловцов дело обстоит сложнее: волны и брызги мешают снять борьбу у финиша. Ученые нашли выход. Они создали специальную установку, автоматически фиксирующую результаты пловцов на всех восьми дорожках. Выстрел стартового пистолета приводит в действие восемь секундомеров. Едва лишь пловец, финишируя, коснется специального датчика, обладающего высокой чувствительностью, как цепь замкнется, возникнет сигнал, и секундомер автоматически останавливается. Одновременно на световом табло загорается сигнальная лампочка. Так узнают, кто из пловцов финишировал первым и с каким результатом.

Современная техника позволяет уже теперь регистрировать рекорды с точностью не только до сотых, но и тысячных долей секунды. Кстати, Международная Федерация лыжного спорта недавно приняла решение фиксировать в скоростном спуске, слаломе и слаломе-гиганте результаты, исчисляемые даже в тысячных долях секунды.

До сих пор мы говорили о сантиметрах и секундах. Ну, а как обстоит дело у штангистов, где, как известно, мастерство измеряется килограммами поднятого веса?

Здесь не раз бывает так, что судьба рекорда и золотой медали зависит не от килограммов, а от лишних граммов... собственного веса штангистов.

На Олимпийских играх в Мехико произошел такой случай. Два самых сильных средневека мира Борис Селицкий и Владимир Беляев повторили мировой рекорд с одинаковой суммой — 485 килограммов. Как же определить победителя? Атлетов взвесили. Селицкий оказался легче своего соперника на 300 граммов. Ему и присудили золотую медаль и звание олимпийского чемпиона.

Вспоминается другой, еще более поразительный случай. На Олимпийских играх в Мельбурне в легчайшем весе встретились давние соперники — американец Винчи и иранец Намдью.

Когда утром в день соревнований спортсмены взвесились, то они с ужасом обнаружили, что их вес чуточ-

ку превышает норму. До выхода на помост оставался час. Нужно было срочно «похудеть».

Надо было видеть, как бегали и прыгали оба спортсмена, чтобы сбросить лишние граммы. Однако веса неумолимо показывали у Намдью — пятьдесят, у Винчи — двадцать лишних граммов.

Тогда Намдью решил остричь свои волосы. На этом он выиграл... семь граммов. Но как избавиться от остальных сорока трех? В отчаянии иранец сел на корточки и начал плевать. По примеру Намдью, Винчи тоже решил расстаться со своей роскошной шевелюрой. Когда за несколько минут до выхода на помост они снова взвесились, весь, словно сжалившись над ними, показали ровно 56 килограммов.

В каких бы спортивных соревнованиях вы не участвовали, везде вам придется иметь дело с измерениями. Измеряются время, расстояние, вес, и судьям помогают в этом очень точные и надежные приборы.

Александр Светов
Оформление Ю. Бочкарева

ОТВЕЧАЕМ НА ТВОЙ ВОПРОС

В редакционной почте много писем, в которых читатели рассказывают о своих учителях.

Оля Панкова из Новосибирска и Лида Канунова из Краснодара твердо решили, кем стать. Оля — учительницей географии, Лида хочет преподавать русский язык. Девочки написали нам, что знают о трудностях педагогической работы и мечтают, чтобы ученики доверяли им так же, как сами они доверяют своим теперешним учителям.

Не все письма бывают радостными. Написала в редакцию О. Л. из Зеленодольска Татарской АССР. Девочка не случайно не сообщила своего име-

ни и фамилии. «Я хочу рассказать вам, — пишет она, — свою историю и попросить совета. Я учусь и в музыкальной и в общеобразовательной школе. Я люблю музыку, но еще больше люблю историю и литературу. Мне не обязательно было учиться в музыкальной школе. Я не хочу после музыкальной школы идти еще и в музыкальное училище. Я хочу преподавать в обыкновенной школе. Мои родители даже думать об этом мне запрещают: «Каждый день будешь проверять гору тетрадей. Сорок учеников будут трепать тебе нервы...» Почему они не видят радостей труда?»

Редакция попросила ленинградскую учительницу Инну Леонидовну Евдокимову ответить в журнале на это письмо.

— Держу письмо О. Л. в руках и вспоминаю выпускной вечер в своей школе, где преподавала несколько лет и теперь работаю директором.

Вспоминаю потому, что каждую весну, провожая своих учеников, мы, учителя, чаще всего грустим. Трудно расставаться даже с теми, кто, по меткому выражению, «треплет нам нервы», мешая в классе... Вглядываешься в лицо каждо-

го бывшего ученика с тревогой, хочешь догадаться, что же ждет его в жизни, насколько он готов к жизненным трудностям.

И вот на последнем выпускном вечере отец ученика, с которым было больше всего хлопот, вдруг горячо поблагодарил всех нас, назвав труд учителя благородным, хоть и незаметным.

Незаметный труд. Сказано совершенно точно. Я согласна и с мыслью замечательного педагога нашего времени Василия Александровича Сухомлинского о том, что является

главным в работе учителя. Его любимым словом в применении к учителю, учительскому труду было слово «одухотворить». В словаре есть объяснение этого глагола: «...поднять чьи-нибудь духовные способности до степени высшего напряжения, возбудить в ком-нибудь высокие помыслы, стремления». «Чьи-нибудь», «... в ком-нибудь...» Действительно, незаметно, но благородно.

Мне кажется, учителя всегда можно отличить от других людей. Он не останется равнодушным, когда, например, ребяташки топчут газон. Подошел, поговорил — притихли сорванцы, поняли...

Учитель должен быть человеком сердечным. Думаю, что это главное его качество. Приехала я как-то со своими товарищами на экскурсию. В чужом городе не находим нужного адреса. Кто-то слишком кратко объяснил, кто-то просто буркнул, побежал дальше... Наконец один из прохожих растолковал все подробно и обстоятельно, спросил:

— Вы поняли?

— Поняли, что вы — учитель, — ответили мы чуть ли не хором.

Так оно и оказалось.

В твоём письме, Оля, поднимается важный вопрос. Учителем может стать только тот, у кого есть призвание к этой профессии. Одного желания мало. Недаром в наше время стало правилом в педагогические институты принимать только тех, кто уже поработал вожатым в школе, воспитателем в детском саду, доказал свое призвание. В нашей школе с большим интересом относятся к тем ребятам, которые хотят стать учителями. В школе работает УНО — ученическое научное общество. Старшеклассники, мечтающие стать учителями, могут проверить себя, они пробуют давать уроки в младших классах. Они уже начинают узнавать радость учительского труда, нашей благородной и благодарной профессии.

СОЛНЕЧНЫЙ ПЕРЕУЛОК

РАССКАЗ

Леонид Сергеев

Рисунки С. Острова

Многие мальчишки в нашем дворе любили весну, многие любили осень, почти все любили зиму, а я любил только лето. Из-за солнца.

Когда я просыпался, солнце было колючее. Оно раскидывало по крышам стрелы, стучалось в сонные окна и так нагревало подоконник, что не дотронешься, — нарочно, чтобы я не высовывался.

Днем мы с солнцем устраивали радуги, когда я плескал водой; мы прожигали лупой деревянные, высушивали глиняные дворцы.

А по вечерам солнце было грустное. Оно уставало светить за день и садилось отдохнуть на пруд. Красный шар плавал на воде, но не хотел тонуть.

Наш переулок был самым солнечным в городе. Даже в дождик по нашим заборам прыгали яркие и умытые солнечные зайчики.

Каждое утро я брал осколок зеркала и бежал на солнечную сторону нашего переулочка. Там я усаживался на забор, и мы с солнцем ослепляли прохожих. Злые хмурились и грозили мне пальцем, а добрые жмурились и смеялись.

Однажды я навел солнечного зайчика на одну девочку с соседней улицы. Она сразу остановилась и закрыла лицо ладонями. А потом отскочила в сторону и улыбнулась, и вдруг достала из кармана платья зеркальце и ослепила меня тоже.

Она была тоненькая, очень тоненькая, как шахматная фигурка. Я несколько раз уже видел ее. Первый раз в их дворе, когда шел в школу.

Второй раз я столкнулся с ней на улице. Я шел с закрытыми глазами и считал шаги, хотел проверить, намного ли отклонюсь. До считал до двадцати и вдруг почувствовал, что на кого-то налетел. Открыл глаза — с земли поднимается эта девочка и у меня же просит прощения:

— Прости, пожалуйста! Я играла в классы, закрыла глаза и вот...

Девочка развела руками и опустила глаза.

Третий раз мы встретились в магазине, когда мама послала меня за хлебом. Девочка стояла в очереди за мной. Тогда я на минуту вышел из очереди — посмотреть, как сгружают горячие булки, а когда снова подошел, одна бабушка сказала:

— Как тебе не стыдно лезть без очереди?..

А другая бабушка добавила:

— Ну и молодежь пошла. Никакого уважения к старшим!..

Вот тут-то девочка за меня и заступилась:

— Неправда! — громко сказала она. — Этот мальчик стоял!.. Передо мной!..

Потом мы вместе вышли из магазина и некоторое время шли рядом. А потом вдруг девочка схватила меня за рукав куртки и вскрикнула:

— Трубочист! Загадывай скорее желание!..

По противоположной стороне улицы и в самом деле шел трубочист. Поравнявшись с нами, он тряхнул своей проволокой и подмигнул нам.

— Трубочисты приносят счастье, — прошептала девочка ему вслед, потом посмотрела на меня и добавила: — Мое желание сбудется. Я успела схватиться за черное... Ведь твоя куртка черная. А твое желание не сбудется, ты не дотронулся...

Девочка рассмеялась и побежала к своему дому.

После этого я очень хотел ее встретить. Подолгу ходил взад-вперед около ее дома, но она не появлялась.

И вот настал день, когда я сидел с зеркалом на заборе. В тот день она подошла к забору и спросила:

— А ты знаешь, что завтра будет солнечное затмение?

— Не-ет! — с удивлением протянул я.

— Правда-правда! Будет! — кивнула девочка. — Вот увидишь... В двенадцать дня.

В этот момент к забору подбежал мой близкий друг Вовка. Он был весь ободраный, и на нем висели колючки репейника.

— Смотри, что я нашел!.. — заорал Вовка, не обращая никакого внимания на девочку. Больше того, приблизившись ко мне, он вообще оттолкнул ее и пробурчал: — Отойди-ка от-

сюда... — и протянул мне какие-то яркие камни.

— Слезай скорей! — проговорил Вовка. — Там их полно!..

Девочка посмотрела на оборванного Вовку и усмехнулась, а я покраснел от стыда за его вид.

— Иди, Вовка, один, — тихо сказал я, слезая с забора. — Мне надо... еще кое-что сделать...

Я вспомнил про затмение и выпалил:

— Стекла надо еще коптить! Затмение завтра, ты что, не слышал?!

— Слышал! — без особого интереса произнес Вовка. — Так затмение-то завтра днем. Утром и закоптим. Из вашего окна и посмотрим. Ваше самое солнечное.

— Наше самое солнечное!.. — подтвердил я девочке и показал на наше окно.

Девочка повернулась к Вовке спиной и, обращаясь ко мне, сказала:

— Хочешь, я завтра приду к тебе и мы будем вместе смотреть? Только ты закопти и для меня стеклышко, ладно?

От неожиданности я чуть не уронил свое зеркало, но все же взял себя в руки и кивнул.

— Я приду в одиннадцать, — сказала девочка и, махнув рукой, пошла в сторону своего дома. Я попрощался с Вовкой и тоже понесся домой — искать и коптить стекла.

Закоптив стекла, я стал составлять программу на следующий день. Прежде всего я твердо решил не приглашать на затмение Вовку. «Испортит все дело», — рассудил я. Затем я решил устроить после затмения чаепитие. И тогда рассказать девочке о своих занятиях фотографией, охотой, рыбной ловлей, шахматами, всеми видами спорта и многим другим. С этой целью я одолжил у одного приятеля фотоаппарат, а у другого — удочку и шахматы.

Фотоаппарат я поставил на самое видное место, а удочки засунул за шкаф, но так, чтобы концы удилица все же виднелись. Шахматную доску я раскрыл и расставил фигуры таким образом, чтобы даже непосвященному было ясно, что партия прервана в безнадежном для черных положении (белыми, подразумевалось, играл я).

Всех этих приготовлений мне показалось явно недостаточно, и, как только пришел наш сосед, я попросил у него несколько серьезных книг. Книги я заложил полосками бумаги. После этого, мне думалось, ни у кого не могло возникнуть сомнений относительно моей начинности.

На другой день я вскочил чуть свет. Подождал, пока родители ушли на работу, и сделал последние приготовления: занавесил в прихожей бочку с желтыми плавающими огурцами, протер в квартире пыль, сбегал в мага-

зин — купил печенья к чаю. Потом зашел к Вовке и сказал:

— Знаешь, Вовк!.. Ты не приходи ко мне сегодня смотреть затмение...

— Почему? — нахмурился Вовка.

— Понимаешь... — начал я объяснять.—Ме-ня дома не будет... Я уйду по делам.

Вовка посмотрел на меня исподлобья и ска-зал:

— Ладно, не приду.

Вернувшись к себе, я положил закопченные стекла на подоконник и стал ждать прихода девочки.

До одиннадцати часов я сидел как на игол-ках. То и дело смотрел на часы, выглядывал в окно, но она не приходила. В начале двена-дцатого в меня вдруг вселилась маленькая обида: «Могла бы прийти вовремя, — подумал я. — Все-таки затмение! Такой день!»

Я вспомнил, что из-за нее сегодня никуда не ходил с Вовкой, и совсем разозлился.

Я вспомнил, как мы с Вовкой ходили кидать камни в пыль. Камни тонули, и от них остава-лась большая воронка, а вокруг еще множест-во маленьких — от пылевых брызг. Я вспо-нил, как мы с Вовкой однажды катались на «чертовом колесе» в парке, как наша кабина медленно поднималась вверх и мы уже виде-ли верхушки деревьев и маленькие, точно иг-рушечные, дома. И как ветер раскачивал нашу кабину, и у нас с Вовкой захватывало дух. И как потом мы опускались и все далекое снова приближалось, и сразу становилось спокойно и радостно.

Я вспомнил, как однажды мы с Вовкой на-пустили в их комнате воды и стали пускать на полу кораблики. И как пришел Вовкин отец и поставил нас в угол, предварительно отодви-нув от угла шкаф. Я вспомнил, как мы стояли за шкафом и он улыбался и толкал меня в бок, такой замечательный мой друг, Вовка!

Я вспомнил, как просил Вовку не приходить, и мне вдруг стало ужасно стыдно. Я выбежал

на улицу и со всех ног помчался к нему. Я влетел в их квартиру, схватил Вовку за руку и потащил к себе.

Дома я убрал фотоаппарат и шахматы, за-крыл книги. Усадил Вовку перед окном, протя-нул ему самое лучшее стеклышко, и мы стали смотреть на солнце.

Как только солнце начало прятаться за лу-ну, Вовка шепнул:

— А что если оно навсегда скроется?

Я только на миг представил, что больше ни-когда не будет лета и наш переулок не будет затоплен солнцем, не будут распускаться цве-ты, я не смогу пускать солнечных зайцев, — и мне стало страшно.

К счастью, солнце скрылось только на ми-нуту, а потом сразу же с другого конца луны появился светящийся краешек. Он становился все больше и больше, и наконец появилось все ослепительно яркое солнце.

Потом мы с Вовкой пили чай и ели печенье, и радовались солнцу, сверкавшему в нашем окне. Когда мы все съели, вдруг пришла де-вочка и извинилась, что опоздала.

— Зашла подружка, и мы с ней заговари-лись, — сказала она.

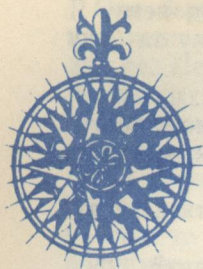
Мы стали пить чай втроем, но уже без пе-ченья. С одним сахаром. За столом девочка заговорила о затмении. О том, как хорошо было бы без солнца.

— Кругом была бы одна темнота, — таин-ственно произнесла она. — Светились бы толь-ко фонари и светляки. И все жили бы как в сказке...

Девочка мечтательно закатила глаза и за-улыбалась. И вдруг встала и начала танце-вать с закрытыми глазами.

В этот момент я почему-то почувствовал, что она просто хочет казаться необыкновен-ной. Что она только так говорит, а думает со-всем иначе. Я посмотрел на Вовку, и он под-мигнул мне. Наверно, он почувствовал то же самое.

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
капитана
второго ранга
С. Сахарова

Оформление
Р. Попова

Год издания 16-й

МАЛЕНЬКАЯ ИСТОРИЯ

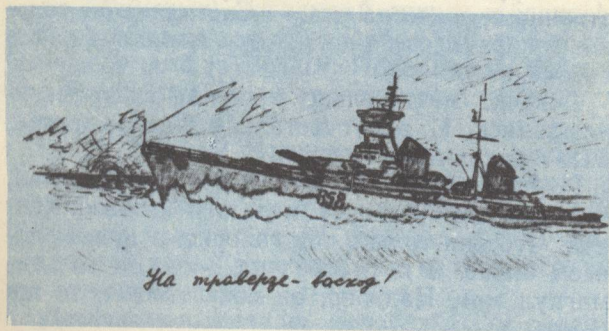
В Нахимовское Володю не приняли: в школе он учил немецкий, а в Нахимовское надо сдавать английский. Огорчился он, конечно, сильно. Весь день пролежал на чердаке возле слухового окна. Море между крышами синело горячее и далекое. Кораблик по морю плыл. Эх, прощай мечты!

Потом взял себя в руки и послал документы в мореходку. За экзамены не беспокоился, в учебе он был упрямый.

Однако снова не повезло ему. Зрение у Володи оказалось плохое.

...Обо всем этом я узнал и очень Володе сочувствовал. Потом мальчишка исчез с моего горизонта. И вдруг получаю от него письмо, на конверте адрес: г. Николаев, Судостроительный техникум.

Не пал духом Володька. Судостроение — все-таки к кораблям поближе.

Стали мы переписываться. И тогда-то оценил я его характер. Действительно, упрямый. И главное, влюбился в свое будущее дело — корабли строить.

Почти каждое его письмо начиналось словами:

«Простите, что задержался с ответом — некогда...» или «Извините, что не писал долго, нет времени, занимаюсь по ночам».

Год за годом, курс за курсом и всегда ему — некогда...

«Некогда. У нас была практика на судостроительном заводе. Насмотрелся на корабли вдоволь».

Видел спуск сухогруза «Монарх» (порт приписки — Антверпен). Сейчас снова учимся и снова без троек...»

«Нет времени, начал еще учить немного испанский,

посмотрим, что выйдет. Хочу знать язык Колумба и Дон-Кихота...»

«Извините, что пишу редко. Занят был работой по курсовому проекту, делал макет секции продольного набора корабля. Потом — экзамены. Из пяти уже сдал четыре. Троек по-прежнему нет...»

И наконец, Володя мне написал: «Все экзамены, даже строительную механику корабля, сдал на «5». Последний семестр уже. Как всегда, нет времени — ухажу на практику на корабль. Когда-то, помните, я очень горевал, что не смогу стать капитаном... А теперь я и не знаю, может ли быть что-нибудь лучше, чем корабли строить, а потом их испытывать...»

Вот какая маленькая история.

О. Орлов
Рисунки Володи

СООБЩАЮТ ЮНКОРЫ

Морскую команду мы создали сами. Летом мы собираемся отправиться в поход на резиновой лодке. Сши-

ли одежду (штормовки), приготовили удочки и компас. У нас есть свой шифр, и мы им переписываемся. Одного члена команды пришлось исключить: он обижал малышей и учил-

ся очень плохо. Он сказал, что исправится, и тогда мы его снова примем.

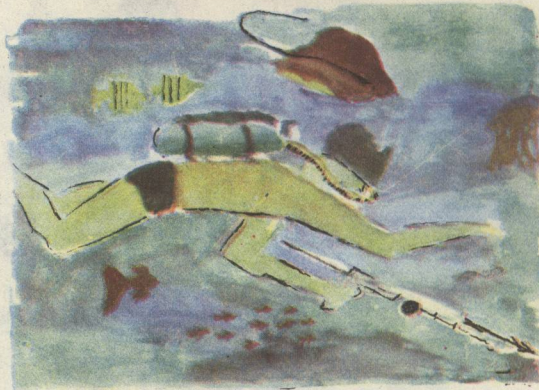
Борис Мубаракшин,
Новосибирск

С
Д
Е
Л
А
Л
С
А
М

Модель шхуны-брига «Пилигрим» по нашим чертежам сделал Саша Низов из Свердловска. Модель хорошо плавает и управляется. Сейчас Саша делает другую модель — эсминца.

С ВЫСТАВКИ „МОРСКОЙ ГАЗЕТЫ“

Этого аквалангиста нарисовал С. Борец из города Кстово.

ПОДВОДНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Повесть в картинках и фотографиях о подлинных событиях и находках, а также об инструментах и приборах, которыми пользуются подводные археологи. (См. «Костер» №№ 6, 7, 8, 9).

13. Теперь главным механизмом стал воздушный лифт. На суше можно пустую породу отнести в сторо-

душный лифт отсасывает ненужный мусор и пустую породу.

14. А это — микролифт. С его по-

подводной наблюдательной камеры, которую буксирует корабль. Акванавт во время такой «прогул-

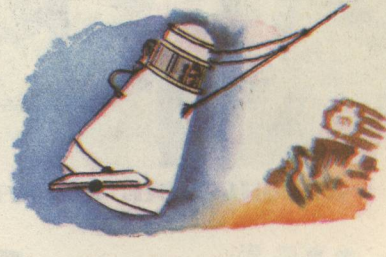

ну; под водой песок отнести в сторону нельзя: он плавает, льется с лопаты и оседает на прежнее место. Воз-

мощью аквалангист очищает амфору или статуэтку.

15. Место раскопок обозревают из

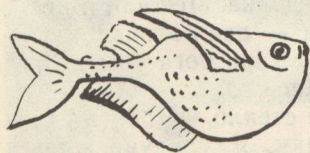
ки» составляет планы следующих работ.

Окончание следует

КЛИНОБРЮШКИ

Знакомый моряк привез мне из Южной Америки подарок — двух маленьких и красивых рыбок. Выпустил я их в отдельный аквариум. Живут рыбки, корм поедают, но ведут себя как-то странно: дверь хлопнет или чашка на столе звякнет — рыбки быстро-быстро к поверхности плывут, словно что их напугало. Так рыбки жили, толстели, а я радовался: растут, значит, прижились...

И вдруг подошли рыбки. Сначала одна, потом — другая. Почему — неизвестно. Потом я узнал, что рыбок этих зовут клинобрюшками и что они — летающие. Взлетают с воды, спасаясь от врагов, и так быстро машут в воздухе плавниками, что слышится жужжание. Вот и мои клинобрюшки, когда дверь хлопала, пугались и пытались взлететь. Но разве в тесном аквариуме взлетишь? Разгон взять — места нет. Клинобрюшки же привыкли много и быстро двигаться. А в аквариумах клинобрюшки жить не могут: жиреют и подыхают.

Г. Гусев, аквариумист

Кто такой Джон Работ?

«Однажды папа дал мне марку, на которой изображен парусник. Папа сказал, что получил эту марку в подарок от канадского моряка, когда был в Канаде. Что за корабль изображен на марке и чему марка посвящена?»

Вася Мошков
Ленинград»

На марке, Вася, изображен корабль мореплавателя Джона Кабота — каравелла «Мэтью». Пять веков назад Джон Кабот отправился в Атлантический океан на поиски легендарного острова Бразил. Острова Кабот не нашел, но открыл берег Североамериканского материка. Посылаю тебе марки с изображениями разных кораблей.

Робинзон

ЛЮБИТЕЛЬ ФОТОГРАФИИ

РАССКАЗ

Сергей Баруздин

Рисунки Т. Соловьевой

Есть в Африке страна Уганда. А в ней — знаменитый заповедник. Мерчисон — так называется этот заповедник.

Когда мы поехали с моим другом в Мерчисон, он предупредил меня:

— Вы можете фотографировать все что угодно: слонов, бегемотов, крокодилов, диких буйволов, жирафов, но только не вздумайте снимать носорогов, если, конечно, мы их встретим. Я сам — любитель фотографии, но в позапрошлом году попался. Ударил носорог в капот машины так, что мы еле ноги унесли...

Шофер-африканец усиленно кивал, видимо, в знак согласия. Он плохо понимал по-русски.

Долго мы ездили по заповеднику, кого-кого не видели и не фотографировали, а меня все подмывало:

— Где же носороги?

— Посмотрим, — говорил мой друг.

И вот наконец они. Три милых таких серых

кочки вдали. В относительной дали — сто метров.

Шофер остановил машину, но сразу же предупредил:

— Сэр, только не выходите! Если выйдете, я уеду. Я с этими тварями второй раз не желаю встречаться...

До носорогов было не близко. Они лежали спокойные — трое. Три серых кочки. Папа, мама и сын, а может быть, дочка. Лежали в песке. Три огромные головы — две большие, третья чуть меньше, могучие уши, рога — по два на каждого. Ничего страшного!

— Сэр, не открывайте стекло, — опять сказал шофер, — а то я уеду. Я предупреждаю вас, что ни за что не отвечаю...

Как раз в этот момент самый, видимо, главный носорог — папа — встал и на своих старческих ногах медленно направился к нашей машине. Он шел, как огромная такса...

Шофер включил газ и мы рванулись вперед, но остановились. К удивлению шофера и моего друга, носорог не ринулся за нами, а тоже остановился на дороге и смотрел на нас с некоторым удивлением. Перебирал копытами, дул ноздрями в дорожную пыль и поднимал свои маленькие блестящие глаза в нашу сторону.

Рога как бородавки на носу. Одна больше, другая меньше. Но это не бородавки, а рога! Отличный носорог!

Никак нельзя упустить такого носорога!

— Сэр! — воскликнул шофер, но было уже поздно: я открыл дверцу машины и пошел назад.

Носорог медленно ковылял навстречу мне. Я — с фотоаппаратом — навстречу ему. Фотоаппарат у меня самый обыкновенный, без всяких телеприставок. Мне надо было снять этого носорога. И он спокойно шел на это. Тихо, мерно переваливаясь на огромных своих ногах, шел навстречу мне. Оставалось сто метров, семьдесят пять...

Я щелкнул, но не попал: за спиной заревела машина, я оглянулся и увидел, что она уезжает. Отъехала и остановилась. Значит, шофер выполнил свое предупреждение.

А носорог тоже остановился, заслышав шум мотора. И вяло смотрел на меня. И только когда я второй раз навел на него фотоаппарат и щелкнул, медленно развернулся и пошел в сторону — к своему семейству...

— Сэр, — сказал шофер, когда я вернулся в машину, — я прошу у вас прощения. Но, право, эти звери страшны, они уже пробили меня один раз. А этот... Ну, этот, наверное, просто любит фотографироваться...

Когда я вернулся в Москву и проявил пленку, увы, никакого носорога на ней не было.

А получилась наша машина с тыльной стороны. Отлично вышел багажник. И даже номер. Снимок той машины, которая бросила меня при встрече с носорогом.

Неужели, когда я бежал от носорога к машине, то успел ее сфотографировать?

РАЗГОВОР В ОПЕРЕ

Однажды в опере, на спектакле «Гугеноты», один из зрителей принялся фальшиво подпевать оперным певцам.

Сидевший рядом Крылов громко произнес:

— Какое свинство!

— Это вы мне? — спросил «певец».

— Что вы, сударь, это я вон тому гугеноту, который мешаает мне слушать ваше пение!

„БЛАГОДАРИЮ ЗА ЛЮБЕЗНОСТЬ“

У Крылова был приступ подагры. Один торговец фруктовыми водами прислал ему ящик своего лимонада, уверяя, что он отлично вылечивает от подагры. На самом деле купец имел на уме другое: он всем расскажет, как его напитки вылечили дедушку Крылова, и от покупателей отбою не будет.

Немного времени спустя торговец получил свой лимонад обратно с запиской от баснописца: «Благодарю за любезность. Я попробовал ваше питье, но, извините меня, предпочитаю ему подагру...»

БАБА-ЯГА, МАТЕМАТИКА И КЕДЫ

Сегодня у меня было необычное утро. Перед тем как проснуться, я вскочила с кровати. Конечно, еще во сне. И тут уже на самом деле проснулась.

Мне приснилось, что какая-то Баба-Яга хочет забрать мой учебник математики (а математику я очень люблю).

Спросонок мне еще казалось, что все это правда. Портфель мой был в другой комнате, где спала мама. «Ну, хорошо, — подумала я, — пока там мама, Яжища его не утащит». Я быстро оделась, умылась, проглотила завтрак, собрала все для физкультуры, схватила портфель и вышла на лестницу.

На нашем, третьем, этаже и на втором горел свет, а на первом — нет. «Ну, это твои проказы!» — подумала я. И вдруг сбоку мелькнула нога в кеде! Я как припустила бежать!

Опомнилась на улице. Подумалось: почему Баба-Яга не летела в ступе и почему бежала в кедах? Случайно я глянула на свой портфель и рассмеялась. На ручке портфеля показывались мои кеды.

Это все не выдумка, это правда. Пусть похоже на сказку.

*Зоя Любченко,
5 класс, Полтава*

Рисунки Л. Каминского

МИШКИНЫ ПРОКАЗЫ

Тихо во дворе... Но это только пока. Сейчас сюда придет Мишка! Он не хозяин всего этого дома с многочисленными жильцами, он сам обыкновенный жилец из седьмой квартиры. Но дела творит необыкновенные.

Недавно Мишка изобрел «ракету», но на ракету она похожа не была. Это была простая бочка из-под соленых огурцов. Мальчишки под руководством изобретателя Мишки налили в бочку чего-то (чего — они никому не сказали) и подожгли. В бочке что-то тарарахнуло, потом она завертелась, заходила ходуном, крышка с грохотом вылетела, и двор наполнился едким сероватым дымом.

Все взрослые, кто только был дома, поспешили на «стартовую площадку». Заглянули и прохожие. Все интересовались, что же такое произошло. Сквозь дым увидели крутящуюся бочку с белой надписью «На Марс». Дядя Вася из пятой квартиры, у которого под руками всегда было все нужное и ненужное, быстро спустил с балкона большущий шланг и направил тугую прозрачную струю на бочку. Бочка затихла, упала набок и тихонько шипела, как самовар.

Мальчишки давно уже разбежались и наблюдали за происходившим из-за углов.

— Да-а, — произнес дядя Вася, — действительно на Марс можно было взлететь.

*Лариса Бушева,
7 класс, Казинь*

Я по пыльной улице шёл
и стекло случайно красное нашёл,
поглядел сквозь него я, и вот
стали красными дома и панель,
красным стал автомобильный завод,
речка синяя и в речке форель,
и зелёный зазелел виноград,
запылал каждый лист, каждый злак,
и пунцовым стал седой Арарат,
превратились облака в красный флаг,
стало солнышко как огненный шар,
пешеходы — языками огня,
и фонтан превратился в пожар,
стала красной даже тень от меня,
только я сохранял прежний цвет:
у других такого стеклышка нет!

Эдуард Авакян

РАЗГОВОР О МОРЕ

- Видел море, Аветик?
- Я читаю много книг.
- Не про книги разговор!
- Да, я видел много гор.
- Брось хитриты!
- Я не хитрю.
- Я про море говорю!
- В нем воды...
- Как в нашей ванне?
- Что ты! Больше, чем в Севане!
- В нем акулы и киты.
- Значит, море видел ты?
- Да. И шторм я видел—сила!
- Ну! И где же это было?
- В Черном, Белом или Каспийском?
- Что пристал ты с этим списком?!
- Есть ведь разные моря.
- Откровенно говоря,
море видел я в кино.
- Как же выглядит оно?
- Сверху — волны, снизу — дно.

Микаэль Арутюнян

Рисунки Карена Сумбатьяна 1

ЛЕГЕНДА

Вначале был Человек.
Он жил на земле один-одинешёнок. Во-
круг были одни камни.

Стало ему однажды очень-очень скучно.
Взял тогда Человек камень и нарисовал
на нем Птицу.

Бросил он тот камень в небо; думал, что
упадет. А камень замахал нарисованными
крыльями и полетел.

Взял тогда Человек другой камень, на-
рисовал на нем Рыбу и бросил в море;
думал, что потонет. А камень зашевелил
нарисованным хвостом и поплыл.

Тогда Человек набрал много-много дру-
гих камней и принялся рисовать. Нарисо-
вал Медведя, Джейрана, Лисицу, Зайца и
отнес их в лес. Камни покрылись шерстью,
у них выросли лапы и когти и все осталь-
ное, и они побежали кто куда.

И сегодня есть люди, которые рисуют
на камне.

Одни рисуют на камне Дома.
Другие рисуют на камне Цветы.
А третьи даже рисуют на камне Людей.
Все камни рано или поздно оживают.

Зорайр Холопян

ПОЧЕМУ НЕ ЗАМЕРЗАЕТ ДЕРЕВО

Пришла зима. Теперь никто гулять не выйдет без пальто и не надев перчатки — от Львова до Камчатки.

Теплей одевшись, в сад иду и вижу: дерево в саду коричневого цвета стоит, совсем раздето.

И непонятно, почему совсем не холодно ему, а мне в пальто, где вата внутри, холодновато?

Мнацакан Гарьян

БЕДНЫЙ АШОТ

На лице у Ашота испуг: чем бы он ни занимался, вокруг либо „мало“, либо „много“ твердят и с упреком на Ашота глядят.

Говорит ему матушка строго:

— Много бегаешь по улицам, **МНОГО**.

— Верно, — бабушка вздыхает устало.

— Мало кушает Ашотик наш, **МАЛО**.

И отец, придя с работы, с порога:

— Телевизор, — говорит, — смотришь **МНОГО**.

А теперь еще и в школе попало:

— Мало делаешь уроки ты, **МАЛО**.

И в глазах у Ашота тревога.

У него в ушах звучит **МАЛОМНОГО**.

МАЛОМНОГО на душе его что-то...

Пожалейте беднягу Ашота!

Людвиг Дурян

ДВА КОСАРЯ

(НАРОДНАЯ СКАЗКА)

Жил-был на свете один человек, большой любитель поесть. И был у него двенадцатилетний сын, вылитый отец.

Как-то жарким летним утром собрались они в поле косить. Набрали с собой еды, взяли косы, пошли в поле. Пришли, покосили немного. Отец и говорит:

— Знаешь, сынок, что-то я проголодался. Давай пообедаем.

Сели они обедать. Отец был большой любитель поесть, а сын — вылитый отец. Отец берет большой кусок, а сын — два. Соревнуются. Наконец, чувствует сын: больше не лезет.

— Разве можно, — говорит отцу, — столько есть?

— Вах! — отвечает отец. — Я же такой сильный, большой. Настоящий мужчина, богатырь. Я должен много есть. И ты, сынок, весь в меня, тоже силач, настоящий барс. Тебе надо много кушать.

Поели они, начали косить. Немножко покосили, чувствуют: устали. Сын говорит:

— Отец, что-то устал я. Давай отдохнем, а?

— Давай, — говорит отец.

Легли они в тень, отдыхают. И видят, что очень мало скосили они.

— Отец, — спрашивает сын, — почему мы так мало скосили?

— Вах! — отвечает отец. — Я старый больной человек. А ты — маленький мальчик, совсем ребенок. Где нам управиться с таким большим полем!

Обработал Арташес Назинья

Рисунки Карена Сумботяна

Перевел Леонид Виноградов

ОЛИМПИЙЦЫ, К БОЮ!

Сегодня — последний тур финала Олимпийского турнира. С честью вышедшим из предыдущего испытания нужно развить свой успех; отставшим — догонять; а потерпевшим неудачу — не унывать: в новом году их ждет новое соревнование, и сегодняшнее задание — отличная к нему тренировка.

Шахматисты, за доску!

№ 1. Белые: Крe5, Фf8, пп. b6, d5, f5; черные: Крд7, п. e7. Мат в 2 хода.

№ 2. Белые: Крг1, Cd3, Кc4, Ke4; черные: Крд1, п. d2. Мат в 3 хода.

№ 3. Белые: Крh1, Фа3; черные: Крf1, п. e2. Мат в 5 ходов.

№ 4. Белые: Крh3, Cd5, Cf6, Kh6, п. d2; черные: Крf4, п. d4. Мат в 3 хода.

№ 5. Белые: Крг3, пп. a6, c6; черные: Крb8, пп. f7, g4, h5. Белые выигрывают.

№ 6. Белые: Крг1, Фа5; черные: Крb7, Лh2, Ch1, пп. g2, g3, h4. Белые выигрывают.

Шашкисты, на старт!

№ 1. Белые: a1, c3, e3, f4, g3, h6; черные: b8, c5, c7, e7, f8, g7.

№ 2. Белые: a3, a7, b4, c3, e3, f4; черные: b8, c5, d6, d8, f6, g7.

№ 3. Белые: a1, c1, e1, f2, g3, g5, h2; черные: a3, c3, e5, e7, f8, h6, h8.

№ 4. Белые: Д. c5, g1, пр. e5; черные: пр. b2, b8, c7, g5, g7.

№ 5. Белые: Д. a7, d6; черные: пр. c3, g5, g7.

№ 6. Белые: пр. a3, b4, c3, d2; черные: пр. b6, c7, d6, e7.

В №№ 1—5 белые выигрывают, а в № 6 — делают ничью.

УГОЛОК ЗАЯДЛЫХ СПОРЩИКОВ

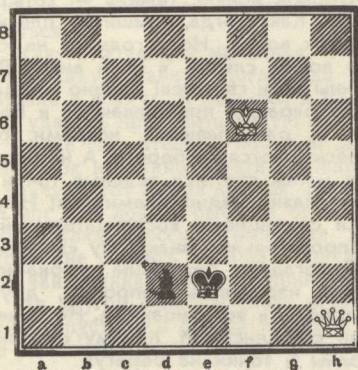
Когда Витя Боков перевел партию в окончание, где у него был ферзь, а у Валерки только пешка, он с облегчением вздохнул и крикнул судье:

— Никола, нарисуй-ка мне единицу!

— А что? Уже выиграл?

— Сейчас дожду!

Однако «сейчас» не получалось...

Боков без конца шаховал Валеркиного короля — и прямо, и по диагонали, и сзади, и сбоку, а король крутился вокруг пешки и хоть бы что! «Видно, нет выигрыша», — с горечью подумал Боков и предложил Валерке ничью.

Ребята окружили их столик, и тут, конечно, вспыхнул спор.

— Не выиграл с ферзем против пешки! — посмеивались одни.

— Да здесь никогда и не выиграть! Одним ферзем мат не дашь, а короля на помощь не двинешь: пешка сразу ферзем станет! — возражали другие.

Спорили, спорили, но к единому мнению не пришли.

А что думаете вы, доблестные рыцари? Кто тут прав? Напишите в АРЧЕБЕК. А в «Костре» № 11 ответ даст международный гроссмейстер Юрий Авербах.

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 8 решаются так.

Шахматы. Задача — 1 b8C! Крb6 2. Крb3. Этюд — 1. Фа8 Крг1 2. Фа7+Крh1 3. Фb7 Крг1 4. Фb6+ и т. д. В итоге — мат ходом 12. Фf1X. Для рыцарят — 1 Ла8! и черные должны отдать за пешку

свою ладью. Кооперативный мат. (Юра) — 1. b1C! Крг5! 2. Ca2 Крh6 3. Cg8 g7X. (Ваня) — 1. Ле8! Кd8 2. Ке7 deKX.

Шашки. А — 1. cd4! a:e3 2. ac1X. Б — 1. he5! (Только так!) 1... cb4 2. hg7 ef6 3. eb8! 4. ba7X.

КОЛОНКА РЫЦАРЕНКА

Отважные рыцарята! Вы видите, какая отчаянная борьба идет за теннисным столом. Толя и Нина (они

стоят к вам лицом) терпят жестокое поражение, и это им очень обидно. Но, может быть, они возьмут реванш в неоконченной шахматной партии? Как вы считаете: удастся им это?

ПРИКАЗ № 10

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕК-КОМ, приказываю:

§ 1. Рыцарям-финалистам и рыцарям доложить о выполнении боевых заданий до 15 декабря.

§ 2. Рапорты, написанные небрежно, не принимать.

§ 3. Всем рыцарям вместе с рапортом прислать свой «Листок учета», отметив там верно выполненные задания.

§ 4. Олимпийский турнир считать законченным. Жюри — подводить итоги.

§ 5. Трижды салют!!!

Шахмат-адмирал Ферзьберри

Н А ПОМИНАЕМ: ПРИГОТОВИЛИ ЛИ КОРМУШКИ ДЛЯ ПТИЦ? ВЫЧИСТИЛИ ЛИ СКВОРЕЧНИКИ И ДУПЛЯНКИ? ПРИВЕЛИ ЛИ В ПОРЯДОК ЛЕТНИЕ КОЛЛЕКЦИИ? ЕСЛИ НЕТ, ТО ЕЩЕ НЕ ПОЗДНО!

Раздел ведет писатель Н. Сладков

Обформление А. Януса

БУДЬТЕ ЗНАКОМЫ

Этого тюленя называют морским зайцем. А он ничем не похож на зайца. Уши еле заметны, ноги-ласты короткие.

Питается рыбой, крабами и моллюсками. И весит этот «зайчик» до 300 килограммов.

В. Михайлов

РАССКАЗЫ БЫВАЛЫХ ЛЮДЕЙ

МУРАВЬИ-ХИМИКИ

На муравьиной куче у ручья лежали маленькие ракушки. Некоторые были пусты, а над другими трудились рыжие лесные муравьи, вытаскивая из них содержимое. Лесные муравьи — хищники, и не удивительно, что они притащили в муравейник улиток. Но как они сумели разгрызть крепкие раковины своими относительно слабыми челюстями? Это была загадка.

Пришлось внимательней приглядеться. Оказалось, муравьи действовали не силой, а хитростью! Они вырызгивали на ракушку капельки муравьиной кислоты. Ракушка сейчас же начинала шипеть и пузириться: кислота разъедала углекислую известь, из которой ракушка построена. Домик улитки ломался, становился хрупким и тонким, и теперь уже его легко было разгрызть. Кто бы мог подумать, что муравьи знают химию!

Н. Мариковский

ЗАГАДКИ И ТАЙНЫ

ОДНАЖДЫ НОЧЬЮ

За лето я пристрастился к ночным купаниям в море. И вот уже август, лету конец, а я каждую ночь хожу на берег. Вода черная, теплая, волна то поднимет, то опустит. Качаешься, как на качелях, — даже выходить неохота.

И в этот раз я пришел на берег глубокой ночью. Темень — хоть глаз коли. Как всегда, слышится плеск и шорох волны. Но сегодня я не только волны слышу, я их и вижу! Вершины волн светятся! Бледно мерцающие барашки приближаются к берегу, и, рассыпавшись искрами, расплескиваются на берегу. А на берегу тут и там светятся зеленые точки — как глазки радиоприемников! Нашел я и светящиеся восклицательный и вопросительный знаки! Ну «знаки»-то я разгадал: это была рыбка-игла. Одна изогнулась вопросом, другая вытянулась восклицанием. Но почему они светились? И почему светились волны и точки на берегу?

Я зашел по пояс, сильно ударил по воде, и вокруг рук фейерверком вспыхнули искры! Первый раз я видел такое. Может, кто из вас знает, что это было?

О. Чистовский

ЛЕСНЫЕ РАЗГОВОРЫ НА ЗУБОК

Учила волчица волчат: «Живут в лесу зайцы, барсуки, глухари и тете-

ри. Запомнили? Чтоб к следующему уроку всех на зубок знали...»

А. Зимин

КАМЫШОВКИ-МЕТЕОРОЛОГИ

В озере на пучке тростника виднелось прошлогоднее растрепанное гнездо камышовок. А рядом, но гораздо выше, камышовки строили новое. Я бы не обратил внимания, но спутник мой, егерь Максимыч, остановился:

— Поглядите, как высоко нынче камышовки гнездо вьют! — сказал он.

— Ну и что же? — не понял я. — Какая разница?

— Как какая! — воскликнул егерь. — Значит, воды нынче в озере будет много.

Я недоверчиво покачал головой. Но все так и случилось. Конец весны и начало лета были необыкновенно дождливы, вода в озере поднялась высоко и затопила все старые прошлогодние гнезда камышовок. Но нынешним не повредила: они были высоко. Камышовки заранее знали, что воды нынче в озере будет много.

М. Зверев

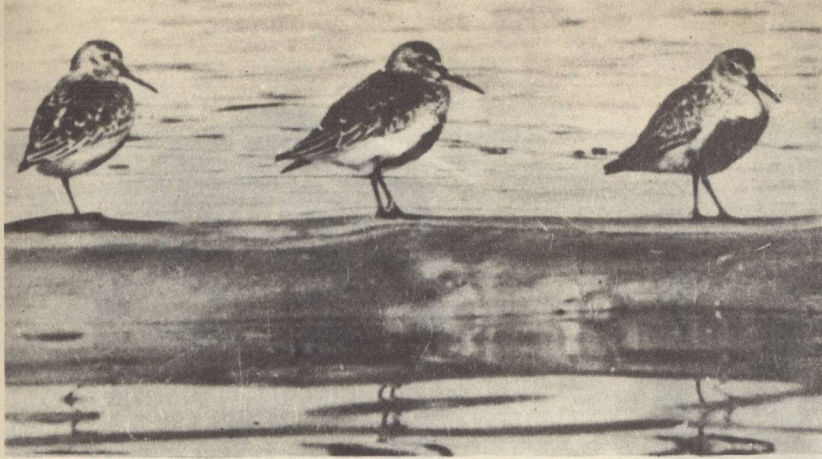

ЛЕСНЫЕ РАЗГОВОРЫ

БЫСТРАЯ УЛИТКА

Говорила улитка улитке: «До чего же ты, подруженька, шустрая, до чего же ты быстрая — как черепаха ползешь!»

МИГ

Кулички-чернозобики суетливы и непоседливы. Но укачало их на плывучем бревне, кулички раздремались — я их и сфотографировал.

В. Михайлов

ДЕЛА И ЗАБОТЫ

ЯШКА

Гурзуфский залив — царство чаек. Они сидят на скалах, носятся в небе, качаются на волнах. Наблюдая за ними, я заметил, что чайки почему-то преследуют одну из своих подруг: отдохнуть не дают и даже отнимают добычу. Долго я не понимал, в чем тут дело. Но случай помог разобраться.

Как-то я увидел мальчика, который в окружении туристов кормил из рук... дикую чайку! Когда еда кончилась, он взмахнул рукой и птица взмыла в воздух. Я подошел к мальчику — его звали Женей — и спросил, как удалось приручить дикую птицу.

— Ее еще птенцом поймали на крючок ребята, — отвечал Женя. — Чайчонок нечаянно схватил наживку на удочке! Тогда ребята отнесли его к врачу, и тот вынул крючок. Но при операции надломил клюв, и чайчонок не мог сам ловить рыбу. Я оставил его у себя и стал лечить и кормить. Когда клюв сросся, я выпустил Яшку на волю. Но он меня помнит, и стоит мне позвать — Яшка, Яшка! — сразу летит на зов. Только вот дикие чайки никак не хотят принять его в свою компанию.

На другой день мы снова встретились с Женей. Он покричал Яшку, и чайка опустилась с неба на воду. Потом смело приблизилась к нам, взяла угощение и улетела в голубые просторы неба и моря.

РЕШАЙТЕ САМИ

„РЫБА

ДОЖДЯ

НЕ БОИТСЯ“

«Ищи леща у хвоща, а ерша — у камыша», «Без свежего воздуха даже рыбадохнет» — эти пословицы и поговорки я поймал на берегу реки. «Громче всех сойка кричит, да редко права бывает», «Дятлу без носа, как волку без ног», — а эти нашел в лесу. А сколько их еще не найденных и не пойманных! Сколько их услышишь из уст охотников, рыболовов, пастухов, пасечников: всех, кто связан с полем, лесом, озером и рекой. Услышишь и забудешь. А жалко! Собирать пословицы и поговорки под силу каждому. А как увлекательно!

Мое дело вам предложить. А вы уж сами решайте: будете собирать или нет. Но кто будет и кому повезет — поделитесь «добычей» с нами. Мы напечатаем найденные вами поговорки и пословицы о природе.

КОСЯ ТЕРКИН

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЖАЛЕЙКИНА

ЖАЛЕЙКИН И ЩУКА

Запустили рыбоводы в пруд карпов: пусть растут и толстеют.

Жалейкин тут как тут! Рыбоводы ушли, а он вдруг увидел в пруду щуку!

«Щука же хищница, — ужаснулся Жалейкин. — Она же, злодейка, всех бедных карпов переловит!» Выловил он щуку и принес ее рыбоводам.

«А карпы наши этому щуренку не по зубам. Щуренок бы только гонял их, а они бы от этого аппетит нагуливали, росли бы быстрее!»

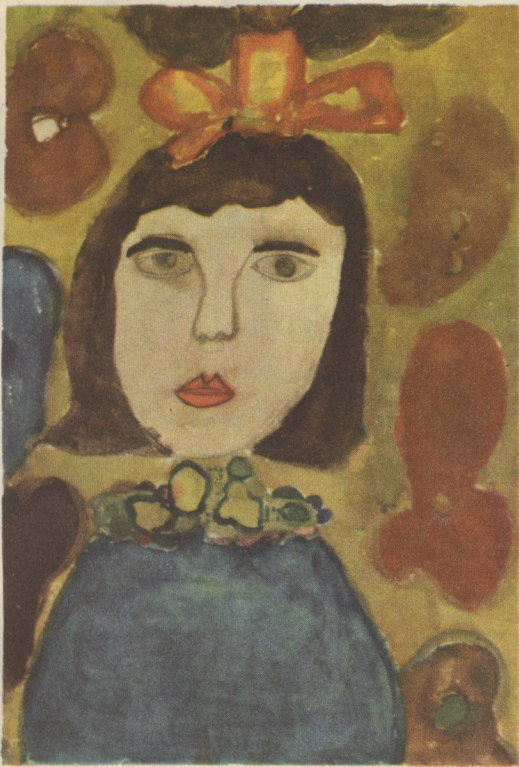

«Вот сколько вреда ты наделал! А все потому, что берешься за дело не долго думая!» И рыбоводы снова пустили щуку в пруд.

Думал, похвалят его, а его обругали. «Мы нарочно ее в пруд запустили, чтобы она мелкую сорную рыбешку вылавливала, чтобы сорная рыбешка карпов корм не поедала!»

Мари а Сколога, 8 лет

АВТОПОРТРЕТ

Юля Агаронова, 10 лет

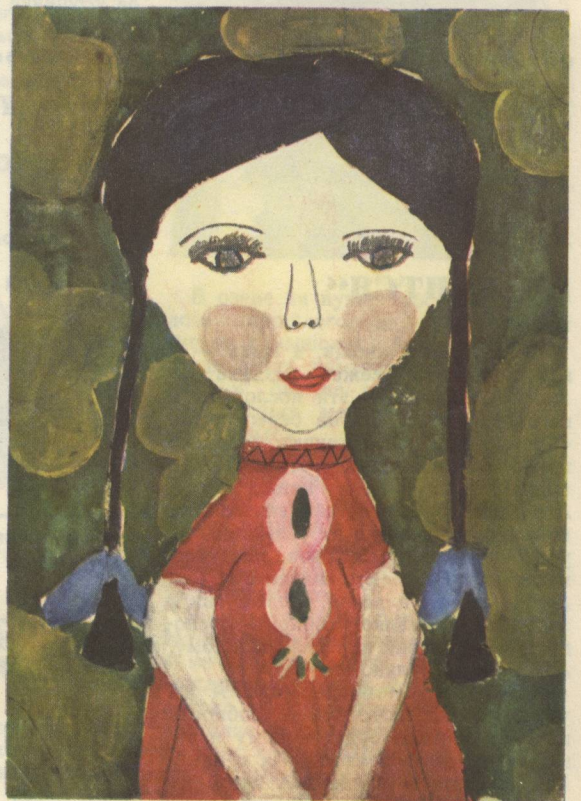
АНЮТА

ПОГОВОРИМ О ТВОЕМ РИСУНКЕ

Света Дутьшева, 8 лет

МОЙ БРАТ МОРЯК

Света Кудрявцева, 9 лет

ПОДРУГА ОЛЯ

Один знакомый мальчик любил изображать войну — большие битвы, сражающихся воинов, и, глядя на его рисунки, мы и не замечали, что все люди у него одинаковы, только у русских мундиры зеленые, а у фашистов — синие. Наше внимание было поглощено драматизмом сраженья, отдельные фигуры солдат мы не разглядывали.

А вот портрет этот мальчик нарисовать не смог бы, так как он совсем не вглядывался в окружающих его людей.

Конечно, строение всех людей действительно одинаково: строение скелета, строение черепа, у каждого по пяти пальцев на руках и ногах; по два глаза, по два уха и по одному носу.

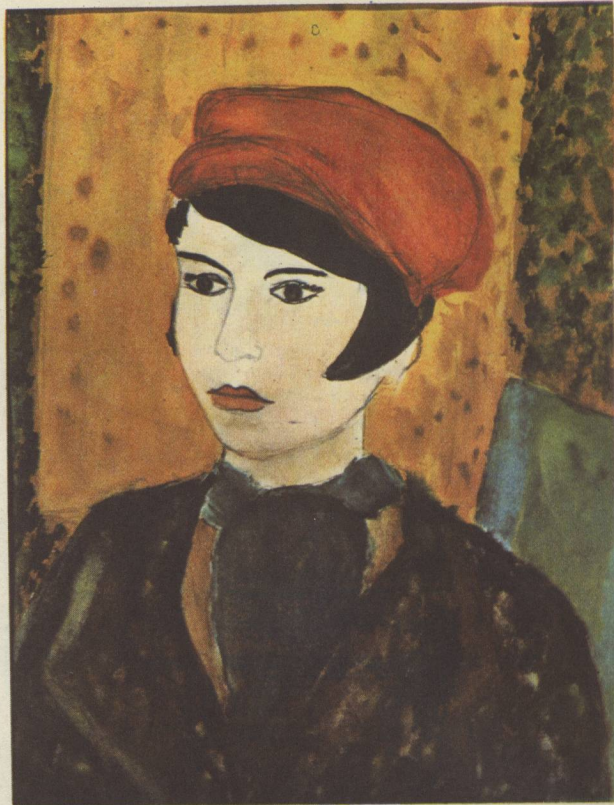
Но внешние формы фигуры, головы, глаз, носа, рта у каждого человека совершенно особые, индивидуальные, и редко случается, когда один человек похож на другого. «Иван Иванович — в повести Н. В. Гоголя «О том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» — худощав и высокого роста; Иван Никифорович немного ниже, но зато распространяется в толщину. Голова у Ивана Ивановича похожа на редьку хвостом вниз; голова Ивана Никифоровича — на редьку хвостом вверх». Вот видите, как непохожи бывают люди.

Чтобы нарисовать портрет, надо быть очень наблюдательным, внимательным к особенностям человека, к его индивидуальным чертам. Важно подметить, какая форма глаз именно у этого человека, какая форма его носа, губ, головы. Надо вглядеться, велики ли глаза, какое расстояние между кончиком носа и верхней губой, между нижней губой и нижней границей лица, какой величины щеки, лоб, какого цвета глаза, голубые они, серые или коричневые, какого цвета волосы, какой цвет лица — бледный или смуглый, розовый или коричневый. Словом, надо стараться уловить все особенности того человека, чей портрет вы рисуете. И чем более вы будете внимательны, тем более верным будет портрет.

А. Пахомов

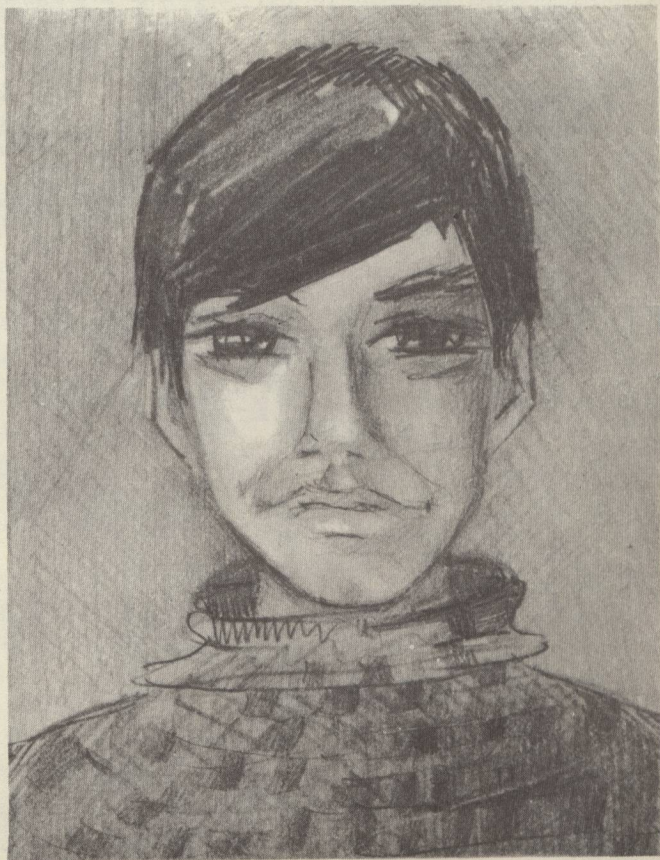
Из многих рисунков, присланных в «Костер», Алексей Федорович Пахомов отобрал для публикации в журнале несколько работ.

О творчестве самого художника можно прочесть в журнале «Костер» № 10, 1970 г. и в книге А. Ф. Пахомов «О своей работе» (издательство «Художник РСФСР», 1971 год).

Лена Блауне, 11 лет

ПОРТРЕТ МОЕЙ СОСЕДКИ

Наташа П., 11 лет

ВЕСЕЛЬЧАК

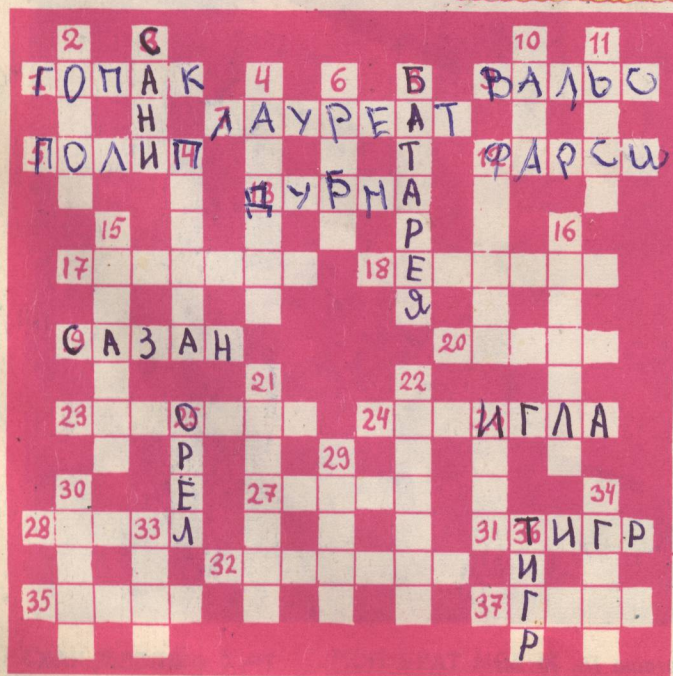

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Украинский народный танец. 5. Животное, образующее коралловые рифы. 7. Победитель конкурса. 9. Бальный танец. 12. Ирано-таджикский язык. 13. Город в Зап. Украине. 17. Пушной зверек. 18. Залив Балтийского моря. 19. Пресноводная рыба. 20. Вождь народного восстания в XVII веке. 23. Река в Сев. Америке. 24. Фамилия двух советских ученых. 27. Почтовый знак. 28. Марка грузового автомобиля. 31. Приток реки Лены. 32. Советский композитор. 35. Плодовое дерево. 37. Река в Харьковской области.

По вертикали: 2. Духовой инструмент. 3. Зимняя повозка. 4. Старинный украинский народный инструмент. 6. Число, состоящее из частей единицы. 8. Единица теплоты. 10. Приток Волги. 11. Озеро в Африке. 12. Стенная живопись. 14. Река в Сев. Америке. 16. Русское мужское имя. 21. Духовой медный инструмент. 22. Вид кита. 25. Хищная птица. 26. Инструмент для шитья. 29. Сухопутные вооруженные силы. 30. Вид комнатной печи. 33. Река во Франции. 34. Вид переправы. 36. Хищный пушной зверь.

Прислал Андрей Новосад
из г. Горска Ворошиловградской обл.

Однажды звездочет Хуссейн, имевший небольшой бассейн, узрел, что бывшие в нем раки клешней лишились после драки. Тогда он раков стал считать: с клешней левой было пять, у четверых имела правая, без одной трое раков плавали, два рака левой не имели и двое в драке уцелели. Над раками своими плача, Хуссейн вам задает задачу: какое наименьшее число в бассейне раков быть могло?

СОДЕРЖАНИЕ

РАФик — в самый раз
репортаж Ф. Нафтумьева
фото О. Василевского 1

Витка с Выборгской
повесть Р. Назарова
рисунки И. Харкевича 4

Стихи С. Погореловского
рисунки К. Претро 15

Продолжение жизни
очерк В. Шумилина 16

О Великих Законах
главы из книги
В. Суслова
рисунки Б. Стародубцева 19

В старом Сормове
очерк В. Блохиной и
Л. Либединой
рисунки А. Гетманского 24

КОСТЯ ТЕРКИИ берет интервью 32

Жизнь еще Эмиль из Лёненберга!
повесть Астрид Линдгрен
рисунки Бьерна Берга 34

Спорт 45

Отвечаем на твой вопрос 48

Морская газета 52

Любитель с фотографией
рассказ С. Баруздина
рисунки Т. Соловьевой 54

Уголок веселого архивариуса 55

Рассказы ваших читателей 56

Уголёк
журнал для малышей 57

Арчебек
шахматы и шашки 59

Зеленые странички
ведет писатель Н. Сладков 60

Поговорим о твоём рисунке
беседа ведет А. Пахомов 62

Главный редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Т. В. Захарова, Л. С. Кокорина, Ф. Л. Нафтумьева, А. И. Пактеев, А. Ф. Пахомов, Ю. Д. Пороиков, Л. Н. Пожидаева, Р. П. Позодия, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. И. Сладков, Н. В. Тереминская (отв. секретарь), Н. А. Ходза, Г. М. Черныкова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор Технический редактор
М. С. Беломлинский В. И. Мецатунова
Корректор
В. А. Маевская

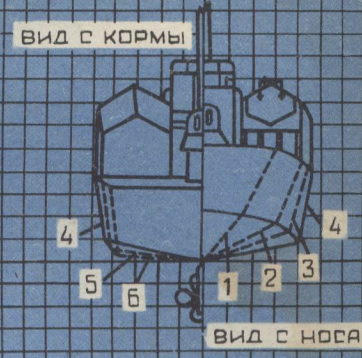
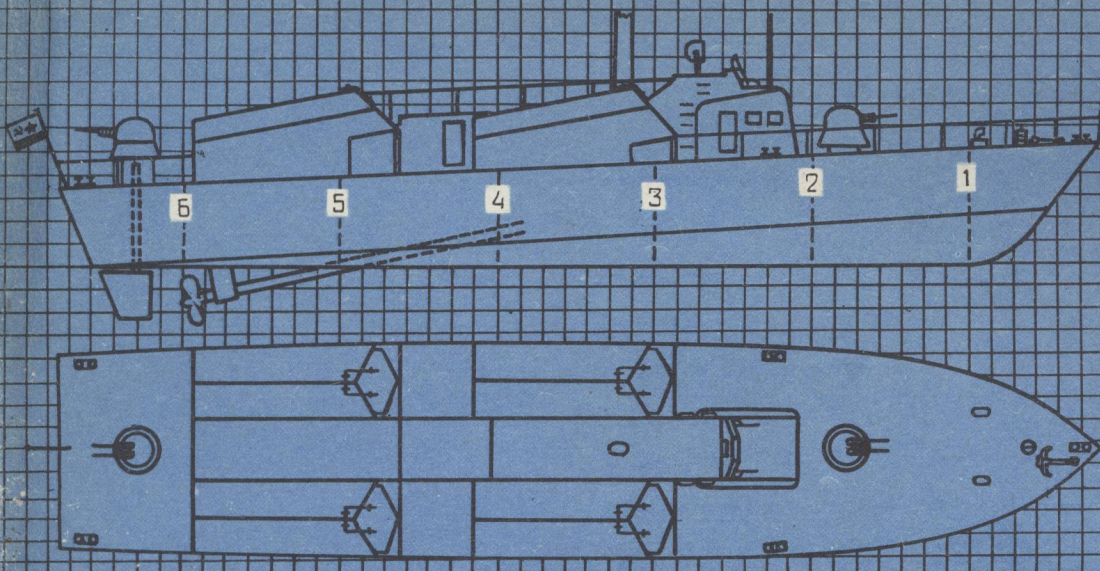
Рукописи и фотографии не возвращаются
Адрес редакции: 193015, Ленинград,
Таврическая, 37, телефон 14-57-76

М-17402. Подписано к печати 23/VIII 1972 г.
Формат 60×90 мм. Печ. л. 8+обл. 8,8 уч.-изд. л.
Тираж 600 000 экз. Заказ 2875. Цена 25 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1
Главполиграфпрома Комитета по печати при
Совете Министров СССР. Кронверкская ул., 7.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ ИЗ «КОСТРА» № 9

- 1) Разговаривают: Наташа — Маша, Петя — Алеся, Катя — Митя.
 - 2) Шарады: Грамматика, Финик — Физик.
 - 3) Кроссворд. По вертикали: 1. Дунай. 3. Карта. 4. Белое. 6. Марокко. 7. Козерог. 10. Сож. 11. Меч. 14. Аракс. 15. Китай. 18. Горох.
- По горизонтали:** 2. Рур. 5. Лазарев. 8. Парта. 9. Хорог. 12. Тобол. 13. Терек. 16. Аккра. 17. Киров. 19. Акробат. 20. Дон.

СДЕЛАЙ САМ

РАКЕТНЫЙ КАТЕР

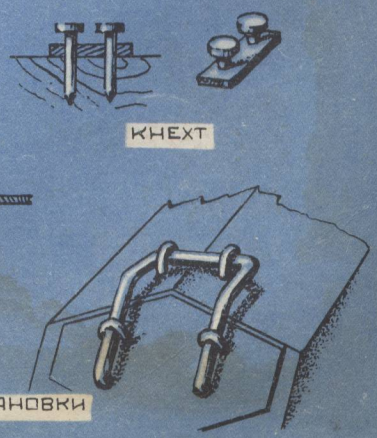
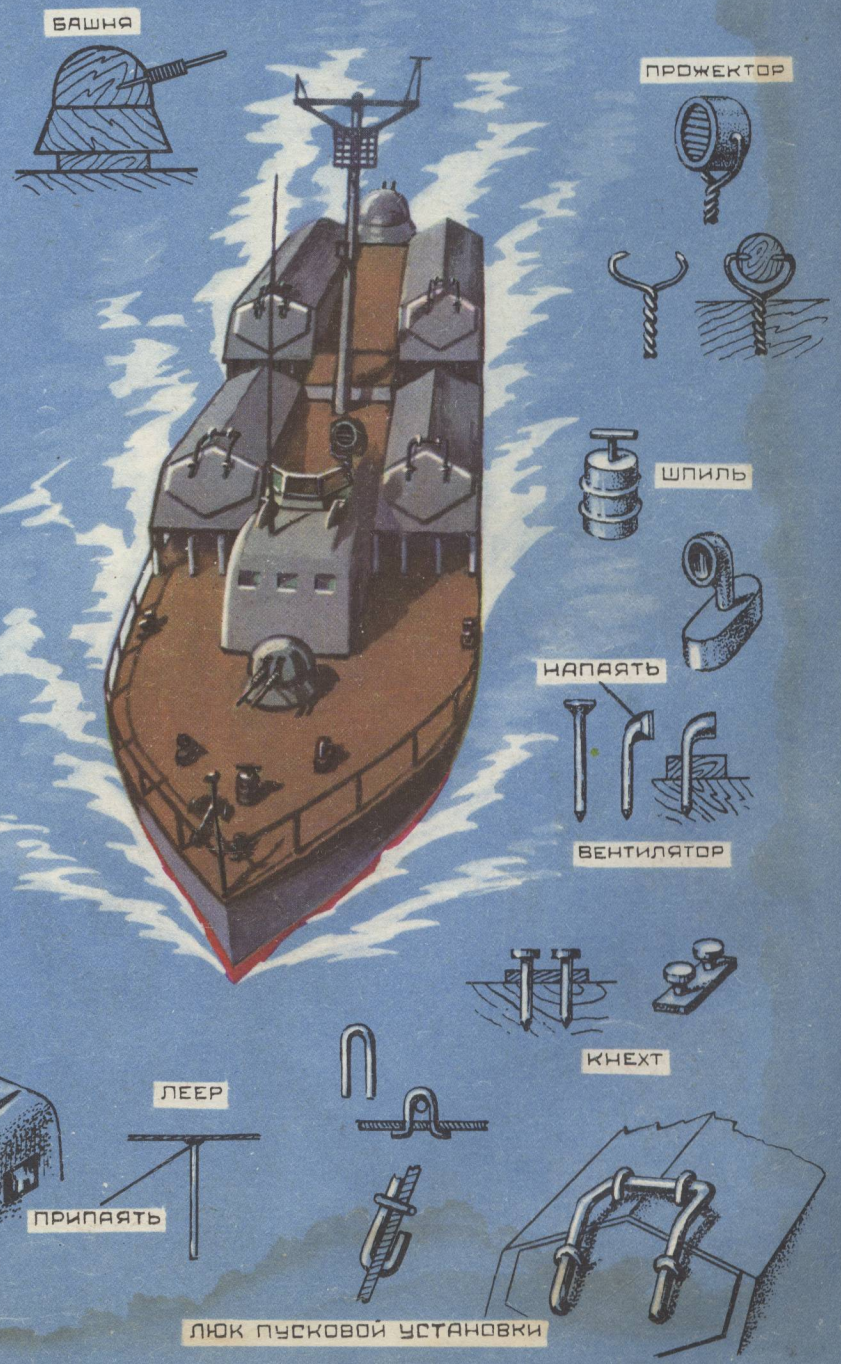
На бруске дерева укрепите выпиленные из фанеры толщиной в 3 мм шпангоуты. Проволокой и клеем прикрепите к ним палубу. Палубу, борта, днище и корму выпилите из тонкой фанеры и тоже с помощью проволоки и нитроклея соедините их со шпангоутами. Когда клей высохнет, проволоку удалите.

Все остальные детали—деревянные. Рубку и пусковые установки склейте из картона.

В корпусе модели установите микроэлектродвигатель и батарейку.

Окрасьте модель в соответствии с нашим рисунком нитрокраской.

И. Секретарев

и Стенгазету

Это я сказал про Свету:
Пусть возглавит стенгазету!
Света — свет, и, значит, Свете
освещать нас в стенгазете!

Ох уж, этот Светин свет! —
Жизнь настала — хуже нет!

Света эта — мастерица
рисовать смешные лица.

Я — в отдел «И смех и грех!»
попадаю чаще всех.

Развалясь на койке,
обнимаю двойки...

Всадником в папахе
мчусь на черепахе...

Я отвел в сторонку Свету:
— Больше темы, что ли, нету!?

Я же дробки поучил
и четверку получил!

— Знаю! — Света мне сказала
и на стенку показала.

Там на стенке,
в стенгазете
в уголке рисунки эти:
Николай — на койке.
Ким — на черепахе.
Казаков — на двойке
казаком в папахе.

Я же еду
мимо них
на четверке вороных!

Да! Не зря, пожалуй, Свету
предложил я в стенгазету!

*Василий Фетисов
Рисунок М. Беломлинского*

